

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 17(43)

Горловка
2024

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Денисов В. Д., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., доц. Калус И. В., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Минералова И. Г., проф. Герасименко И. А., проф. Калинин В. М., проф. Петрова Л. А., проф. Петров А. В., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н. Карпий С. В., доц. Соснина Л. В., доц. Шаталова О. В., доц. Дмитриева Ю. Л., доц. Жихарева Н. А.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»
(протокол № 11 от 26.06.2024 г.)*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет» Министерства просвещения Российской Федерации (Минпросвещения России).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО
В76 «Донецкий государственный педагогический университет» ;
Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 17(43). Языкознание. –
Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024. – 256 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024

УДК 81'367
ЯЗЫК ЭПИСТОЛЯРИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ
ТИПОВ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является исследование речевой культуры носителей языка. Согласно теории внутриязыковых типов речевой культуры, предложенной О.Б. Сиротининой, существует полнофункциональный и неполнофункциональный типы речевой культуры, а также средне-литературный, литературно-жарногизующий и обиходный типы (об этом см.: [13, с. 343]). В лингвистике представлены и другие классификации речевой культуры. Так, И.А. Стернин предлагает выделять элитарный, литературный, средне-литературный, фамиллярно-разговорный и просторечно-разговорный типы речевой культуры [12, с. 4] (вспомним, что термин «элитарная речевая культура» ввел в научный оборот в 1993 г. Н.И. Толстой [14]).

В типологии О.Б. Сиротининой особое место принадлежит полнофункциональному типу речевой культуры, который Н.И. Толстой, И.А. Стернин и др. отождествляют с элитарным типом. Как пишет О.Б. Сиротинина, носители полнофункционального типа обладают «самым высоким уровнем общей культуры» [13, с. 343-344], они свободно владеют всеми функциональными стилями литературного языка, имеют навык обращения к словарям и справочникам, максимально полно используют все возможности литературного языка при очень осторожном и всегда целесообразном применении внелитературных средств, соблюдают коммуникативные и этические нормы.

Считается, что речевую культуру в полной мере отражает именно эпистолярный дискурс. Хотя письма известных носителей русского языка (учёных, писателей, театральных и публичных деятелей) не раз становились предметом разноаспектного анализа (см., например, работы Н.И. Белоуновой, О.В. Зуевой, М.А. Кормилицыной, А.В. Курьянович, В.Я. Парсамовой и др. [3, 5, 6, 7, 8, 9]), язык эпистолярных текстов сквозь призму речевой культуры авторов недостаточно изучен. Являясь уникальным материалом для лингвоперсонологических исследований, эпистолярные тексты являются ценной эмпирической базой для изучения языка известных носителей разных типов речевой

культуры. Цель статьи – на материале эпистолярного наследия В. Распутина проанализировать речевые предпочтения автора сквозь призму теории внутриязыковых типов речевой культуры О.Б. Сиротининой. Материалом исследования послужила переписка В. Распутина и В. Астафьева с 1974 по 1999 г., собранная в книге «Просто письма...» (2018 г.).

В русистике традиционным является вопрос о том, как общество и его выдающиеся представители влияют на язык. В процессе исследования речевого мастерства и правильности речи уместно учитывать обозначенные О.Б. Сиротининой особенности носителей полифункциональной речевой культуры. По О. Б. Сиротининой, полифункциональная речевая культура отличается выразительностью, логичностью, ясностью изложения и богатством словарного запаса, с точки зрения соблюдения языковых норм является безупречной. Для полифункциональной речевой культуры недопустимо наличие грубых, нецензурных выражений, её носители соблюдают все этические нормы общения, обычаи и правила поведения (см.: [13, с. 343-344]). Согласно О. Б. Сиротининой, исчерпывающие знания в разных областях языковой системы, знания норм использования языка и функциональных возможностей речи указывают на носителей полифункциональной речевой культуры (см.: [10, с. 223]). Это означает, что обширный лексикон, умение целесообразно использовать возможности разных функциональных стилей языка и навыков разграничения устной и письменной речи также характеризуют представителей полифункционального (элитарного) типа.

Язык В. Распутина в письмах к В. Астафьеву как раз характеризуется уместно используемым и широким диапазоном лексических средств с конкретной и образной семантикой, что выделяет автора среди ряда известных носителей русской лингвокультуры. В эпистолярном наследии В. Распутина активно и последовательно используются такие средства художественной выразительности, как метафора, метонимия, сравнение, эпитет, гипербола и др.

В. Распутин – автор художественных метафор. Так, в примере Я прочитал, и душа с места сорвалась, *захотелось что-нибудь делать* [1, с. 37] выделенное сочетание обладает метафорическим смыслом и служит для описания внезапного потрясения, волнения и даже страха, которые испытал автор после прочтения присланной В. Астафьевым открытки. Согласно данным [4], глагол сорваться означает ‘отделиться, упасть, оторвавшись, не удержавшись, сдвинуться с места’ [4, с. 1238]. Еще один пример метафоры в письмах В. Г. Распутина: Вернусь в Иркутск,

там закружат домашние дела – когда-то соберусь... [4, с. 113]. Лексема закружить, согласно [4], имеет разговорное переносное значение ‘отдавшись какой-л. деятельности, хлопотам и т.п., забыться, увлечься’ [4, с. 328]. Данная метафора используется автором для придания повествованию большей эмоциональности и выразительности.

Метонимические переносы также активно задействованы в эпистолярной В. Распутина. Ср.: *Рука моя стала неразборчивой, поэтому отдаюсь машинке, тоже изрядно побитой, но все же разбираемой лучше* [1, с. 144], где лексема рука, согласно данным [4], используется в переносном значении – ‘почерк, творческая манера кого-л.’ [4, с. 1132]. Другой пример метонимического переноса – *Послушал я его: ну, прямо костями все последние пять лет ложился человек, чтобы меня напечатать* [1, с. 41]. Эти и подобные примеры указывают на то, что В. Распутин умело использует метонимию, которая позволяет более лаконично и емко изложить мысль в тексте. Такие метонимические переносы позволяют создать яркий зрительный образ, который передаёт более ощутимые представления об описанном явлении.

Эпитеты в эпистолярной В. Распутина также придают высказываниям особый смысл. Благодаря эпитетам речь автора наполняется красочностью, насыщенностью, усиливается выразительность высказывания. Ср.: *Надо приставать к этому берегу, где родные могилы, а их там уже немало* [1, с. 147]. С помощью лексемы родной В. Распутин передаёт отображённое в тексте значение ‘дорогой, милый’ [4, с. 1126]. В примере *И холодно, и приятно, радостно как-то – есть, есть, значит, силушка в матушке Сибири, голыми руками её не взять* [1, с. 43] использована лексема матушка в ласкательном значении ‘родная’ (обычно слово матушка сочетается со словами земля, Россия, Волга и под. и относится к числу традиционно-народных постоянных эпитетов [4, с. 525]).

Одним из художественных приёмов, используемых в эпистолярных текстах В. Распутина, выступает сравнение. Ср.: *Они ведь прекрасно понимают, что писатель потому он и писатель, что у него не слоновья шкура и не каменное сердце, и всякий такой удар для него что пулевая рана* [1, с. 37] (где адъектив пулевой образован от существительного пуля [4, с. 1046]). Примечательно, что в данном примере для создания сравнительного оборота автор использует союз что, который в [4] толкуется как народно-поэтический, обозначая ‘будто, как, словно, точно’ [4, с. 1484].

Проанализируем другой пример: *У Вас всё по-другому, Вы на стороне стали Астафьевым, а вернулись – и никто не посмеет*

одергивать Вас как своего овсянского парня, который ни с того ни с сего голосу взял больше, чем принято здесь показывать [1, с. 63]. Сравнительный оборот как своего овсянского парня является отсылкой к происхождению В. П. Астафьева – писатель родился и последние годы жил в деревне Овсянка, которая находится в Красноярском крае и входит в городской округ города Дивногорск.

В примере Я будто саднящую рану заживил после возвращения от Вас [1, с. 146] автор письма для передачи важности встречи с В. Астафьевым употребил эпитет саднящий, используемый в рамках данного контекста не в прямом значении ‘зудящий, жгучий’, а в переносном ‘вызывающий чувство тревоги, беспокойства’ [4, с. 1140].

В письмах В. Распутина к В. Астафьеву встречается также гипербола. Гипербола как чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления реализована в следующем примере: Быть на виду для меня мука смертная, *кто знает меня получше, тот знает и это* [1, с. 114]. Адъектив смертный использован В. Распутиным в значении ‘приводящий к смерти’ [4, с. 1216]. В примере Эйдельман сам мог пустить переписку по кругу, а Феликс что же – отнёс из верноподданнейших чувств или почту Вашу просматривают? [1, с. 98] адъектив верноподданный, являясь устаревшей лексемой, означает ‘верно служащий повелителю’ [4, с. 119]. Здесь В. Распутин для гиперболизации описываемых чувств использует превосходную степень имени прилагательного верноподданный, реализованную с помощью суффикса *-ейши-*.

В. Распутин в анализируемых эпистолярных текстах регулярно употребляет лексические единицы с дополнительной коннотативной семантикой. Так, в примере Вот такой народец стал жить по Сибири [1, с. 37] слово народец передаёт уничижительный смысл (по [4] это слово является производным от народ и используется как пренебрежительное [4, с. 597]), что достигается с помощью суффикса *-ец*. В примере Домишко – то дом на отшибе, присмотреть некому [1, с. 37] лексема домишко является разговорной и актуализирует уничижительный смысл, который достигается с помощью суффикса *-к-* [4, с. 272]. В свою очередь, лексема словечко в примере Я согласился по глупости – в надежде, что так иногда будет удаваться замолвить словечко хоть за малую часть того, на что государство всегда плевало [1, с. 114] является производным от слово и передаёт дополнительную в составе сочетания замолвить словечко семантику ‘просить’ [4, с. 1211].

В эпистолярной авторе также используются перифразы. Например: А моя бабушка Марья Герасимовна в землю легла, *не*

дождавшись телевизора [1, с. 48]; Прошлым летом приезжаю – разобрали одно важное заведение, *а до того выдавили раму и большие напакостили, чем утащили* [1, с. 37]. Стоит отметить, что пример с сочетанием одно важное заведение является не только перифразой, но и эвфемизмом, имеющим культурно-исторический контекст. Автор не конкретизирует, о каком учреждении говорит, но мы понимаем, что речь идёт о правительственной структуре. Известно, что перифраза как средство художественной выразительности, суть которого заключается в замене слова или имени описательным оборотом, указывающим на их существенные признаки, является стилистическим приёмом, который позволяет усилить выразительность высказывания и создаёт яркий образ описываемого объекта, места или явления.

В. Распутин – уникальный автор, использующий широкий фонд лексических средств и фразеологических оборотов. Его письма богаты фразеологическими единицами, они содержат, как правило, неизменные в структурном и семантическом плане фразеологизмы. В примере *С жиру, что ли, бесится народ?* [1, с. 37] автор использует разговорный фразеологизм с жиру с неодобрительной семантикой ‘от пресыщения, избытка’ [15, с. 217]. В эпистолярном наследии автора также можно встретить фразеологизмы по гроб жизни, набивать себе цену, плакаться в жилетку, чесать затылок, плохо лежит, умыть руки, взять в оборот и др., использование которых иллюстрирует исключительное владение фразеологическим фондом русского языка и умелое их употребление в рамках контекста.

Стоит отметить, ряд фразеологических единиц в письмах В. Г. Распутина употребляется не только в лексикографически закреплённой форме, но и в трансформированном виде. В. Распутин как мастер слова подвергает фразеологизмы различным трансформациям. Ср.: Каждый из нас, если не на бумаге, то в памяти должен бить и бить свои последние поклоны [1, с. 49]. Авторские вставки, расширяющие состав фразеологизма *бить поклоны при помощи лексем* *свой* и *последний*, дают возможность уточнить ситуацию, конкретизировать чувства автора в момент написания письма. Вспомним, что выражение *бить поклоны* является устаревшим и передаёт не только значение ‘почтительно кланяться, приветствуя кого-либо’, но и ‘выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности за что-либо’ [15, с. 25]. В. Распутин использует данное выражение в переносном значении, включая в его состав дополнительные лексемы.

В основу языковой характеристики носителей полифункциональной (элитарной) языковой культуры заложены

несколько принципов. Во-первых, нормативность – соблюдение литературно-языковых норм. Во-вторых, коммуникативно-стилистическая уместность – эффективное использование языка в зависимости от конкретной ситуации. Данные принципы последовательно реализованы В. Распутиным.

Умение точно использовать лексико-стилистические средства – это не единственная черта полнофункциональной (элитарной) речевой культуры вообще и В. Распутина в частности. Писатель как носитель полифункциональной (элитарной) речевой культуры умело реализует навык решать коммуникативные задачи путём отступления от правил и норм речи. Это означает, что лица с полифункциональной (элитарной) речевой культурой, к которой принадлежит В. Распутин, обладают гибкостью, которая позволяет им отступать при определённых условиях от языковых, но никак не этических норм поведения. Иными словами, носители данной речевой культуры (в том числе и В. Распутин) могут одинаково эффективно использовать язык как для воздействия на собеседников, так и в качестве обычного средства общения. Также принято считать, что носитель данного типа речевой культуры умеет «чувствовать» слово, творчески воспринимает язык и пользуется всеми его проявлениями. Все эти черты относятся и к языку В. Распутина, который отображён в эпистолярном наследии автора.

Не случайно А. А. Ашева в своей работе «Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции» отмечает, что наличие перечисленных языковых черт способствует формированию речеповеденческого стандарта, на который равняются все лица, стремящиеся стать носителями полифункциональной (элитарной) речевой культуры. Именно поэтому речь такого носителя языка «превосходит по своим качествам носителя любого другого типа речевой культуры, поскольку тип речевой культуры и качество речи взаимообусловлены» [2, с. 20].

Итак, в эпистолярных текстах В. Распутина отображаются речевые предпочтения автора, которые делают личность известного писателя узнаваемой и знаковой. Богатый фонд лексико-стилистических и фразеологических средств, используемых в эпистолярной В. Распутина, уместность его употребления позволяют считать автора писателем, который принадлежит к полнофункциональному (элитарному) типу речевой культуры. В. Распутин в совершенстве владеет литературным языком, имеет богатый лексикон, использует разные функциональные стили, не допускает наличия в своей речи грубых, нецензурных слов и творчески воспринимает язык, умеет «чувствовать» слово.

Данные особенности языка эпистолярия В. Распутина требуют предметного изучения, основанного на привлечении фактов всех уровней языка, что станет объектом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В. П. Просто письма... / В. П. Астафьев, В. Г. Распутин. – М. : Молодая гвардия, 2018. – 203 с.
2. Ашева А. А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции / А. А. Ашева // Вестник АГУ. – 2013. – № 2 (121). – С. 19–23.
3. Белунова Н. И. Категория речевого общения и особенности её реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX – начала XX века) / Н. И. Белунова // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 78–88.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинг, 2000. – 1536 с.
5. Зуева О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О. В. Зуева // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: Труды и мат-лы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – Т. 1. – С. 137–139.
6. Кормилицына М. А. Языковая личность В. В. Виноградова в его письмах жене / М. А. Кормилицына // Вопросы стилистики. – Вып. 26. Язык и человек. – Саратов, 1996. – С. 63–71.
7. Курьянович А. В. Эпистолярный дискурс как форма существования русской элитарной речевой культуры (на примере писем В. И. Вернадского) / А. В. Курьянович // Русская речевая культура и текст: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 53–59.
8. Курьянович А. В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В. И. Вернадского) / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 188–197.
9. Парсамова В. Я. Языковая личность учёного в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 19 с.
10. Сиротинина О. Б. Чтобы вас понимали: культура речи и речевая культура человека / О. Б. Сиротинина : учеб. пособие. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 272 с.

11. Стернин И. А. К теории речевых культур носителей языка / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 7. – С. 22–29.
12. Стернин И. А. Определение типа речевой культуры носителей языка / И. А. Стернин // Коммуникативные исследования 2013; Научный ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2013. – С. 4–17.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
14. Толстой Н. И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) / Н. И. Толстой // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – 1991. – С. 5–22.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И.А. Язык эпистолярия Валентина Распутина сквозь призму теории внутриязыковых типов речевой культуры

В данной статье рассматривается полнофункциональный внутриязыковой тип речевой культуры В. Распутина на материале эпистолярия автора. Данный вопрос анализируется в аспекте современной междисциплинарной отрасли языкознания – лингвистической персонологии. Уделяется внимание критериям и характеристикам, которые позволяют утверждать, что автор, используя богатый фонд лексико-стилистических и фразеологических средств, является носителем полнофункционального (элитарного) типа речевой культуры.

Ключевые слова: речевая культура, полнофункциональный (элитарный) тип, эпистолярный текст, носитель языка.

SUMMARY

Gerasimenko I.A. The Language of Valentin Rasputin's Epistolary through the Prism of Intra-linguistic Types of Speech Culture Theory

This article is devoted to the analysis of the functional intra-linguistic type of V. Rasputin's speech culture. The research is based on the material of the author's epistolary. The problem is considered from the point of view of the modern interdisciplinary branch of linguistics – linguistic personology. The author pays attention to the

criteria and characteristics which allow to conclude that the writer uses a rich fund of lexico-stylistic and phraseological means and is a carrier of a fully functional (elite) type of speech culture.

Key words: speech culture, the functional intra-linguistic type, epistolary, носитель языка, native-speaker.

В. М. Калинин
(г. Горловка, РФ)

УДК 811.161

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА И DIFFERENTIA SPECIFICA¹ ПОЭТОНИМОЛОГИИ. ЧАСТЬ I

Dífficil(e) ést proprié com múnia dícere, túque

Réctius Iliacúm carmén dedúcis in áctus,

Quám si próferrés ignót(a) idíctaque prímus

Впрочем, трудно сказать по-своему общее: лучше

Песнь о Троянской войне сумеешь представить ты в лицах,

Нежели то, о чём до тебя никто не слышал.

Гораций. «Наука поэзии».
(Перевод М. Гаспарова)²

За пару лет до конца прошлого века, работая над монографией, посвящённой поэтике собственных имён, автор текста, который, хочется надеяться, не без интереса просматривает читатель, “споткнулся” о термин “*литературная ономастика*”. Именно его, как представлялось тогда, он (т.е. я) и занимался. Но вопрос возник, потому что то же самое, как казалось, направление исследователи собственных имён, функционирующих в литературно-художественных произведениях, называли по-разному. На этом факте пришлось остановиться специально в монографии «Поэтика онима». Не упоминая названий дисциплин, изучающих онимию литературно-художественных произведений за рубежом, напомним,

¹ **Differentia specifica** – логическое понятие, обозначающее видовое отличие, характерную особенность, отличительный признак. Впрочем, латинское *differentia specifica quid sit* – это выражение, по мысли К. Маркса, используемое как для указания на видовое отличие в самой его сущности, так и для утверждения, что сущность некоего понятия (бытие Бога) непостижима и потому в доказательствах не нуждается (К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии). В любом случае, используя в названии статьи это понятие, автор стремится показать сложность самой постановки вопроса о различии в сущностях дисциплин, исследующих одни и те же явления, но именуемых по-разному.

² Использован пример из словарной статьи: Бабичев Н.Т. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский; под ред. Я.М. Боровского. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа: Дрофа 2008. – XIV. – С.181.

как это выглядело в СССР. Начну с повторения иронической реплики, касавшейся названия научного направления, формировавшегося в ономастике и специализировавшегося на исследовании собственных имён в художественной литературе, которое “на протяжении многих лет (как тут не вспомнить известную шутку о сапожнике без сапог) существовало то почти безымянным, то под множеством (в чем-то, безусловно, похожих) именовании» [3, с. 68].

В середине пятидесятих годов прошлого столетия в СССР была защищена первая литературно-ономастическая диссертация [7] и «под влиянием активизации общеономастических штудий <...> вырос интерес и к ономастике литературно-художественных произведений» [10, с.271]³. Тогда и начались поиски термина, который адекватно отражал бы специфику формирующейся научной дисциплины. Исследователи, полагавшие, что часть ономастики, наука об именах в художественной литературе – дисциплина лингвистическая и прерогатива стилистики, отстаивали или поддерживали определение “стилистика”. Тем, кому по душе было изучение поэтики собственных имен исключительно в пределах художественной литературы, импонировало определение “литературная”. «Для тех, кто был вовлечён в перипетии потрясавшей филологию Хл века борьбы идей вокруг проблем поэтики, ближе было определение “поэтическая”. К.Б. Зайцева в текстах лекций 1973 года отмечала: “Отрасль лингвостилистики, изучающую СИ в художественной литературе, мы называем стилистической ономастикой, а ее подотделы – соответственно стилистической антропонимикой, топонимикой и т.п. <...> [2]. М.В. Карпенко в конспекте лекций спецкурса использовала термин литературная антропонимика [5, с.13]. <...> Э.Б. Магазаник [6, с.4] <...> говорил о поэтической ономастике и поэтике имен” <...>. Как бы там ни было, но к настоящему времени (читай: к концу прошлого века. – В.К.), по крайней мере, в русской ономастике, более или менее стабильно стал использоваться термин поэтическая ономастика <...>» [3, с.70]. В последнем издании “Словаря русской ономастической терминологии” Н.В. Подольской зафиксирован именно этот термин-словосочетание и рядом с ним в круглых скобках как “равноправный синоним” подан однословный термин ономатопоэтика, представленный как пусть “менее удачный, менее употребительный”, но равноправный синоним, используемый параллельно с основным термином-словосочетанием. Дисциплина определяется как “раздел ономастики, изучающий любые ИС

³ Любопытно, что вторую часть своего сообщения авторы опубликовали, изменив название научной дисциплины с русской поэтической на русскую литературную ономастику. См.: [10, часть 2].

(поэтонимы) в художественных литературных произведениях: принципы их создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем, а также мировоззрение и эстетические установки автора” [8, с.96].

Первым объективным критерием положительной оценки ономастического термина считается его *о д н о с л о в н о с т ь*. В этом смысле все, кроме “менее удачного” названия научной дисциплины, занимавшейся изучением поэтики собственных имен, были просто неудачны. Поскольку во всех названиях присутствовал обязательный номинирующий компонент ономастика, оставалось выяснить смысловую нагруженность определительных элементов составного термина и их влияние на “совокупное” значение наименования отдела научной дисциплины. Существенным недостатком определения литературная является то, что оно относится не к науке, а к ее объекту. Определение стилистическая (в случае, если под стилистикой понимать раздел языкознания, изучающий стиль во всех языковедческих значениях этого термина) неудовлетворительно, прежде всего, потому что выводит представление о предмете за рамки художественной речи, включая его в более широкий контекст языковых явлений. Основным достоинством терминологического сочетания поэтическая ономастика является его определительный компонент. С одной стороны, он прямо указывает на художественную речь, чего нет в терминоэлементе стилистическая, а с другой – “поглощает” семы определения “стилистическая”, так как стилистика художественного произведения – лишь раздел поэтики [9, с.420].

Безусловно, наиболее точный (в сравнении с другими) термин поэтическая ономастика, к сожалению, тоже не лишен недостатков, среди которых главный (как это ни парадоксально) – определение поэтическая, не исключающее омонимического сближения с понятием “ономастика стихотворной (или поэтической) речи”, которое приводит к сужению объема термина. Продолжая критику терминов, существовавших в конце прошлого века параллельно и предназначенных быть названием научного направления, автор (я. – В.К.) обратил внимание на необходимость ясного указания на то, что определение поэтическая образовано не от слова “поэзия”, а от термина поэтика (ποίησις), которым принято обозначать 1) науку о строении и творческих приёмах художественных произведений, а также 2) науку о художественном использовании языковых средств выражения.

Далее автор занялся обоснованием, как оказалось впоследствии, лучшего в то время, но не лучшего вообще, “изобретения” имени для научного направления. Чтобы снять

двусмысленность, исходящую от многозначности корневой морфемы определения поэтическая, было предложено заменить прилагательное на имя существительное поэта. Однако сочетание поэта ономастики было неприемлемо по причине соположения в нем названий научных дисциплин. Преодоление недостатков такого сочетания мыслилось возможным при замене термина ономастика на слово оним. Возникающее в результате терминологическое сочетание поэта онима в плане содержания отражало специфику онтологии онима, проявляющуюся в акте художественной речи, а в плане выражения находило поддержку в широко известной генетивной конструкции поэта слова [1].

Основным, уже тогда замеченным, но не устранённым, недостатком понятия поэта онима было его “двойное назначение”: оно именовало научную дисциплину и обозначало объект исследования. К тому же структурно оставалось словосочетанием. Однако в течение нескольких лет в публикациях автора и его учеников оно использовалось и сослужило добрую службу. Используется оно и до сих пор, но только в одном значении: объект исследования (в “проблемном” смысле слова). В дальнейшем для, так сказать, окончательной “делимитации и демаркации” границ между литературной ономастикой и поэтономологией пришлось отказаться от предлагавшегося ранее широкого толкования понятия поэта онима, оставив за ним только узкую зону: «Широкое толкование понятия поэта онима предполагает, что оно охватывает все сферы творческого использования проприальных единиц – от научного языка до жаргонов и разговорной речи. Узкое понимание термина позволяет ограничить пределы поэтики онима материалом художественных текстов, наиболее концентрированно и разносторонне представляющих исследуемое явление» [3, с.73].

Мысль о возможности снова переименовать дисциплину пришла не сразу. Но толчком к размышлениям в этом направлении послужили горловские семинары по проблемам, связанным с изучением поэтики собственных имён в художественной литературе и работа с аспирантами, приступившими к исполнению собственных исследований. После того, как “окреп” ключевой термин нового научного направления, – поэтоним, он стал “обрастать” терминологическими новообразованиями.

С самого начала нового века “литературные ономасты” Донецкой ономастической школы (далее – ДОШ) стали

пользоваться термином поэтонимосфера⁴ вместо понятия онимное пространство. Это был, кажется, первый шаг в направлении замены терминированных словосочетаний однословными терминами. Вместе с этим, благодаря замене, устралялось подспудное влияние неизбежных коннотаций, связывающих слово “пространство” с топонимией (и топографией в целом) в метаязыковой области. Поэтому, хотя словосочетание использовалось и для обозначения всего множества имён, функционирующих в художественном произведении, понятие поэтонимосфера представлялось и оказалось точнее.

Затем в метаязыке дисциплины были обоснованы и предложены к использованию специальные термины лексикографического ряда, зафиксировавшие стремление к отражению в словарях динамической природы семантики и поэтики онимов в художественных произведениях. По образцу термина “лексигенез” стали употребляться понятия онимогенез и поэтонимогенез⁵. А вместе с работами руководителя ДОШ Е.С. Отина, вовлекшего своих учеников в “словарное дело”, в язык научных направлений вошли понятия онимография, коннотонимография и поэтонимография. В списке собственных публикаций автор статьи нашёл и первое, зафиксированное в названии статьи, употребление нового термина, пришедшего на смену поэтике онима как имени научной дисциплины⁶. Как бы там ни было, но (разумеется пунктирно) путь к утверждению термина поэтонимология для названия научной дисциплины представлен. О его компонентах, смысле и качествах нового названия научной дисциплины говорилось в разных публикациях автора неоднократно. Так что теперь с полным правом уже можно говорить о её (поэтонимологии) *differentia specifica*.

Подчеркнём, что пространство статьи, отданное истории становления поэтонимологической терминологии, занято не напрасно, ибо проделанный научным направлением путь не

⁴ В 2003 году автор статьи выступил с докладом «Введение в теорию поэтонимосферы» // Русское слово в мировой культуре: X Конгресс МАПЯЛ (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.: пленарные заседания: сборник докладов в 2-х томах. – СПб.: Политехника, 2003. – Т.2.

⁵ Калинин В.М. Онимогенез и лексикография собственных имён // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Международной ономастической конференции (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. – С.14–16.

⁶ Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος ὀνομαστικῆς: науч. журнал / гл.ред. Е.С. Отин. – 2006. – №1. – С.81–89. Годом спустя уже публиковался текст «Пролегомены к истории поэтонимологии» // Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук.праць. – Вип. 356–359. Слов'янська філологія / редкол.: Б.І. Бунчук (наук. ред.) та ін. – Чернівці: Рута, 2007. – С. 117–121.

был случайностью или стремлением как-то выделиться за счёт оригинальности метаязыка. Каждый термин поэтонимологии, как и каждый этап в становлении её теории, были логически осмысленными и методологически строго обоснованными шагами. Поэтому осуществлённое здесь повторение пройденного является (*repetitio est mater studiōrum*) достаточным основанием для того, чтобы последовательно и, по возможности, полно представить фундаментальные признаки, отличающие поэтонимологию от её старшей сестры – литературной ономастики – продолжающей успешно развиваться.

Ключевым объектом (предметом) поэтонимологии, как и объектом (предметом) литературной ономастики, является собственное имя, функционирующее в литературно-художественном тексте. Однако, назвав одним и те же понятием объект исследования, мы погрешим против истины, если не укажем, более того, настойчиво не подчеркнём, что родовое понятие имя собственное по-разному “квалифицируется” в этих дисциплинах.

Если для литературной ономастики это оним, т.е. собственное имя любого объекта какой угодно словесно представленной действительности (реальной или художественной, не имеет значения), то для поэтонимологии это поэтоним, собственное имя любого объекта, но только художественной (!) действительности.

Литературная ономастика, исследуя онимию литературно-художественных текстов, не касается вопросов, связанных с отношением поименованных объектов к форме их существования, т.е. всякий объект, обозначенный собственным именем, для неё есть реальность и, соответственно, предмет действительности. Поэтому в огромном числе публикаций, касающихся функционирования собственных имён, встречаются упреки авторам за разного рода неточности в описаниях поименованных объектов: «*“Такой-то” улицы в “этом городе” нет, а “генерал N” – не сибиряк, а родился в Крыму*» и т.д.⁷.

Для поэтонимологии единственной действительностью является художественная реальность и сомнений в непогрешимости создателя художественных миров, демиурга, творца единственной правды у неё нет. Логическая дихотомия (истина / ложь) к оценке точности именований в литературном тексте неприложима. В художественном мире, каким бы фантастическим или неправдоподобным он ни казался обыденному сознанию, нет, и не может быть неправильных

⁷ Отыскивать пример среди существующих реально исследований собственных имён в литературных текстах не стоит; он “сконструирован” автором статьи, но количеству аналогов “несть числа”.

имён или ошибочных расположений топографических объектов. Художественный мир вымыслен, точнее, воображён автором. В принципе, такое понимание сути дела вполне корреспондирует с глубокими размышлениями проф. В.В. Фёдорова об онтологии творчества, художественных мирах, происхождении Поэта, “целом Человека”, “собственно Человеке”, Слове как субъекте бытия, художественном слове и т.д. [12–15].

Чтобы точнее осознать это различие, разберёмся в некоторых нюансах сущностей и явлений указанных объектов исследования. Начнём с представлений о денотатах и референтах собственных имён. «Многие авторы полагают термины денотат и референт синонимичными. Однако это не так. Понятие денотат, характеризующее связь написанного или звучащего слова с объектом, шире (и при этом абстрактнее) понятия референт, определяющего отношение значения собственного имени к единичному конкретному экземпляру объекта. Все имеющиеся в языке референты поименованных единичных экземпляров одного типа «включены» в денотат, представляющий в языковом сознании тип объектов. Поэтонимология как наука, исследующая собственные имена, функционирующие в художественном произведении, интересуется референтами поэтонимов <...>» [4, с 118].

Именно здесь “сокрыта” важнейшая отличительная черта поэтонимологии от литературной ономастики. Если для литературной ономастики референты онимов – объективная реальность, т.е. они действительно существуют, в особенности, в “топосе”, и при этом их имена в художественном произведении ещё и совпадают с реальными (омонимичны им), то тут воспринимающему сознанию просто “настоятельно рекомендуется” иметь в виду логическую равнозначность, эквивалентность (знак $\equiv$) между ними. То есть, имя города A в объективной реальности и имя A_1 в поэтическом тексте находятся в отношении тождественности ($A \equiv A_1$). Однако это совсем не так в поэтонимологии. Отношения между именами объектов действительности и омонимичными им поэтонимами – это отношение имён разных по сущности референтов: реальных объектов и их художественных образов, т.е. имя $A \neq$ имени A_1 , ибо референт $A \neq$ референту A_1 . Они различны вещественно, “материально”⁸.

Из этого положения вытекает множество следствий. О большинстве из них пойдёт речь в следующей публикации. Однако о некоторых из них скажем уже в этой статье.

⁸ Для аналогии: поэт Пушкин и портрет поэта Пушкина работы О. Кипренского (Себя, как в зеркале, я вижу. / Но это зеркало мне льстит.).

В массе исследований, осуществляемых в литературно-ономастическом ключе, основное внимание уделяется (по традиции, идущей от В. Гумбольдта и А.А. Потебни) тем онимам, которые либо употребляются в составе тропов и фигур, либо в своей структуре, внутренней форме содержат средства образности (говорящие имена). В поэтонимологии весь спектр таких средств относится к разряду “фигуративных” и тоже изучается. Однако особое внимание к средствам “номинативной изобразительности”, постулируемое целями исследований, составляет её характерную особенность. «В отличие от слов в других видах письменной речи, слово в художественном произведении обладает (так же, как и поэтоним. – В.К.) высокой степенью изобразительности даже тогда, когда оно лишено осязаемой иносказательности и употребляется в “прямом” значении» [9, с.420]. Не в последней степени это предопределяется специфическими свойствами референтов поэтонимов, их способностью актуализировать семантику “порционню”, в соответствии с потребностями конкретных фрагментов повествования (в прозе) или вводимых в поэтическую речь средств, передающих эмоциональный пафос автора.

И последнее, на что будет обращено внимание в этой части рассуждений о *differentia specifica* поэтонимологии. Исходя из того, что референты поэтонимов существуют только словесно, только в конкретном художественном произведении и являются в полной мере продуктом творческого воображения автора, свою сущность они проявляют исключительно по воле автора и так, как он того желает. Поэтому семантика поэтонимов динамична. А наблюдение за поэтонимогенезом (наполнением семантики имён новым содержанием, новыми смыслами и коннотациями в каждом употреблении) в ходе исследования или просто чтения художественного текста является одной из важнейших черт диалога “писатель – читатель”, источником эстетического наслаждения литературным произведением.

Как показало изучение литературы вопроса, одним из первых учёных в СССР, осмысливших комплексный характер предмета исследования (в данном случае – поэтонима) был Э.Б. Магазаник⁹. Он сумел, едва ли не в самом начале

⁹ См.: 1) Магазаник Э.Б. Поэтика имен и эзопов подтекст в повести Гоголя “Вий” // Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия. – Вып.123. – Ч.2. – Самарканд, 1963. – С.117-123. 2) Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментровке собственных имен в художественной литературе // Труды Самаркандского университета. – Самарканд, 1971. – Вып.214. – С.60-72. 3) Ономапоэтика, или “Говорящие имена” в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с. – и другие его работы.

формирования науки о собственных именах в произведениях художественной литературы, показать, что имя в литературе одновременно обращено к языку и речи, питается “соками” языка и питает “организм” художественного произведения. Об этом и многом другом, касающемся видовых отличий, характерных особенностей и свойств литературной ономастики и поэтонимологии читатель, интересующийся собственными именами, функционирующими в художественной литературе, узнает в следующем выпуске сборника.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
2. Зайцева К.Б. Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций. – Одесса, 1973.
3. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Калинин В.М. “Бином” «Пушкин / Крым» в семиосфере русской культуры (к 200-летию пребывания А.С. Пушкина в Крыму). // XIV Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (10 сентября 2020 г.): Материалы конференции / Ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь, 2020. – С.116–130.
5. Карпенко М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. – Одесса: ОГУ, 1970. – С.13, 14 и т.д.
6. Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. – АКД. – Самарканд, 1967. – 24 с. (СамГУ).
7. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование. – АКД. – М., 1956.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Пospelов Г.Н. Стилистика // Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 420.
10. Ройзензон Л.И., Подгаецкая Н.М. Исследования по русской поэтической ономастике (Обзор литературы послевоенного периода). Часть 1 // Onomastica. – vol. X. – Wroclaw – Warszawa – Krakuw, 1965. – s. 271–283.

11. Ройзензон Л.И., Подгаецкая Н.М. Исследования по русской литературной ономастике. Часть 2 // *Onomastica*. – vol. XI. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966. – s. 365–369.
12. Фёдоров В.В. Поэтический мир и творческое бытие. – Донецк: Кассиопея, 1994. – 77 с.
13. Фёдоров В.В. Оправдание филологии. – Донецк, 2005. – 92 с.
14. Фёдоров В.В. О понятии «собственно человек» // *Языки филологии: теория, история, диалог: сб. науч. трудов к семидесятилетию М.М. Гиршмана*. – Донецк, 2007. – С. 7–15.
15. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия. – Донецк, 2008. – 492 с.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В.М. Литературная ономастика и *differentia specifica* поэтонимологии. Часть I.

Осуществлена попытка, опираясь на сущностные характеристики поэтонимов, в очередной раз прояснить, почему качествами основного предмета исследований предопределён комплекс специфических особенностей и отличительных черт поэтонимологии как научного направления в целом. Постулируется специфическое понимание двух традиционных терминов – денотат и референт, используемых в описании семантики (а следовательно, и поэтики) собственных имён, обслуживающих художественные миры. Параллельно, но, в силу необходимости, кратко затронуты вопросы, касающиеся специфики онимосфер художественного и реального миров, представленных в словесности.

Ключевые слова: денотат, литературная ономастика, поэтоним, поэтонимология, референт, сущность, художественный мир, явление.

SUMMARY

Kalinkin V.M. Literary Onomastics and *Differentia Specifica* of Poetonymology. Part I.

An attempt has been made, based on the essential characteristics of poetonyms, to clarify once again why the qualities of the main subject of research determine a set of specific features and distinctive features of poetonymology as a scientific field as a whole. A specific understanding of two traditional terms – denotation and referent, used in the description of the semantics (and therefore poetics) of proper names serving the artistic worlds, is postulated. In parallel, but, by necessity, the issues concerning the specifics of the onymospheres of the artistic and real worlds represented in literature are briefly touched upon.

Key words: denotation, literary onomastics, poetonym, poetonymology, referent, essence, artistic world, phenomenon.

*Л. В. Соснина
(г. Донецк, РФ),
Н. С. Демченко
(г. Донецк, РФ)*

УДК 811.161.1 – 25
ЭТНОФОЛИЗМЫ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ
НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРУМАХ

Современная геополитическая ситуация способствует проявлению разнообразных реакций общественности на события, происходящие в мире. Благодаря техническому прогрессу общество имеет возможность не только получать информацию, но и делиться ею, выражать свое мнение с помощью Интернета. Блогосфера, электронные СМИ, социальные сети, порталы, форумы и веб-сайты – сетевые Интернет-коммуникации постоянно обновляются и оказывают значительное влияние на мнение общества. С появлением многообразия социальных сетей наблюдался спад популярности форумов и порталов, т.к. совершенствование структуры социальных сетей привело к возможности выполнения ими тех же функций. Однако политические форумы в настоящий момент привлекают внимание как коммуникантов, так и исследователей. Информативность и выразительность современного медийного текста во многом обусловлена присутствием этнофолизмов,

Актуальность данного исследования определяется необходимостью дать научную оценку и систематизировать большое количество этнофолизмов, встречающихся в современном языковом дискурсе. Заметим, что изучение видов речевой агрессии находится в фокусе внимания многих современных лингвистов. Само выражение «языковая агрессия» учеными квалифицируется как «широко распространенная «военная метафора», которая характеризует явления общественной жизни, где в последнее время «все активнее отмечается столкновение культурных ценностей и убеждений» [9, с. 824]. По мнению исследователей, рядом с понятием культуры все чаще рассматривается понятие конфликта или культурного конфликта, способного приводить к разрыву коммуникации [там же, с 824]. Целью нашего исследования является изучение примеров, взятых способом сплошной выборки из медийных

источников. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизации и обобщения имеющихся классификаций этнофолизмов.

Говоря о речевой агрессии, Л.В. Соснина полагает, что данное языковое явление «представляет собой анти-норму, фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, коммуникативную стратегию в ситуации конфликта» [11, с. 55]. Занимаясь исследованием языка Телеграм-каналов, автор настаивает на том, что столкновение культурных ценностей и убеждений привело к возникновению большого количества этнофолизмов, которые и являются одним из способов проявления речевой агрессии [там же, с. 55].

Выражение коммуникантами личного отношения к текущим событиям в мире нередко сопровождается лексическими средствами, которые могут быть отнесены к проявлению речевой агрессии. Одним из подобных средств выражения агрессивного речевого поведения выступает этнофолизм.

Современные исследователи предлагают альтернативные варианты номинации данного средства, такие как экспрессивный этноним, эктроним, этнодисфемизм, этнические ярлыки, этнические прозвища. А.И. Грищенко характеризует экспрессивные этнонимы как уничижительные номинативные единицы для представителей расовых, национальных или этнических групп [4, с. 40]. И.З. Борисова также отмечает, что такие наименования (прозвищные этнонимы) обладают яркой уничижительной окраской и носят сниженный стилистический характер [2, с. 70].

Изначально термин «этнофолизм» появился в зарубежной литературе. Он был предложен А.А. Робаком в 1944 году при попытке создать словарь этнических оскорблений. Однако за несколько лет до него (1939 г.) Э. Эриксон для обозначения схожих лексических единиц предлагает использовать «эктроним». Согласно анализу источников, в западной литературе первоначальный вариант используется редко. В отечественных трудах чаще используется определение «этнофолизм», а вариативные номинации в основном обусловлены характером исследования.

Мы придерживаемся термина «этнофолизм», поскольку он более точно отражает суть явления. Этнофолизм (от др.-греч. ἔθνος – «племя, род» и φαῦλος – «дурной, ничтожный») – негативно окрашенное именование представителя другого этноса [3]. Разделяем позицию лингвистов, которые под этнофолизмом понимают «уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп» [5, с. 120].

Согласно мнению А.В. Гладилина, этнофолизмы могут быть также направлены на различные социальные группы в пределах своей этнической принадлежности: богатые – бедные, жители столицы – провинциалы. Исследователь отмечает, что этнофолизмы могут быть представлены не только лексическими единицами, но и характерными аудиовизуальными сообщениями коммуникантов: карикатуры, картины, фотографии, обработанные в программах типа «Photoshop», бананы, брошенные в афроамериканцев, особые звуки типа обезьяньего «уханья» [3].

Употребление этнофолизмов в процессе речевого взаимодействия однозначно провоцирует характерные реакции. Прежде всего использование в речи негативно окрашенных номинаций этноса становится причиной межличностного конфликта, а в глобальном понимании может и, как правило, приводит к появлению и закреплению стереотипа негативного характера об отдельной этнической группе. Впоследствии конфликт приобретает масштабный характер между двумя и более народами. Считаем уместным процитировать И.В. Ляшенко, который, обобщая опыт исследователей, заявляет, что примеры этнических прозвищ обладают «экспрессивно сниженной коннотацией, достигаемой широким спектром лингвистических средств, среди которых: использование производящих слов литературного стандарта, имеющих негативную семантику, использование производящих слов нелитературного стандарта, использование уничижительных суффиксов, рифмованных образований, ирония, игра слов» [7, с. 116].

Исследователи выделяют основные причины использования этнофолизмов: стереотипы, предубеждения, неприязнь, желание унижить и высмеять [6, с. 86]. Так, ученые полагают, что «именно невежество, иногда сопровождаемое эмоциональной невыдержанностью, способно стать причиной обострения этнических конфликтов и вызвать волну возмущения, особенно в ситуациях, когда этнические оскорбления слетают с уст деятелей, стоящих у руля власти» [там же, с. 86].

Платформы политических форумов, как правило, имеют тематический рубрикатор – темы обсуждений. Для нашего исследования мы выбрали темы, вызывающие наибольший резонанс у общественности: новости Европы и СВО.

Изученный материал указывает на многочисленные случаи употребления этнофолизмов. Нами были проанализированы несколько политических форумов («Российский политфорум» [12, 13, 14], «Настежь» [16], «Точек.нет – общение без границ (История и политика)» [15] и «Strategium.ru» [17]) по

обозначенным выше темам. В рамках данной работы этнофолизм рассматривается исключительно в качестве негативно окрашенного именователя представителей другого этноса. Фактические данные предлагается распределить на следующие группы: клишированные этнофолизмы, оригинальные этнофолизмы и этнофолизмы-граффоны. Отметим, что все приведенные ниже высказывания предлагаются в авторской редакции пользователей форумов.

Под клишированными мы понимаем те этнофолизмы, которые отличаются наибольшей частотностью употребления и сложившиеся исторически (хохлы, англосаксы, фрицы и т.д.). Эпизоды употребления клишированных этнофолизмов встречаются чаще всего («Ну за тупых лошков их точно никто не держит... мы на англосаксах два раза уже поскальзывались», «Куды арабы с индусами побегут? К швисам?» [12]; «Почему вся хохловская инфраструктура до сих пор действует? ... Может уже хватит с хохлами брататься?», «Всеякие там турки наживаются и богатеют за счет нашего газа и зерна, в то же время позволяя себе нам гадить поставками вооружений на Украину и хамить.», «Амерцам так или иначе пришлось их разработать (но вероятнее - украсть технологию у той же России)», «А если дать инструкции и средства тем, кто уже сейчас готов и убить, и казнить любого нацика, сбущника, пшека, пиндоса ... и прочей сволоты!», «Да и выборы в Штатах уже во вторник, а после них у наркомандующего пропадёт усиленная мотивация «наступить любой ценой» и укроп снова может залезть в оборону <...> а спокойно отправлять к протоукрам всю беснующуюся братию и примкнувших к ним шляхтичей заодно» [14]; «У нас не было выбора. Не начини мы это 24.02, бандеровцы начали бы, условно, 14.03.», «Потом за границей находился, если западенцы и убивали, то без него.» [13]).

Интересной особенностью клишированных этнофолизмов можно отметить употребление уничижительной номинации одного этноса, применимого в отношении другого народа или только одного его представителя: «На носу зарубил, нет? Или опять не разобрался, чукча» [15]; «Ещё раз уточню, Вы нормальный? Или Вы еврей-хохол? Тогда это многое объясняет» [12].

Особой группой этнофолизмов можно выделить оригинальные, т.е. оскорбительные названия этноса, образованные путем словотворческих процессов: «усовершенствования» клишированного этнофолизма или этнонима (через изменение морфемной структуры), созданием новообразований (основанных на текущих политических событиях или основанные на характерной

этнической черте) или даже заимствованные номинации из различных популярных текстов (художественной литературы, кинофильмов, игр, музыки и др.). Рассматривая изменения морфемной структуры, мы наблюдаем частое использование суффикса «-чик», который отражает оценочность и значение уменьшительности ((«ЗЫ!!!! А вот вы шаломчик всегда привыкли у в стену плача плакаться? Шось ты таке ябедный?») [15], «А в то что немчики могут проявить волю и пойти наперекор правительству - никто не верит!» [12]). Обратим внимание, что этнофолизм «шаломчик» образован не от уже существующего этнофолизма или этнонима, а основан на характерном израильском приветствии с добавлением оценочного суффикса, следовательно, изменение морфемной структуры может быть применимо и в других обозначенных нами подгруппах оригинальных этнофолизмах.

Сложение также нередкий способ образования оскорбительных этнонимов. Рассмотрим несколько примеров из собранного материала: «Ну а когда наглосаксы отчалили на плотике с корабля, думаю всем уже было всё понятно.», «Вот и США, как обычно спасают задницу ленивых гейропейцев.», «Эта укро-немчура никогда о мирных жителях не беспокоилась...» [17]. Характер подобных образований вероятно основывается на особенно резонирующих чертах этноса, к примеру «наглосаксы» образованы путем сложения «наглый» и «англосаксы» или «саксы», предположительно основанием для такого сложения послужили неоднократные высказывания в средствах массовой коммуникации о наглости британцев.

Редким по нашим наблюдениям можно считать оригинальные этнофолизмы, появившиеся путем переноса из популярных текстов. Среди анализируемого материала к примерам подобных этнофолизмов можно отнести «урукхай» («Пусть урукхай скачут по полям на наши укрепления и массово гибнут в таких бесполезных атаках, нам торопиться некуда, время работает на нас.» [15]), заимствованная номинация из романа-эпопеи английского писателя Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Напомним, что так называли расу орков. Еще один пример мы наблюдаем в следующем высказывании: «Финансируемым вами бормалеям в сирии шибко шибко нравицца» [12]. Отметим, что в обоих случаях наблюдается искажение орфографической нормы: в оригинальных текстах использовались варианты «Урук-хай» / «Урук-гай» (считается, что оба варианта возможны, однако верное написание предполагается через дефис) и «Бармалей». Уничижительные номинации этноса с орфографическими искажениями мы выделили в отдельную группу.

По данным нашего анализа, оригинальные этнофолизмы встречаются значительно реже, чем клишированные. Однако именно «модернизация» этнофолизмов добавляет им явно выраженную агрессивность и усиленную форму уничижительности.

Еще одна выделенная нами группа – этнофолизмы-граффоны. Вслед за И.В. Арнольд, мы определяем граффон как «стилистически релевантное искажение орфографической нормы, отражающее индивидуальные или диалектные нарушения нормы фонетической» [1, с. 245]. Такие этнофолизмы – достаточно редкое явление. Исходя из данных нашей картотеки, мы полагаем, что преимущественно граффон используется для привлечения внимания коммуникантов, а также для достижения комичного эффекта. Предлагаем рассмотреть несколько примеров, в которых были зафиксированы орфографические искажения: «Финансируемым вами бормалеям в сирии шибко шибко нравиццо», «Неполживые непощы с оного радива всегда говорят правду, как и англицкие жентэльмены...» [17]; «Согласен с тобой..по поводу Абхазии еще можно привести в пример Косово, когда пендосы хотели у Сербов отобрать землю и разделить страну никто против США не объединялся а тут видители Грузию задели», «Вот у нас тоже была демократия в 90ых при свободолюбивом ЕБНе - в результате страна чуть не развалилась. На Украине теперь уже тоже 4 года правит истинный демократ прославляющий бендеровцев и награждающий штурмбанфюрерра СС званием Героя Украины» [3].

Абсолютно справедливо можно считать, что оскорбительные номинации этноса были, есть и будут. Их первостепенная задача – наглядная демонстрация модели «свой – чужой» как принципа моделирования мира. Тем не менее этнические конфликты (использование этнофолизмов также вносит свой вклад в их провоцирование) влекут разрушительные последствия. Согласимся с Д.В. Соловьевой, что вербальная агрессия «используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает» [10, с. 248].

В данной работе намеренно представлены выдержки из коммуникативных актов преимущественно в полном объеме по следующим причинам: а) фактическое отражение этнофолизмов как маркеров речевой агрессии; б) демонстрация контекстуального содержания высказывания с этнофолизмом; в) возможность сравнения нейтральных этнонимов с

этнофолизмами. Рассмотренные примеры иллюстрируют разжигание и поддержание этнической ненависти. Напряженная политическая обстановка однозначно способствует более частому использованию этнофолизмов, а также созданию их новых жесточенных версий. Нам остается только предположить, войдут ли этнофолизмы прочно в лексическую систему русского языка или останутся окказионализмами. Перспектива дальнейшего исследования может лежать в семантическом и грамматическом анализе оригинальных этнофолизмов, изучении способов и вероятности минимизации употребления этнофолизмов в целом, а также в анализе фактических примеров для оценки возможности расширения предложенной классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Борисова И. З. Этномим «китаец» / «chinois» в этнофолизмах на примере французского языка // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение, 2014. – № 2. – С. 69–74.
3. Гладиллин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения: 18.01.2023).
4. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8-9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. Ярославль: Рем-дер, 2007. – С. 40-52.
5. Комарова В. В. Осьмак Н. А. Этнофолизм как элемент языка вражды/ В. В. Комарова, Н. А. Осьмак // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2020. – Вып. 5 (834) – С. 117–127.
6. Ляшенко И. В. О некоторых причинах употребления этнофолизмов в современном англоязычном кросс-культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3(10). – С. 86–88. – EDN OGJRZ.
7. Ляшенко И. В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах / И. В. Ляшенко // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2014. – №2. – С. 110–119.

8. Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе / Н. П. Пешкова, А. В. Моисеева А. С. Титлова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, 2018. – №4. – С. 19–32.
9. Пушина Н. И., Пушин О. М. Язык войны vs язык мира / Н. И. Пушина, О. М. Пушин // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2020. – Том 30, вып. 5. – С. 820–827.
10. Соловьева Д. В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов / Д. В. Соловьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. В. Лобачевского, 2017. – №3. – С. 247–253.
11. Соснина Л. В. Лингвистический аспект специальной военной операции/ Вестник ДонГУ. Серия Д: Филология и психология, 2023. – № 4. – С. 45–56.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

12. Внешняя политика России: зачем Западу санкции, провокации и русофобская истерика? / Российский политфорум «Politicnetwork» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politicnetwork.ru/threads/zachem-zapadu-sankcii-provokacii-i-rusofobskaia-isterika.5715/>
13. Внешняя политика России: СВО или война? И насколько «плохо» всё развивается? Немного значимых фактов. / Российский политфорум «Politicnetwork» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politicnetwork.ru/threads/svo-ili-vojna-i-naskolko-ploxo-vsjo-razvivaetsja-nemnogo-znachimyx-faktov.17525/page-3>
14. Внешняя политика России: тактика ведения специальной операции должна быть наступательной. / Российский политфорум «Politicnetwork» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politicnetwork.ru/threads/taktika-vedenija-specialnoj-operacii-dolzha-byt-nastupatelnoj.17290/page-13>
15. История и Политика / Точек.нет – общение без границ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tochek.net/index.php?showtopic=15407&st=4160>
16. Общественно-политический форум «Настежь» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nastej.org/>
17. Политика в мире и международные отношения: НОВОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС / Strategium // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/U8kbbk>

АННОТАЦИЯ

Соснина Л.В., Демченко Н.С. Этнофолизмы в коммуникативных актах на политических форумах

В статье рассматриваются случаи употребления коммуникантами этнофолизмов в рамках общения на политических форумах. На основе анализа научной литературы обозначены основные причины употребления этнофолизмов. Предлагается авторское видение возможной обобщенной классификации этнофолизмов на базе полученных способом сплошной выборки данных.

Ключевые слова: коммуникативный акт, этноним, этнофолизм, язык вражды, речевая агрессия, политический форум, средства массовой коммуникации.

SUMMARY

Sosnina L.V., Demchenko N.S. Ethnophaulisms in Communicative acts on Political Message Boards

The episodes of the use of ethnophaulisms by communicants in the framework of communicative acts on political message boards have been examined. Based on the analysis of scientific literature, the main reasons for the use of ethnophaulisms have been identified. The author's vision of the possible generalized classification of ethnophaulisms based on the data obtained by the continuous sampling method is proposed.

Key words: communicative act, ethnicon, ethnophaulism, hate speech, verbal aggression, political message board, mass media.

*А. В. Воеводина
(г. Донецк, РФ)*

УДК 811.111

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Займствования из других языков – это нормальный и естественный процесс для любого языка. Вопреки распространенному мнению, займствования не приводят к упадку или исчезновению языка. Напротив, лингвисты считают займствование слов положительным фактором. Займствованные слова вносят новые элементы в словообразование, уточняют значения слов и обогащают словарный запас.

В английском языке существует множество слов и выражений, которые были заимствованы из латинского языка. Эти займствования отражают богатство истории и культуры, а

также важность латинского языка как языка науки, литературы и религии. В данном реферате рассмотрим основные латинские заимствования в английском языке и их значение [2; с. 16].

Английский язык особенно богат заимствованными словами, которых, по подсчетам ученых, около 70%. Это означает, что только 30% слов принадлежит к исконно английской, древнегерманской лексике. Однако это не помешало английскому языку стать одним из рекорсменов по количеству слов. Несмотря на множество заимствованных слов, никто не сомневается, что английский-сильный и процветающий язык. Идея чистого языка без заимствованных слов давно устарела, и сегодня ее мало кто придерживается.

Объектом исследования являются латинские заимствования в английском языке.

Предмет – значение лексики латинизмов в английском языке.

Большое внимание проблеме заимствования и освоения иностранной лексики, уделяли и зарубежные лингвисты, такие как Н. Блэйк, Т. Грин, Р. Райт; а также работы русских лингвистов М. Б. Багияна, А. М. Белова, Я. М. Боровского, Л. В. Коцюбинской, Г.Г. Котова, В. П. Секирина, и других.

Прежде всего определимся с тем, что из себя представляют заимствования. Заимствования – это слова, фразы или конструкции, которые были заимствованы из другого языка и введены в свой лексикон другим языком [1; с. 25]. В английском языке множество слов и выражений были заимствованы из латинского языка. Примеры таких заимствований в английском языке включают слова и термины из научных и медицинских сфер (например, *'bacteria'*, *'in vitro'*, *'ad hoc'*), а также юридические термины (например, *'verbatim'*, *'de facto'*, *'pro bono'*). Кроме того, множество слов в английском языке имеют корни в латинском языке, что делает их лексически и грамматически похожими на латынь. В то время как для английского языка заимствования из латинского – это один из способов развития, а язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные заимствования, английский язык в целом не пострадал от большого притока латинских элементов.

Английский язык отличался своей глубиной и доступностью к целому ряду источников. Латынь является важным источником. На самом деле, латинское влияние является самым ранним и сильным из всех влияний на язык. Широко распространенные заимствования из иностранных языков вкупе с продуктивными процессами словообразования вызвали огромный и беспрецедентный рост словарного запаса английского языка, и

заимствованная лексика содержит не только новые названия для новых идей, но и различные названия для уже существующих терминов [1; с. 35].

Вопреки тому, что латынь считают мертвым языком, живым – его делают те массовые включения из него, которые до сих пор ощущаются во многих европейских языках. Многие слова, которые часто используются в повседневной жизни пришли в английский именно из латинского языка. Например, *'maximum'* и *'minimum'* – эти оба слова пришли из латинского. Означают «наибольший» и «наименьший» соответственно [16; с. 126]. Слово *'ultimatum'*, которое обозначало по-латински «финал» (*ultimus*), в давние времена, как и теперь «ультиматумом» называли требование одной стороны к другой, обычно сопровождающееся угрозой мести за невыполнение или войны [16; с. 198]. Слово *'veto'* переводится с латыни как «я запрещаю», выражение, конечно, использовалось в политическом контексте. Так называли право остановить процесс принятия решения, например, связанное с полномочиями подписания нового закона [16; с. 174]. *'Visa'* – латинское значение было таково: «документ, который был проверен» (*'charta visa'* – буквально: «документ, который видели»). Сегодня, все знают «визу», как разрешение, которое дает право въехать в иностранное государство и которое «видели» пограничные службы [16; с. 175]. Известное многим выражение *'alter ago'* – переводится с латыни: «другое «я»», так в современном английском иногда могут охарактеризовать близкого друга, которому мы можем доверить все наши секрет [16; с. 10].

История латинских заимствований охватывает долгий период времени и связана с различными сферами жизни, такими как наука, медицина, право, религия. Рассмотрим основные периоды ассимиляции латинизмов, согласно классификации, которую выделил Ричард Милн Хогг [5; с. 236-270] в своей работе:

1. Ранний период. Первым периодом был тот, когда германские племена, жившие на континенте, вступили в контакт с римлянами. После того как Юлий Цезарь завоевал Галлию, римские купцы добрались даже до Скандинавии. Это привело к большей степени общения между германскими и римскими племенами. Контакты между двумя народами вначале не всегда были мирными, но постепенно все изменилось. Все больше и больше представителей германских племен вступало в римскую армию, следствием чего стало то, что эти германские солдаты и их семьи познакомились с латинскими военными словами. Латинские слова, обозначающие растения и животных, которых они раньше не видели, а также названия предметов, которые использовались в

лагере, вошли в различные германские диалекты. Римский купец последовал за армией. Он продавал свои товары, например, платья, украшения, драгоценности, растительные продукты и домашнюю утварь с юга. Поселенцы тоже остались, и они ввели строительные условия. Согласно Хоггу, подсчитано, что в континентальный период было заимствовано около 170 лексических единиц. Из них часть лексических единиц обозначают растения и животных, продукты питания, суда, предметы домашнего обихода, здания, строительные материалы, поселения, одежду, военные и юридические учреждения, коммерческая деятельность, разные другие явления. Были заимствованы такие слова, как как *'bishop'* (епископ) и *'mass'* (месса).

2. Второй период латинского влияния пришелся на период заселения после примерно 450 года до христианизации англосаксов, которая началась в конце VI века. Примерно после 410 года использование латыни начало сокращаться. Причина этого заключалась в том, что им пользовались только те британны, которые принадлежали к высшим классам и те, кто жил в больших и поселках. Не было никакой возможности для прямого контакта между латынью и древнеанглийским языком. Это означало, что латинские слова, вошедшие в древнеанглийский язык в течение этого второго периода, пришли через кельтскую передачу. Кельтское влияние на староанглийскую лексику было очень незначительным, а это означало, что латинские заимствования, которые были переданы бриттами, также были очень незначительными. Заимствованные слова первого и второго периодов вошли в английский язык в основном устно. Вот почему не сохранилось никаких литературных памятников дохристианского периода. Например, *'campus'* (лагерь); *'colonia'* (поселение, колония).

3. Среднеанглийский период. Были сомнения относительно того, когда начался данный период. Некоторые лингвисты говорят, что это началось в 1066 году, в год нормандского завоевания, когда Вильгельм Завоеватель взошел на английский трон. Другие ученые, однако, утверждают, что это исторические и политические данные, и язык не меняется в соответствии с политической ситуацией. Вопрос о том, когда появился среднеанглийский, зависит от тех особенностей, которые являются существенными и могут рассматриваться как ознаменовавшие изменение в языке. Вильгельм Завоеватель выиграл битву при Гастингсе в 1066 году и взошел на английский трон. Он взял с собой французских дворян из Нормандии. Результатом этого стало то, что в этот период в английский язык вошло много французских слов, потому что французский был языком двора и высших классов.

Помимо французского, большое количество латинских слов вошло и в английский язык. Можно наблюдать разницу между французскими и латинскими заимствованиями. Латинские слова, как правило, вводились через письменность, и они были не так популярны, как французские заимствования. Определенные группы людей, а именно духовные лица и ученые мужи, говорили между собой на латыни. Это означает, что несколько латинских слов вошли бы непосредственно в разговорный английский, но их количество невелико по сравнению со словами, поступающими через литературу. Например, *'formula'* (формула), *'atmosphere'* (атмосфера).

4. Наибольшее количество иностранных элементов вошло в английский язык в первой половине периода раннего нового времени (особенно в 1530-1660 годах). На это было несколько причин. Во-первых, английский начал использоваться в областях, где раньше доминировала латынь. Такими областями были теология, философия и естественные науки. Эти науки претерпели расширение, и следствием этого стало то, что необходимо было создать особый вид словаря.

Второй причиной быстрого роста числа заимствованных слов было то, что во времена Ренессанса и Реформации народные языки приобрели важное значение в различных частях Европы. Существовало желание, чтобы эти языки заменили латынь, но это привело к более глубокому знанию самой классической латыни. Третья причина заключалась в том, что в XVI веке существовало пристрастие к украшательству риторики, и это также повлияло на язык. Например, слова *'bacteria'* (бактерии), *'cell'* (клетка) и *'gravity'* (гравитация) имеют латинские корни.

5. Индустриальная революция и современность (XIX век - настоящее время): в этот период технологический прогресс и развитие новых областей знаний также привнесли много латинских терминов в английский язык. Например, *'television'* (телевидение) и *'automobile'* (автомобиль) имеют латинские корни.

В английском языке существует три хронологических слоя латинских заимствований:

1. Первый слой: слова, пришедшие в первые века нашей эры, посредством торговли германских и римских народов. Такие слова, как *'uncia'* (англ. «*ounct* – унция»), *'moneta'* (англ. «*mint* – чеканить монеты»), *'pondo'* (англ. «*round* – фунт») пришли в английский язык в это время.

2. Второй слой: слова, заимствованные в период становления христианства в Англии (VI-VII вв.). Например, *'candela'* (англ. «*candle* – свеча»), *'monachus'* (англ. «*monk* – монах»).

3. Третий слой: заимствования эпохи Возрождения (XV-XVI вв.). Слова, связанные, в основном, с культурой и наукой: *'animal'* (англ. «animal – животное»), *formula* (англ. «formula – формула»), *'memorandum'* (англ. «memorandum – меморандум») [1; с. 23].

Классифицировать лексику также можно в зависимости от того, каким путем заимствованные слова проникли в английский язык. Всего существуют два таких пути [1; с. 34]:

1. Устный путь, т.е. благодаря живому общению двух разноязычных народов или усвоению названий предметов материальной культуры.

2. И книжный путь, т.е. заимствование чужих слов из иноязычных текстов при их переводе на родной язык. В английский язык латинские слова поступали обоими путями.

Одна из важнейших особенностей применения латинских заимствований в английском языке заключается в том, что собственно латинизмы являются преимущественной исконно английских морфем, что является причиной высокой продуктивности латинских слов и постоянного появления новых терминов и определений, образованных с их помощью.

Необходимо понимать, что процесс заимствований – это не случайный и непредсказуемый процесс, а естественное и постоянное стремление адаптироваться к законам английского языка и культуры. Латинские заимствования продолжают активно ассимилироваться, они меняют свое звучание, орфографию и семантику, приспосабливаясь к современному английскому языку.

В заключение следует отметить, что латинские слова были заимствованы в определенные исторические периоды, и благодаря тесным контактам с римской цивилизацией в настоящее время мы имеем изобилие латинских заимствований в современном словарном запасе английского языка. Значение заимствований не следует недооценивать, поскольку они отражают всю историю и тот самый период времени, когда они вошли в английский язык. Также стоит отметить, что исторические особенности латинских заимствований в английском языке отражают влияние различных исторических периодов и культурных движений на развитие языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, П.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст] / П.Н. Амосова. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 218 с.

2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст]: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
3. Багян, М. Б. Заимствования в современном английском языке / М. Б. Багян. – М. : Изд-во Дипломатической Академии МИД России, 2003. – 57 с.
4. Иностранные заимствования в лексике английского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://lingvotech.com/zaimstvovaniya> (дата обращения: октябрь 2023).
5. Котов, Г. Г. Заимствования в английский литературный язык из латинского языка / Г. Г. Котов. – СПб. : С.-Петербург. гос. Электротехн. ун-т им. В.И. Ульянова (Ленина), 1996. – 10 с.
6. Коцюбинская, Л. В. Когнитивные структуры английских фразеологических единиц латинского происхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Коцюбинская. – Санкт-Петербург, 2004. – 14 с.
7. Нелюбин, Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – М. : Флинта, 2012. – 392 с.
8. Таривердиева, М. Л. Условные периоды в латинском языке (семантико- синтаксический очерк) / М. Л. Таривердиева // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 2004. – № 2. – С. 46–56.
9. Хлебникова, И. Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка / И. Б. Хлебникова. – М. : ЧеРо, 2001. – 147 с.
10. Blake, N. A History of the English Language / N. Blake. – New York : New York University Press, 1996. – 382 p.
11. Farrell, J. Latin language and Latin culture. From ancient to modern times / J. Farrell. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 148 p.
12. Green, T. Greek and Latin roots of English / T. Green. – Lanham : Rowman & Littlefield publishers, 2008. – 283 p.
13. Hogg, Richard M. 1992: The Cambridge History of the English Language, Vol I: The Beginnings to 1066, Cambridge, Cambridge University Press.
14. Plag, I. Word-formation in English / I. Plag. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 246 p.
15. Wright, R. Latin and English as world languages / R. Wright // English Today 80, Vol. 20, No. 4. United Kingdom : Cambridge University Press, 2004. – 3–12, 19 p.
16. Pocket Oxford Latin Dictionary: English-Latin / ed. by J. Morwood. – 3d edition. – Oxford University Press, 2005. – 481 p.
17. The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 1026 с.

АННОТАЦИЯ**Воеводина А. В. Исторические особенности латинизмов в английском языке**

В статье рассматриваются несколько примеров латинских заимствований в английском языке; как слова ассимилировались в английском языке, а также выделены наиболее распространённые классификации. Объектом исследования являются латинские заимствования в английском языке. Предмет – значение лексики латинизмов в английском языке. Цель исследования – рассмотреть и изучить особенности свойств и функций латинизмов в современном английском языке. Для достижения данной цели мы рассмотрели ассимиляцию латинских заимствований с точки зрения исторического аспекта, а также выделили классификацию и по тематическим группам. В своем исследовании, мы опирались на работы таких зарубежных исследователей, как: Н. Блэйк, Т. Грин, Р. Райт; русских лингвистов – М. Б. Багиян, Я. М. Боровский, Л. В. Коцюбинская, Г.Г. Котов и другие.

В работе проведен анализ латинских заимствований на основе лексико-семантических и морфологических характеристик. В ходе исследования рассмотрены различные классификации латинских заимствований, включая их происхождение, семантическую группировку и структурные особенности. Кроме того, изучено влияние латинских заимствований на синтаксис и стилистику английского языка. В работе использованы различные методы анализа, включая сравнительный анализ, статистические данные и лингвистические модели, проанализированы современные источники, включая словари, лингвистические исследования и академические статьи. Данное исследование может помочь лингвистам, преподавателям и студентам лучше понять и оценить роль латинских заимствований в современном английском языке. Это исследование также может быть полезным для разработки методик преподавания английского языка и для дальнейших исследований в области лексикологии и лингвистики.

Ключевые слова: ассимиляция, заимствования, латинизмы, лексикология, лексико-семантические характеристики, синтаксис.

SUMMARY**Voyevodina A.V. Historical Features of Latinisms in English**

The article examines several examples of Latin borrowings in English; how words were assimilated in English, and also highlights the most common classifications. The object of the study is Latin borrowings in English. The subject is the meaning of the vocabulary of Latinisms in the English language. The purpose of the study is

to consider and study the features of the properties and functions of Latinisms in modern English. To achieve this goal, we examined the assimilation of Latin borrowings from the point of view of the historical aspect, and also distinguished the classification by thematic groups. In our research, we relied on the work of such foreign researchers as: N. Blake, T. Green, R. Wright; Russian linguists – M. B. Bagiyani, Y. M. Borovsky, L. V. Kotsyubinskaya, G.G. Kotov and others.

The paper analyzes Latin borrowings based on lexico-semantic and morphological characteristics. The study examines various classifications of Latin borrowings, including their origin, semantic grouping and structural features. In addition, the influence of Latin borrowings on the syntax and stylistics of the English language has been studied. The paper uses various methods of analysis, including comparative analysis, statistical data and linguistic models, analyzes modern sources, including dictionaries, linguistic studies and academic articles. This research can help linguists, teachers and students better understand and evaluate the role of Latin borrowings in modern English. This research can also be useful for developing methods of teaching English and for further research in the field of lexicology and linguistics.

Key words: assimilation, borrowings, latinisms, lexicology, lexico-semantic characteristics, syntax.

*В. А. Вострецова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811

ОТЛИЧИЯ В СОЗДАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ

Любое произведение строится на существовании конфликта, в центре которого находится главный герой – персонаж. Авторы прибегают к определенным средствам создания образа персонажа в художественном произведении. В данной статье мы хотели бы рассмотреть, отличаются ли подходы к созданию образа персонажа, а именно речевого портрета, в художественных и аудиовизуальных мультипликационных произведениях, так как на сегодняшний день среди детей мультипликационные фильмы популярнее, чем книги. Аудиовизуальные произведения значительно отличаются от произведений литературных, соответственно требуют детального рассмотрения.

«Для создания образа персонажей художник использует реальные характеристики реальных людей, «переплавляя» их в своем сознании в характеры-типы, характеры-обобщения. Незаурядность, неповторимость созданного образа воздействует на читателей, приобщая их к пониманию персонажа, делая его примером для подражания. Взятый из действительности образ возвращается в нее усиленным и обогащенным, претворяя подмеченную автором тенденцию общественного развития в его активно действующее начало» [1, с. 103-104].

Образ персонажа – это совокупность всех элементов, составляющих характер, внешность, поступки, речевую характеристику. Всё это может быть показано художником лишь при помощи тех средств изображения, которыми располагает литература, то есть при помощи композиции и языка [1, с. 105-106].

«Чаще всего персонаж представляет собой образ человека, наделённого определённым социальным статусом, мировоззрением и эмоционально-психологическим складом, чертами внешности, особенностями речи и поведения» [7]. В литературных произведениях кроме человека в роли персонажа могут выступать также неодушевлённые предметы, природные стихии, божества, олицетворённые добродетели и пороки, всевозможные фантастические существа в зависимости от жанра и вида литературы.

В отличие от литературного произведения, мультипликационный фильм как аудиовизуальное произведение для детей чаще в качестве полноценных героев предлагает животных, насекомых и рыб, как домашних питомцев, так и диких животных, как современных, так и доисторических (далее в примерах для слова мультфильм используется сокращение м/ф (примечание наше – В.В.), *рыба Немо* из м/ф «В поисках Немо», *тигр Шер-хан* из м/ф «Маугли», *муравей Флик* из м/ф «Приключения Флика», *мамонт Мэнни* из м/ф «Ледниковый период», *кошка Хлоя* из м/ф «Тайная жизнь домашних животных» и др.). Конечно же могут быть и вымышленные персонажи (*Чебурашка* из м/ф «Чебурашка», *Стич* из м/ф «Лило и Стич», *Пикачу* из м/ф «Покемон», *миньон Боб* из м/ф «Гадкий я», *Лунтик* из м/ф «Лунтик и его друзья» и др.), а также неодушевленные предметы, ожившие на экране (*Снеговик* из м/ф «Снеговик-почтовик», *чайник Миссис Поттс* и *чашка Чип* из м/ф «Красавица и чудовище», *игрушка-робот Базз Лайтер* из м/ф «История игрушек», *робот ЕВА* из м/ф «ВАЛЛ-И», *рукомойник Мойдодыр* из м/ф «Мойдодыр» и др.), мифологические и фольклорные персонажи (*Водяной* из м/ф «Летающий корабль»,

Баба Яга из м/ф «Баба Яга против», *Русалочка* из м/ф «Русалочка», *привидения* из м/ф «Ничуть не страшно», *единорог Селестия* из м/ф «Мой маленький пони» и др.), абстрактные понятия, приобретшие реальные очертания (*Радость и другие эмоции* из м/ф «Головоломка», *Душа 22* из м/ф «Душа», *Муза* из м/ф «Фильм, фильм, фильм» и др.), явления природы (*капля Капитошка* из м/ф «Капитошка», *элементы огненной стихии Гари и Золя Люмен* из м/ф «Элементарно», *Солнце* из м/ф «Хвастливый мышонок», *Ветер* из м/ф «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и др.). Люди в качестве персонажей также присутствуют в мультипликационных фильмах (*почтальон Печкин* из м/ф «Трое из Простоквашино», *Принцесса* из м/ф «Бременские музыканты», *Аврора* из м/ф «Спящая красавица», *Майло Тэтч* из м/ф «Атлантида: Затерянный мир», *Мулан* из м/ф «Мулан» и др.).

К элементам создания образа персонажа принадлежат умственные, эмоциональные и физические качества, выражаемые через портрет, поступки и речь. «Автор произведения может “знать” биографию героя и непосредственно характеризовать его или позволяет сделать это другим действующим лицам. Мировоззрение, манеры и привычки героя, принадлежащие ему вещи и окружающие его предметы, его психология, а также его говорящая фамилия являются основными компонентами создания образа персонажа [цит. по 4, с. 64].

Выделим некоторые частотные компоненты, используемые авторами художественных произведений: словесный портрет, речевой портрет, психологический портрет, имя персонажа, окружающий мир, художественная деталь. Для аудиовизуальных произведений в целом, и для мультипликационных фильмов в частности не характерно использование словесного портрета, так как его заменяет визуальная составляющая.

Важно указать, что для создания образа персонажа автору необязательно использовать все элементы. Однако обязательным остается речевой портрет персонажа, так как именно он выделяет персонажа среди других действующих лиц. Речевой портрет – совокупность речевых характеристик героя произведения как сконструированной автором личности, выраженных в специфическом фонетическом, грамматическом, лексическом и синтаксическом строе языка и актуализирующих определенные речевые намерения и стратегии.

Речевая характеристика – «особенность героя, выраженная в речи и обладающая особыми функциями, которые позволяют создать персонажа понятным читателю» [8, с. 178], а в случае с аудиовизуальным произведением – и зрителю. Создание речевой характеристики возможно двумя способами –

косвенным (авторские ремарки) и прямым (речь персонажа). Речевая характеристика в произведении выполняет несколько функций: характеризующую, отличительную, сравнительную и психологическую.

Для создания речевого портрета персонажа художественного произведения используются языковые средства всех уровней – фонетические, лексические и лексико-стилистические, грамматические (морфологические и синтактико-стилистические), графические. Последние не характерны для аудиовизуального произведения (в данном случае речь не идет о внутриязыковом или межкузыковом субтитровании).

Для большего эффекта автор добавляет к репликам и невербальные проявления, такие как выражение лица, жесты и движения, сопровождающие речь, а также интонацию и темп речи, которые являются значимыми компонентами [8, с. 175]. Для художественного произведения всё это дается текстом, для аудиовизуального произведения – визуальным рядом и аудиорядом. Реципиент аудиовизуального произведения должен самостоятельно считать невербальную составляющую. Чем старше зритель, тем больше у него опыта считывания такой информации. Поэтому в мультипликационных фильмах наблюдается упрощение – дополнительной информации дается меньше для того, чтобы ребенок смог собрать образ персонажа исходя из своих знаний и жизненного опыта.

Для каждого персонажа автор подбирает специфичные синтаксические конструкции, слова, фразы и выражения, стилистически окрашенную лексику и т.д. для того, чтобы персонаж получил индивидуальную характеристику с разных сторон, например, социальной или профессиональной сторон. Указанные выше мировоззрение, манеры, привычки и поступки довольно часто накладывают отпечаток на речевой портрет и могут проследиваться довольно четко, например, в использовании ряда терминов, просторечной или бранной лексики, идиом, повторов и др. Речь – важный показатель национальной принадлежности человека, поэтому автор может добавить в речь персонажа акцент (выраженный графически), диалектизмы. В отличие от художественного произведения, в котором автор может это сделать только с помощью слов или буквосочетаний, аудиовизуальное произведение позволяет использовать фонетические средства. «Фонетические особенности речи, используемые актерами на экране, являются одним из ключевых средств при создании персонажей» [2, с. 401-402]. Для некоторых киножанров голосовые модуляции очень важны, например, для жанра фэнтези, где могут присутствовать другие расы.

Необходимо отметить, что зрителям о многом могут сказать манера речи героев в диалоге и особенности их голоса. «Человеческому голосу присуща способность вызывать эмоции, и благодаря этому увеличивается сила влияния образа» [5]. Из этого следует, что актёр является важным элементом создания образа персонажа в аудиовизуальном произведении, так как именно его голос и то, как он ним владеет играет важную роль в дополнении визуальной составляющей. Данный тезис применим также и к актеру озвучания (как оригинального, так и переведённого фильма).

Среди фонетических особенностей создания речевого образа персонажа в аудиовизуальном произведении выделим темп речи, ритм, тембр, качество голоса, диапазон, интонационное оформление, паузация (отсутствие/присутствие пауз, их длина), длина интонационных групп, фонетические дефекты, акцент, диалект. Также важным является уместность/неуместность использования перечисленного выше.

В отличие от художественного произведения, образ персонажа в аудиовизуальном произведении менее зависит от слов. Важны не столько слова, сколько визуальная картинка. Слова выступают в качестве контекста для понимания сцены в целом. Текст интересует зрителя крайне мало. Согласно исследованиям, когда человек смотрит фильм превалирует активность зрительной области мозга над слуховой (75% к 25%). В случае с мультипликационными фильмами и детской аудиторией процент доминирования зрительной информации над текстом увеличивается.

В аудиовизуальном произведении на зрителя действуют четыре потока, каждый из которых помогает создавать не только нужный режиссеру эффект, но добавляет элементы к созданию образа персонажа. К таким потокам относятся: два визуальных потока (невербальная картинка и текст на экране), шумовзвучовая дорожка и вербальный поток.

Однако всё-таки нельзя недооценивать роль языковых средств. Они помогают индивидуализировать персонажа. Наблюдения показали, что в мультипликационных фильмах используется меньше средств для создания речевого портрета персонажа по сравнению с художественными фильмами разных жанров.

Как в художественных, так в аудиовизуальных произведениях может наблюдаться использование персонажем лейтмотивных фраз – повторяющихся слов и/или выражений, характерных только для этого персонажа. Однако, «далеко не всякий текстовый эквивалент, несмотря на языковую манифестацию, можно назвать лейтмотивом, так как лейтмотив должен быть непосредственно

направлен на воспринимающее сознание и нести в себе авторскую интенцию. Нельзя воспринимать любой текстовой эквивалент в собственном значении лейтмотива, поскольку простой повтор нередко носит бессознательный, случайный характер, и читатель теряет к нему интерес, тогда как лейтмотив непременно осознан» [3, с. 92].

Лейтмотивной фразой можно считать тот повторяющийся элемент, который имеет смысловую значимость, символичность. Когда зритель или читатель сталкивается с таким элементом, у него возникают ассоциации с определенным персонажем. Лейтмотив обязательно имеет конкретное языковое выражение, при этом приобретая специфический градус символической импликации. «Лейтмотив как текстуальный эквивалент должен характеризоваться идентичным или частично идентичным языковым повтором. <...> Повтор может быть точным, может быть приблизительным, но он обязательно должен быть именно *повтором*, то есть нет смысла говорить о лейтмотиве, если одно и то же явление, событие, оценка выражаются *другими словами*. Это будет другой прием, нежели лейтмотив» [3, с. 93].

Приведем примеры использования лейтмотивных фраз в русскоязычных мультипликационных фильмах:

Укуси меня пчела (Копатыч из м/ф «Смешарики»),

Феноменально (Лосяш из м/ф «Смешарики»),

Йа, Йа, Натюрлих, битте (Пин из м/ф «Смешарики»),

Ёлки-иголки (Крош из м/ф «Смешарики»),

Спокойствие, только спокойствие! и *Пустяки, дело житейское* (Карлсон из м/ф «Карлсон, который живёт на крыше»),

Вот беда, беда, огорчение! (Кузя из м/ф «Домовёнок Кузя»),

Ребята, давайте жить дружно (Леопольд из м/ф «Кот Леопольд»),

Ну, заяц, ну, погоди! (Волк из м/ф «Ну, погоди!»).

Как уже было указано выше, для создания образа персонажа может использоваться его имя, особенно если это имя говорящее. В литературе находим много примеров использования говорящих имен. В аудиовизуальных произведениях их намного меньше. Если говорить о мультипликационных фильмах, то важно отметить, что говорящие имена чаще встречаются в мультфильмах иностранного производства (канделябр *Lumiere* из «Красавица и чудовище», пони *Sparkle* из «Мой маленький пони», кролик *Judy Hopps* из «Зверополис» и др.). В мультфильмах советских или российских такое явление редкое.

При передаче говорящих имен персонажей на русский язык переводчики стараются сохранить значение имени или создать

новое говорящее имя для поддержания образа персонажа (*Mrs. Bentina Beakley* – Ключдия из «Утиные истории», *Gadget Hackwrench* – Гайка из «Чип и Дейл спешат на помощь», *Monterey Jack* – Рокфор в «Чип и Дейл спешат на помощь», *Cruella De Vil* – Стервелла Де Виль из «101 далматинец», *Benjamin Clawhauser* – Бенджамин Когтюзер из «Зверополис» и др.). Однако довольно часто используются транскрипция или транслитерация, что приводит к потере значения говорящего имени и требует использования дополнительных компенсирующих элементов, что в свою очередь может игнорироваться переводчиками из-за ряда ограничивающих факторов (длина субтитра, артикуляционное соответствие, тип зрительской аудитории и т.д.). В таком случае в качестве компенсирующих элементов выступает визуальная составляющая мультфильма (внешность и поступки персонажа, декорации).

Для создания речевой характеристики персонажа в художественном произведении могут использоваться монолог, диалог и внутренняя речь. Явным отличием аудиовизуального произведения будет отсутствие монолога в традиционном понимании. Для фильмов характерны диалоги. Редкие монологи всегда направлены на зрителя, который воспринимается как участник диалога. Монологи могут использоваться для создания комического эффекта через разговор со зрителем через взлом «четвертой стены». Даже монолог, направленный к себе, как, например, монолог Гамлета, при экранизации может превратиться во внутренний монолог (например, монолог «Быть или не быть...» в советском х/ф «Гамлет», 1964 г.). При этом внутренний диалог в художественном произведении – это не то же самое, что в кино. В последнем внутренний монолог реализуется через закадровый голос героя: зритель слышит мысли персонажа, но сам герой внутри сцены их не произносит. Для мультипликационных фильмов такой прием используется редко.

Представленные выше данные позволяют сделать вывод о том, что для создания образа персонажа в художественном произведении и в мультипликационном аудиовизуальном произведении используются разные элементы. В художественном произведении значительную роль играет текст (словесный портрет, речевой портрет), а в аудиовизуальном – важной является визуальная составляющая, дополненная текстом, аудиорядом, голосом актера озвучания, фонетическими средствами. Считаем перспективным рассмотрение средств и элементов создания образа персонажа в аудиовизуальных произведениях разных типов, с учетом целевой аудитории, а также проведение исследований при выполнении перевода аудиовизуальных произведений под

дубляж, субтитрирование и закадр, а также при подготовке аудиодескрипции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Е. Б. Образ литературного персонажа как центральный элемент структуры и содержания художественного текста / Е. Б. Борисова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 3. – С. 103–108.
2. Джураева, Ю. А. Особенности использования фонетических средств в кинодискурсе (на материале жанра фэнтези) / Ю. А. Джураева // Преподаватель XXI века. – 2021. – № 1. – Ч. 2. – С. 395–403.
3. Зыховская, Н. Л. Лейтмотив в ряду других общесемиотических концептов / Н. Л. Зыховская // Вестник ЧелГУ. – 2000. – № 1. – С. 87–95. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/leytmotiv-v-ryadu-drugih-obschesemioticheskikh-kontseptov> (дата обращения: 27.02.2024).
4. Кириллова, О. Ю. Средства создания образа персонажа в художественном произведении (на примере романа Ильди́ко фон Кю́рти «Mondscheintarif») / О. Ю. Кириллова, О. В. Ушакова, А. С. Яковлева // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2018. – № 3(99). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-obraza-personazha-v-hudozhestvennom-proizvedenii-na-primere-romana-ildiko-fon-kyurti-mondscheintarif> (дата обращения: 27.02.2024).
5. Образы в движении – Кино. – С. 134–135. – URL : (дата обращения: 27.02.2024).
6. Павлычева, Е. Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» / Е. Д. Павлычева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 110–115.
7. Персонаж // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. – М.: Росмэн/Под редакцией проф. А. П. Горкина, 2006. – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3640/Персонаж?ysclid=lt42a3arxs700044993 (дата обращения: 27.02.2024).
8. Сапух, Т.В. Речевая характеристика персонажа и способы передачи её особенностей на русский язык / Т. В. Сапух, А. В. Черникова // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-harakteristika-personazha-i-sposoby-peredachi-ee-osobennostey-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 27.02.2024).

АННОТАЦИЯ

Вострецова В.А. Отличия в создании речевого портрета персонажа в художественных произведениях и мультипликационных фильмах

В данной статье рассматриваются средства и элементы создания образа персонажа, а именно речевого портрета в художественных произведениях, аудиовизуальных произведениях в целом, и в мультипликационных фильмах в частности. Автор останавливается на отличиях в частотности использования тех или иных элементов, на преобладающих или неиспользуемых элементах.

Ключевые слова: образ персонажа, речевой портрет, речевая характеристика, перевод, мультфильм, художественной произведение, лейтмотив.

SUMMARY

Vostretsova V.A. Differences in Creating a Speech Portrait of a Character in Fiction and Animated Films

The article deals with the means and elements of creating an image of a character, namely a speech portrait in works of fiction, audiovisual works in general, and in animated films in particular. The author dwells on the differences in the frequency of use of certain elements, on the prevailing or unused elements.

Key words: character image, speech portrait, speech characteristics, translation, cartoon, fiction, leitmotif.

*Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, РФ),
Л. В. Малахова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.161.1

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ДОМА В ПОВЕСТИ
«ЯР» С.А. ЕСЕНИНА**

Язык произведений писателя остаётся в фокусе внимания современных литературоведов и лингвистов. Так, язык произведений С.А. Есенина на первый взгляд полно изучен. В выпусках научно-методического журнала «Современное есениноведение» регулярно публикуются десятки исследований, посвящённые различным аспектам изучения (и фразеологизмам в поэзии «последнего поэта деревни», словам различных тематических групп, особенностям выражения категорий времени и пространства, репрезентации образной системы С.А. Есенина и

т.д.). Кроме того, исследуются переводы стихотворений и поэм автора на другие языки. Однако нет системных исследований языка прозы Сергея Александровича, что и обуславливает актуальность данной работы.

Цель исследования – выявление и описание средств вербализации образа дома в повести «Яр» С.А. Есенина.

Образ в качестве единицы метаязыка исследования имеет давнюю традицию как в философии, так и в литературоведении и языкознании. Как правило, использование данного термина связано с изучением процессов мышления, познания и воображения. Однако в современной науке о языке нет единого определения *образа*.

Его трактуют по нескольким дефиниционным моделям, в числе которых модель «образ – семиотическая единица этнокультурной памяти», предложенная в работах Н.Ф. Алефиренко (см. [Алефиренко 2021] и др.). Первоначально исследователь соотносил образы с универсальным предметным кодом, лежащим в основе когнитивных процессов познания. Это отображение фактов действительности, с которыми познающий субъект непосредственно взаимодействует, во всей совокупности доминантных признаков. Позднее данную трактовку Н.Ф. Алефиренко дополняет: образы отражают в сознании человека «коммуникативно значимые события». Ср.: «Языковой образ – это вербализированное в сознании человека зрительное восприятие реалий коммуникативно значимого события, фиксирующее «не только внешние параметры номинируемого объекта, его пространственные конфигурации, но и результаты визуального восприятия и вычленения в нем культурно маркированных элементов» [2, с. 13].

В числе основных дефиниционных модель и модель «образ – компонент семантики слова», разрабатываемая в рамках теории образа Е.А. Юриной. Исследователь отмечает, что в семантике слова зафиксирован один или несколько значимых для познающего субъекта когнитивных признаков образа факта действительности. Это те признаки, которые позволяют дифференцировать объекты в ряду тождественных, выделять их из совокупности подобных. Например, в населённом пункте несколько локусов эксплицируются словом *дом*, однако один из них предназначен для проживания, а другой выполняет утилитарные функции. Ср.: «Дом – жилое помещение, квартира; в составе названий различных учреждений, заведений» [3].

Отметим, что мы рассматриваем образ как единицу лингвокультуры и выделяем перцептивный и метафорический образ. Первый формируется при непосредственном контакте

познающего субъекта с фактом действительности. Так, под перцептивностью мы понимаем связь чего-либо с чувственным восприятием. Ср.: «Перцепция – чувственное представление (сенсорный образ, ощущение), являющееся элементом предметного содержания сознания конкретного человека» [5, с. 180]. Образ, возникающий на основе чувственно воспринимаемых признаков, является «представителем» объекта (материального и нематериального) в сознании человека. Кроме того, он фиксируется, согласно М.Я. Розенфельд, и в лексическом толковании лексемы, эксплицирующий данный образ. Например, именами существительными или именами прилагательными, называющими цвет, размер, форму, консистенцию, предлогами, указывающими на расположение объекта и т.д. Ср.: «Крыльцо – пристройка перед входом в дом, состоящая из площадки и лестницы, иногда под навесом» [3]. В данной дефиниции даётся вполне чёткое описание объекта, номинируемого словом *крыльцо*, указываются особенности его расположения (*пристройка перед входом, под навесом*) относительно других элементов морфологии дома (*вход, дом, навес*).

Первичный чувственный образ формируется в сознании человека посредством восприятия объекта органами чувств и запоминания значимых когнитивных признаков. Данный образ как результат познавательной деятельности предполагает несколько этапов своего формирования. Первый – эмпирический, когда человек фокусируется на внешнем виде объекта (его цвете, размере, форме и т.д.), на тактильных ощущениях, звуковых, вкусовых и прочих параметрах, которые доступны чувственному восприятию.

Следующий этап заключается в фиксации чувственных впечатлений от объекта, благодаря чему возможно мысленно воссоздать их при отсутствии контакта с объектом. В следствие этого у человека в сознании формируется образ, который сохраняет в памяти конкретные признаки, которые позволяют отграничить, например, *крыльцо* от *горницы*, т.е. от «чистой половины крестьянской избы» [3]. Ср.: *Из горницы, с завязанным на голове пучком, вышел поп* [4, с. 15].

В когнитивной лингвистике и семасиологии перцептивный образ рассматривается учёными как содержание слов и выражений, способных вызвать у человека этот образ в сознании при восприятии лексической единицы. Языковой образ рассматривается как выраженное вербальными средствами чувственное восприятие предметного мира, которое фиксирует перцептивные признаки предмета, то есть его форму, объем, цвет и т.д. В лексической системе языка «носителями» перцептивных

образов можно назвать качественные прилагательные, которые обозначают физические свойства объектов, предметные имена существительные, глаголы в своих первичных значениях. Так, в предложении *На крыльце залаляла собака, и по скользкому катнику заскрипели полозья* [4, с. 8] образ дома выражен как лексемой *крыльцо*, номинирующей элемент морфологии здания, так и словом *собака*, выражающим представление о «домашнем (выделено нами – Л.М., Ю.Д.) животном семейства псовых, родственном волку (используется для охраны, охоты, езды в упряжке и т.п.)» [3].

Итак, когнитивные признаки, формирующие содержание перцептивного образа, фиксируются в значении слова. Так, лексема *дом* в языковом опыте русского этноса функционирует в нескольких значениях. Во-первых, это «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [3]. В данной семеме эксплицирован когнитивный признак «здание, строение».

Во-вторых, словом *дом* называют «жилое помещение, квартиру; жилье» [3]. Кроме того, в толковании языкового знака указано, что место жительства может быть как постоянным, так и временным. Ср.: «О помещении, служащем временным жильем на время выполнения человеком какой-либо работы. *Только ед.* О месте, где живут люди, объединенные общими условиями существования, общими интересами и т. п. О месте жительства, работы и т. п., ставшем для человека родным, своим» [3].

В-третьих, лексема *дом* используется для номинирования «семьи, людей, живущих вместе, одним хозяйством» [3], а также «царствующего рода, династии» [3]. В данных толкованиях выражен когнитивный признак «род, семья», который также позволяет отнести образ дома к категории «своего».

Как видим, при анализе словарной дефиниции вербального знака *дом* выявлены следующие когнитивные признаки образа дома: «здание, строение»; «место жительства»; «род, семья».

Однако языковой образ дома репрезентируется не только лексемой *дом*. В словаре синонимов зафиксированы следующие языковые единицы, которые также вербализируют анализируемый образ. Ср.: «Дом – здание, изба, хата, хижина, землянка, лачуга, горница; барак, балаган, беседка, будка, караулка, кибитка, куша, намет, палатка, сторожка, шалаш, чум, шатер, юрта» [1].

Все эти слова имеют как общее категориальное, так и дифференциальное значение. Таким образом, все вышеперечисленные слова относятся к местам, где живут и работают люди. Однако они рассматриваются как тип здания с различным функциональным назначением. Анализируя

способы репрезентации дома в качестве одной из ключевых идей модели мира [6, с. 65], Т.В. Цивьян также относит номинации дома «в архитектурном, функциональном и прочем плане» к репрезентантам данного образа. Следовательно, когнитивный признак «здание, строение» выражен в повести «Яр» С.А. Есенина как лексемой *дом*, так и словами *хата*, *церковь*, *изба*, *мельница*, *сарай* и т.д. Ср.: *Не затворив крыльца, вбежал в **избу*** [4, с. 8]; *Филипп вошёл в **хату**, и в лицо ему пахнуло теплом* [4, с. 12]; – *Тётяшка ушла, – сказал он ей, как они пришли из **церкви*** [4, с. 26]; *Старый мельник Афонюшка жил одиноко в покосившейся **мельнице**, в яровой долине* [4, с. 33]; *Староста встал с крыльца и пошёл скорого **дом** в пожарный **сарай*** [4, с. 68] и др.

В повести «Яр» С. Есенина языковой образ дома эксплицирован также словами *изба*, *хата* и дериватом *домой*, которые эксплицируют когнитивные признаки «здание, строение» и «место жительства». Так, лексема *хата*, т.е. «крестянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [3], зафиксирована в повести «Яр» в предложениях *Засов, дребезжа, откатился в сторону, и в **хату** ввалились трое скупщиков* [4, с. 28]; *Филипп вошёл в **хату**, и в лицо ему пахнуло теплом* [4, с. 12]; *Аксютка запер **хату** и пошёл в Раменки* [4, с. 58]; *Взял Аксютку, обнял и понёс в **хату*** [4, с. 58]. В них актуализировано представление о быте населённого пункта, а также об особенностях восприятия дома, у которого есть *запор*, т.е. способ замкнуть (глагол *запереть*) локус дома как наиболее безопасного, предотвратив проникновение чего-либо чуждого, относимого к категории «чужой» (выражена в приведённых примерах словом *скупщик*). Отметим, что при описании *хаты* используются прилагательные, указывающие на локацию дома в рамках населённого пункта. Например: *На плетне около **крайней хаты** висела телячья шкура* [4, с. 32].

В исследуемом произведении писателя слово *изба* также вербализирует образ дома. *Избой* называют как «деревянный крестьянский дом» [3], так и «внутреннее жилое помещение такого дома» [3]. Итак, в словарной дефиниции языкового знака зафиксированы когнитивные признаки «материал строительства» и «внутренняя часть строения», последний актуализирован и в тексте повести. Ср.: *...не затворив крыльца, вбежал в **избу*** [4, с. 8]; *В **избу** вошёл с весёлой улыбкой Костя* [4, с. 21]; *Степан вошёл в **избу** и, не глядя на Анну, вытащил у неё из-под головы нанковый казакин* [4, с. 22]; *От самовара повеяло смольными шишками, приятный запах расплылся, как ладан, и казалось, в **избе** только что отошла вечерня* [4, с. 44]; *В **избу** вкатился с расстегнутым*

воротом рубахи, в грязном фартуке сапожник Царек [4, с. 53]; В *избу* ввалился с тальянкой Ваньчок [4, с. 53] и др.

Отметим, что в примере *От самовара повеяло смольными шишками, приятный запах расплылся, как ладан, и казалось, в избе только что отошла вечерня* [4, с. 44] репрезентирован метафорический образ: описание внутренней атмосферы избы (самовар, шишки, приятный запах) накладывается на представление о церкви и священных обрядах (ладан, вечерня). Следовательно, внутреннее пространство дома воспринимается персонажем как сакральное, соотносимое с церковным.

С номинацией *изба* в произведении сочетается имя прилагательное *сотский*, указывающее на принадлежность дома конкретному человеку, занимающему определённую должность. Ср.: *Асютка вошёл в избу сотского* [4, т. 5, с. 55].

Кроме того, образ дома вербализируется в тексте повести «Яр» и с помощью вербального знака *домой*, указывающего на возвращение извне в локус дома. Ср.: «Домой – в свой дом, к себе на квартиру; к своей семье» [3]. Так, данное значение реализовано в предложении *Вскинул берданку и поплёлся домой* [4, с. 18], т.е. извне в «своё», хорошо знакомое и максимально близкое персонажу пространство. Аналогично образ дома выражен и в следующих примерах: *Послухался Епишка старого Анисима, пришёл домой и сказал Марфе, что хочет кобылу купить* [4, с. 139]; *Домой её привезли на санях, сарафан был скороблен ледяным застывом* [4, с. 22]; – *А ты всё-таки того... – ласково обернулся к ней. – Помирать-то домой приходи* [4, с. 61]; *Пошла, оборачиваясь назад, и, приостановившись, махала костылём, чтобы домой шли* [4 с. 61] и т.д. Отметим, что в предложении – *А ты всё-таки того... – ласково обернулся к ней. – Помирать-то домой приходи* [4, с. 61] репрезентировано традиционное для русской лингвокультуры представление о возвращении в дом в конце жизни. Данное представление актуализировано не только в прозе, но и в поэзии С.А. Есенина: лирический субъект двояко воспринимает родной дом, ведь, с одной стороны, он стремится вырваться из ограниченного мира на просторы страны и, шире, мира, а с другой, стремится вернуться не только в дом, но и к своей семье, о которой всегда помнит. В повести «Яр» данное представление также актуализировано: персонажи живут в окультуренном пространстве населённого пункта, однако и природный мир для них не «чужой», а «свой», поскольку границы между этими локусами стёрты.

Итак, первичный перцептивный образ – это основная форма чувственно-рационального отражения действительности. На его формируется более сложная композиционная структура –

метафорический образ (в работах ряда исследователей он называется образом воображения). Последний возникает, во-первых, путём объединения образов в памяти, а во-вторых, для переосмысления этих элементов, наполнения их новым содержанием, не для копирования, не для повторения существующих природных объектов или продуктов уже завершённой человеческой деятельности, а для того, чтобы быть идеальным эталоном того, что могло бы быть создано.

Метафорические образы имеют двухмерную содержательную структуру. Они предполагают «расширение» и «стирание» границ категориального класса, допуская переносы по сходству (*жизнь-театр, кислое лицо*) или смежности (*голова-разум*, т.е. мозговитый). Эти образы являются репрезентантом метафорических моделей на уровне общезыковой образной системы. Идея вторичного двупланового образа метафорического характера описана в работах Ш. Балли и А.А. Потебни. Так, метафорический образ может быть зафиксирован, согласно концепции Е.А. Юриной, в лексическом значении слова. Например, вербальным знаком *дом* в языковом опыте этноса номинируется и здание, строение, и семья, проживающая в этом здании. Ср.: «Дом – здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий; семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [3].

Следовательно, образ дома в повести «Яр» С.А. Есенина выражен лексемами *дом, изба, хата, церковь*, относительными прилагательными *сотского, крайний*. Также стоит отметить, что сама лексема *дом* здесь не используется, писатель употребляет только ее дериват *домой*. В число основных когнитивных признаков рассматриваемого образа входят «здание, строение»; «место жительства»; «локализация называемого места»; «внутренняя часть строения» и «визуально воспринимаемое состояние объекта». Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. – Сайт – электронный. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 20.02.2023).
2. Алефиренко, Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания / Н.Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. Языкознание. – 2021. – № 4(80). – С. 10–18.
3. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. :

- Норинт, 2004. – Сайт – электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 5. Проза / С.А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. – М. : Наука-Голос, 2005. – 560 с.
 5. Логический словарь : ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М. : Мысль, 1994. – 268 с.
 6. Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Семантика культуры : труды по знаковым системам / Редкол. : Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман ; Ред. тома А. Мальц. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1978. – С. 65–85.

АННОТАЦИЯ

Малахова Л.В., Дмитриева Ю.Л. Средства выражения образ дома в повести «Яр» С.А. Есенина

В работе авторы выделяют и описывают дефиниционные модели ««образ – семиотическая единица этнокультурной памяти», «образ – компонент семантики слова» и «образ – единица лингвокультуры». В структуре образа выделяются перцептивный и метафорический образы. Отмечается, что перцептивный образ формируется при непосредственном взаимодействии человека с фактом действительности. Он фиксируется в словарном трактовании ряда слов (имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий). В произведении «Яр» образ дома выражен словами *изба, хата, церковь, горница, крыльцо, сарай, мельница, домой* и др.

Ключевые слова: образ, лингвокультура, перцептивный образ, когнитивный признак, лексема, толкование.

SUMMARY

Malakhova L.V., Dmutrieva Y.L. Means of Expressing the Image of the House in the Story “Yar” by S.A. Yesenin

In the work, the authors identify and describe the definitional models “image is a semiotic unit of ethnocultural memory”, “image is a component of word semantics” and “image is a unit of linguistic culture”. Perceptual and metaphorical images are distinguished in the structure of the image. It is noted that the perceptual image is formed when a person directly interacts with the fact of reality. It is fixed in the dictionary interpretation of a number of words (nouns, adjectives, verbs and adverbs). In the work “Yar” the image of the house is expressed in the words *hut, hut, church, upper room, porch, barn, mill, home, etc.*

Key words: image, linguistic culture, perceptual image, cognitive feature, lexeme, interpretation.

УДК 821.161.1-1/-9.09

**ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Н.В.СТАНКЕВИЧА**

В истории русской литературы и культуры Станкевич известен, прежде всего, как глава литературно-философского кружка, существовавшего в Москве в 1832 – 1840 годах и сыгравшего большую роль в идейной жизни России 1830-х годов. Вместе с тем литературное творчество Станкевича представляется важным и интересным как творчество человека, который был одним из умственных центров своего времени. Духовная значимость его личности стимулирует интерес к его литературному наследию.

Литературное наследие Станкевича (1813 – 1840) невелико: 41 стихотворение (в том числе переводы из Гёте), стихотворная трагедия «Василий Шуйский» (1830), диалог «Три художника» (1833), повесть «Несколько мгновений из жизни графа Z***» (1834). В работах исследователей, обращавшихся к литературному творчеству Станкевича (П.В. Анненкова, Л.Я. Гинзбурга, С.И. Машинского, Л.Г. Фризмана, Ю.В. Манна) не был произведен целостный анализ тематического и идейно-стилевого своеобразия произведений Станкевича. Целью данной статьи является осуществить целостное исследование языка художественных произведений Станкевича.

Поэтика Станкевича, по словам С.И. Машинского, «очень скромна в своих изобразительных средствах, она существенно отличалась от сладкозвучного метафорического цветистого стиха, скажем, Бенедиктова» [4, с. 36]. Для поэзии Станкевича характерно широкое использование традиционной романтической лексики: *вдохновение, надежда, любовь, очарование, мечты, упование, томление, страсти*. Причем здесь самым классическим образом рифмуются слова: *радость / младость, краса / небеса, видения / мгновенья, взгляды / награды*.

В стихотворениях Станкевича часто встречаются устойчивые элегические формулы: *красы молодые, холодная красота, нежный пламень, сладкий яд, милая дева, томные напевы, пламенная беседа, волшебная мечта, безмолвная могила* и т.д. Кроме того, его стихотворения изобилуют старославянизмами (*храм, стезя, десница, хлад, глас, жребий*) и усеченными прилагательными (*попран, прелестна, окруженна, пленителен, полна, верен* и мн. др.)

В стихотворениях Станкевича совершенно нет аллегорий. Это объясняется тем, что для творчества поэтов-любомудров,

продолжателем традиций которых явился Станкевич, был характерен «отказ от конкретной образности (хотя бы и в очень рационалистической форме, как в аллегории) и победа монолога-рассуждения» [5, с. 8]. Этот отказ был закономерным явлением и непосредственным результатом литературной теории поэтов-любителей и тех целей, которые они перед собой ставили.

Станкевич, осваивавший традиции В.А. Жуковского, Д.В. Веневитинова, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, Гёте, Шиллера, Шекспира, испытал также влияние эпигонской романтической поэзии 1830-х годов. Поэтому его стиль – это, по словам Л.Я. Гинзбург, «тот среднепоэтический стиль, который успел уже окончательно устояться и выветриться. Но Станкевич – человек 30-х годов, и он не в силах оградить свой поэтический мир от стихии вульгарного романтизма» [1, с. 143].

Станкевич, как и члены его кружка (поэты В.И. Красов, И.П. Ключников, К.С. Аксаков), по-своему отразил в своем поэтическом творчестве трагические реалии российской действительности. В последекабристский период крушения высоких идеалов русская мыслящая молодежь 1830-х годов испытывала душевную скорбь, безысходную тоску, глубокую неудовлетворенность жизнью. Все это нашло выражение в творчестве поэтов кружка Станкевича. Таким образом, их творчество влилось в общий литературный поток, который «толкал людей на раздумья, содействовал пробуждению общественного самосознания» [5, с. 33].

Голос поэзии кружка Станкевича, по словам С.И. Машинского, «тих и сосредоточен. В ней нет тех мятежных порывов, кипения страстей и напряженного психологизма, которые были свойственны лирике Лермонтова. Поэзия кружка Станкевича исполнена мягкого лиризма, это исповедь сердца, реагирующего на боли и радости мира. Она привлекает непосредственностью своего задушевного тона, простотой и сердечностью выраженного в ней чувства» [4, с. 35].

К серьезным недостаткам этой поэзии относится то, что она казалась чересчур однообразной в своем элегическом самовыражении, была ограничена сферой самоанализа, рефлексии и недостаточно связана с объективным миром. Кроме того, хотя поэзия членов кружка Станкевича, как и поэзия главы этого кружка, не была лишена социального пафоса, она не имела широкого выхода в историю, что в значительной мере суживало художественные возможности этой поэзии, обедняло ее звучание. Вместе с тем в отличие от эпигонской поэзии, поэзия Станкевича характеризуется отсутствием вычурности, излишней метафоричности, ложного пафоса.

Трагедия «Василий Шуйский» написана современным Станкевичу языком, содержащим стилистически окрашенную лексику, призванную создать речевой колорит эпохи и придать трагедии торжественность звучания. Наряду с историзмами (*рынды, клеветы, порфира, багряница, бармы, стогны*) автор широко использует славянизмы (*прах, глас, очи, ланиты, крамола; благой, сребристый, бранный, чуждый; позлащать, возложить, попрасть* и мн. др.).

Помимо относительно нейтральных слов, создающих атмосферу торжественности и приподнятости, в трагедии Станкевича есть ряд слов-сигналов, ориентированных на ассоциативное мышление читателя и вызывающих в его сознании «ряды вольнолюбивых, тираноборческих представлений» [1, с. 26]. К первым относятся такие слова, как венец, алтарь, храм, фимиам, творец, властелин, десница, жребий, обитель, стезя, витязь, искупитель и др. Ко вторым – царь, слава, лавры, олива, меч, отмщенье, тиран, раб, сын отечества (отметим, что «сынами отечества» называли себя декабристы). Вышеупомянутыми словами изобиловали трагедии писателей-декабристов. Впрочем, те же опорные слова можно было встретить и в прославляющих монархию классицистических трагедиях. Кроме того, в трагедии «Василий Шуйский» также есть слова-сигналы (мечты, клятвы, слезы, страсти, лазурь и т. д.), вводящие читателя в широкий круг предreshенных романтических ассоциаций.

Примечательно, что в монологе Василия Шуйского (как и в монологе княжнинского Вадима (трагедия «Вадим Новгородский») и в монологах героев декабристских трагедий) слово «*гражданин*» в эмоционально-оценочном аспекте противопоставлено словосочетанию «*оковы рабства*».

Трагедия написана «романтическим» пятистопным ямбом – господствующим размером русской драматургии XIX века. Парная рифмовка текста перемежается с перекрестной, а также со смешанной, что способствует приближению речи персонажей к разговорной речи.

Для композиции стиха трагедии Станкевича (как и для композиции стиха классицистических трагедий) характерно отсутствие переносов, совпадение синтаксического и стихотворного членения. Характерны для нее и анафоры, охватывающие, как правило, две соседние строки: «*Как майский день, веселый и прекрасный, / Как ангел добр, собой меня пленил!*» [5, с. 134], «*Что злость людей и суетность земная? / Что речи их, когда чиста душа?*» [5, с. 135]; «*Недаром все так мрачно, так печально! Недаром враны хищные вились...*» [5, с. 157].

Язык трагедии характеризуется повышенной эмоциональностью. Речь персонажей изобилует риторическими вопросами («Кто может повелеть / Свободному России гражданину / Влечить презренные оковы рабства?» [5, с. 182]; «Что злость людей и суетность земная? / Что речи их, когда чиста душа, / Спокойна совесть?» [5, с. 135] и эмфатическими сравнениями («Как будто с самой нежной колыбели / За мной следит ужасный бич судьбы, / Как будто небеса меня презрели!» [5, с. 179]. Особенно показательны в этом отношении монологи Василия Шуйского.

Для «Василия Шуйского» Станкевича (как и для романтических трагедий XIX века) характерно обилие эпитетов. Помимо так называемых постоянных эпитетов (*лютая болезнь, милый друг, сырая земля, тленный прах, унылый гроб*) в трагедии есть большое количество эпитетов, возвеличивающих царскую власть (*могучий царь, светлый трон, священный престол, священный скиптр правления, царственный, блистающий венец*), прославляющих российское войско (*бесстрашная рать, бесстрашные сыны, блистающий меч, правдивая рука, могущественная длань*), отображающих мироощущение персонажей (*тленный мир, ветхий мир, враждебный мир*), выражающих их чувства (*страстная любовь, пламенная любовь, пылающая душа, сладчайшее, божественное чувство, прелестные мечты, безнадежный пламень*), описывающих явления природы (*сребристые лучи, златоогненная луна, среброокая луна, румяная десница, позлащенное небо*). Вышеприведенные эпитеты относятся к типично романтической лексике.

Характерно для «Василия Шуйского» и большое количество метафор: «Раздастся клик – и душиный воздух ноет» [5, с. 136], «И сердце радостью светлело» [5, с. 157]; «Огнем любви блиставшие глаза / Закрыла смерть холодною рукою» [5, с. 163]; «Твой небосклон уже оделся мраком туч» [5, с. 177]. Часто встречаются также и сравнения: «Чиста душой, как этот воздух ночи, / Напитанный цветов дыханьем ароматным» [5, с. 147]; «Глаза его – чистейшая лазурь – / Ко мне оборотились» [5, с. 148]; «Грусть, как червь могильный, сердце гложет» [5, с. 157].

Встречается в трагедии Станкевича и антитеза (характерная для классицистических трагедий), подчеркивающая искренность благородных замыслов и стремлений персонажей (в частности Василия Шуйского) и одновременно невозможность их осуществления: «Мы замыслы огромные имеем, / О них лишь думаем и день и ночь – / И вдруг как будто ветром их разносит» [5, с. 139]; «Желал знать истину – не мог узнать; / Хотел быть правосудным – клевета, / Ненависть, злоба вкрались

неприметно» [5, с. 145]; «*Не низкое и злое властолюбье / Меня носить порфиру заставляет – / Нет, – благо родины*» [5, с. 176].

Характерно для трагедии также обилие перифраз (отметим, что перифрастичность – один из важнейших признаков классицистического стиля): «*Защитник правоты / Невидимый от бедствий нас избавил*» [5, с. 128]; «*Он хищников достойно покарал / И царство верных защитил, прославил*» [5, с. 128]; «*Лил кровь врагов на жертвенник отчизны*» [5, с. 136]; «*И наконец светильников ночных / Царица ясная сияла над землею!*» [5, с. 147].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: стилистической особенностью трагедии Станкевича является торжественная напряженность речи, высокая лексика, обилие эпитетов и метафор, придающих речи персонажей образность и особую экспрессивность. В тексте трагедии обнаруживаются приметы как классицистического (антитеза, перифраз), так и романтического стиля (эпитеты, метафоры).

Отметим немаловажный факт: хотя одним из действующих лиц трагедии является народ, здесь нет живой разговорной речи, бытовых разговорных интонаций, просторечных слов, народнопоэтической лексики. Отсутствуют в произведении и индивидуальные речевые характеристики персонажей. Кроме того, есть (отмеченные еще А.А. Дельвигом [2, с. 241]) погрешности в словоударении: *нена́висть, предáнность, символ, собрал* и др.

Язык повести «Несколько мгновений из жизни графа Z***», образный и метафорический, близок языку романтических повестей 30-х годов XIX века, хотя повести не свойственны орнаментальность и вычурность, характерные, например, для популярных в то время романтических повестей А.А. Бестужева-Марлинского. Повесть изобилует эпитетами (*радужные надежды, ядовитые речи, горячая дружба, холодный мрамор, жаркие поцелуи* и мн. др.) и старославянизмами (*воздымать, холодный, уста, влачить, златой, бремя, презреть, семя, сый, лик, ланиты, чуждый* и др.).

Используются в произведении и метафоры: «*несколько мгновений поглотило одно долгое, безмолвное объятие...*» [6, с. 71], «*глаза его загорались с звездами...*» [6, с. 73], «*... он раскрывал бледные уста, чтоб пить холодный полуночный ветер...*» [6, с. 73], «*...дума его встревожила, безнадежность оледенила...*» [6, с. 73], «*один из них... в упоении смотрел на девушку, утопившую глаза свои в багрянце зари...*» [6, с. 79]. «Атакой» называет автор повести горячее желание родственников графа общаться с ним, «*мытарствами*» Z*** – его вращение

в светском обществе, «швейцарской болезнью» – его тоску по родине (швейцарцы часто оставляли свою страну и нанимались на службу в других странах, поэтому подразумевается, что им, как никому другим, знакомо чувство ностальгии).

Описывая душевное состояние Z***, Станкевич для того, чтобы показать глубину мучительных переживаний своего героя, использует образы «червя» и «змеи». Когда граф испытывал первые разочарования в жизни, ощущал пустоту жизни, «змея обвилась вокруг души его...» [6, с. 69], «червь точил сердце» [6, с. 70]. (Заметим, что в письме Я.М. Неверову от 2 декабря 1835 года Станкевич так описывает конец своих душевных переживаний: «Теперь змея от сердца отпала» [7, с. 340]). Благоприятное влияние на душу Z*** оказывала музыка, во время прослушивания которой «беспокойный червь» отпадал от сердца, «заговоренный магическою песнью» [6, с. 76].

В повести Станкевича встречается реминисценция: упоминание о печальной судьбе «саисского юноши» отсылает нас к стихотворению Шиллера «Саисское извятие под покровом»: Z*** испытывает страх повторить печальную судьбу «саисского юноши». Кроме того, автор повести обращается к использованию библейских выражений: «житейское море», «осязать плоть и кость», «вложить персты в раны». Широко используемые в произведении эпитеты, метафоры, славянизмы, а также слова заупокойных молитв придают ему поэтичность и торжественность звучания.

Язык диалога «Три художника» – образный, метафорический. Он изобилует эпитетами (*прекрасное мгновение, чудные звуки, страстная песня, розовое сияние неба*) и метафорами (чувство творило, звуки умирали, полотно дышало чувством). Стиль диалога отличается торжественной приподнятостью, чему способствует широкое использование старославянизмов (*персты, сладость, мечтания, песнь; облекать (мысль), проникать (картину), разрешиться*). Употребление церковных символов (*благовест, крест*) подтверждает присутствие божественного элемента в искусстве.

Как поэзия Станкевича, так и его трагедия, и прозаические произведения характерны для эпохи, отражают дух времени. Стилистика Станкевича является романтической по своему характеру. Язык его художественных произведений – возвышенно-приподнятый, изобилующий славянизмами, эпитетами, метафорами, сравнениями.

Художественные произведения Станкевича представляют большой интерес, ибо отражают тенденции литературного процесса первой половины XIX века в области тем, проблематики

и поэтики. Станкевич продолжил художественно-поэтические традиции своих предшественников и занял надлежащее место в русской литературе XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 407 с.
2. Дельвиг, А.А. Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма / А. А. Дельвиг. – Л: Худож. литература, 1986. – 472 с.
3. Елизаветина, Г.Г. Н.В. Станкевич и его духовное наследие / Г.Г. Елизаветина // Станкевич Н.В. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1982. – С. 3 – 24.
4. Машинский, С.И. Кружок Н.В. Станкевича и его поэты / С.И. Машинский // Поэты кружка Н.В. Станкевича. – М. – Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 5 – 70.
5. Поэты кружка Н.В.Станкевича. – М. – Л.: Сов. Писатель, 1964. – 617 с.
6. Станкевич, Н.В. Избранное / Н. В. Станкевич. – М.: Сов. Россия, 1982. – 256 с.
7. Станкевич, Н.В. Переписка: 1830 – 1840-е годы / Ред. и изд. А.И.Станкевича. – М.: Типогр. тов-ва А.И. Мамонтова, 1914. – 787 с.

АННОТАЦИЯ

Долгая Е. А. Язык художественных произведений Н.В.Станкевича

Данная статья посвящена исследованию поэтики художественных произведений Н.В.Станкевича. Поэзия Н.В.Станкевича характеризуется широким использованием традиционной романтической лексики. В трагедии «Василий Шуйский» обнаруживаются приметы как классицистического, так и романтического стиля. Язык повести «Несколько мгновений из жизни графа Z***» близок языку романтических повестей 30-х годов XIX века. Языку диалога «Три художника» присущи образность и метафоричность.

Ключевые слова: поэтика художественных произведений, романтическая лексика, классицистический стиль, романтический стиль, образность, метафоричность.

SUMMARY

Dolgaya E. A. The Language of N.V. Stankevich's Works of Art

The article deals with the poetics of literary works by Stankevich. Stankevich's poetry is characterized by broad use of traditional romantic vocabulary. Signs of both classicism and romanticism are

found in the tragedy ‘Vasiliy Shuisky’. Language of the story ‘A few moments from the life of Count Z***’ is very close to the language of romanticism stories of the 1830s. Figurativeness and allegory reside in the language of the dialogue ‘Three painters’.

Key words: poetics of literary works, romantic vocabulary, classicism, romanticism, figurativeness, allegory.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, РФ),
А. С. Моргачева
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.42

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КИНОТЕСКТ»

Кино – это культурный феномен, который определяет, укрепляет и преобразует мировоззрение зрителя. Кинофильм является социально-языковым произведением, объединяющим в себе различные семиотические системы [10, с. 14]. С технологической точки зрения фильм представляет собой «совокупность фотографических изображений (кадров), последовательно расположенных на плёнке, связанных единым сюжетом и предназначенных для воспроизведения на экране; кинопроизведение. В современной кинематографии различают следующие основные разновидности фильмов: художественные (игровые); телефильмы, мультипликационные, хроникально-документальные, научные, учебные, любительские. Фильмы подразделяются также по жанрово-тематическим признакам (исторический, комедийный, приключенческий и т.д.); по способам киносъемки и проекции – немой, звуковой, черно-белый, цветной, широкоэкранный, широкоформатный, панорамный, стереоскопический, полиэкранный и др.; по длительности демонстрации (полнометражный, короткометражный и т.д.). К фильмам специального назначения относятся микрофильмы, тест-фильмы, рекламные фильмы, сувенирные фильмы и др. [2].

По степени документальности (достоверности) видеоматериала фильмы классифицируют на игровые, документальные и научно-популярные. Игровое кино обычно принято классифицировать по следующим признакам: продолжительности экранного времени; количеству серий; отношению к первоисточнику (источнику сценария или

идеи фильма); аудиовизуальному ряду, художественной форме; новаторскому подходу, степени инновационности; потребителю (целевой аудитории фильма, зрительскому сегменту рынка), в том числе по объёму (массовости) и возрасту аудитории; производителю; основным жанрам драматургии; по целям авторов [11].

В современных исследованиях фильм определяется как социально-речевое произведение, как коммуникативный феномен, обслуживающий сферу досуга и развлечений [8, с. 292]. Это аудиовизуальное произведение кинематографии, состоящее из эпизодов, соединённых между собой творческим замыслом и изобразительными средствами, который является результатом совместной деятельности его авторов, исполнителей и производителей.

В современных лингвистических и семиотических исследованиях, посвящённых вопросу фильма как лингвистического и семиотического феномена, используются понятия «кинотекст», «кинодиалог» и «кинодискурс». Рассмотрим эти понятия более детально.

По мнению В. Е. Горшковой, кинодиалог – это вербальный компонент фильма, смысловая завершенность которого завершена видеорядом последнего [3, с. 77]. Текст кинодиалога является динамическим целым, что влечет за собой обнаружение доминанты того уровня или элемента, на котором прежде всего достигается единство текста.

В работах Ю. Г. Цивьян кинотекст выделяется как дискретная последовательность непрерывных участков текста (структурно однотипных элементов-кадров) [10, с. 15]. Первое исследование кинофильма было проведено Ю. М. Лотманом в монографии «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», в которой он исследует кинофильм с точки зрения семиотики. Ю. М. Лотман считает, что «кинотекст» может рассматриваться как дискретный текст, состоящий из знаков, и недискретный текст, в котором значение приписывается тексту. Также Ю. М. Лотман выделял такие сегменты кинотекста, как кадр – минимальная единица киноязыка, объединение которых дают нам кинофразы. Ученый уверен, что если элементы кинофразы (кадры) связаны между собой разнообразными функциональными связями, то граница кинофразы просто примыкает к следующей, образуя ощущение паузы. Примыкание кинофразы образует повествование, а их функциональная организация – сюжет [7, с. 34]. Следует заметить, что кадр отождествляется со словом и становится основным носителем значения в кинотексте.

Представители эстонско-русской школы исследователей кинотекста – Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова – дают более обобщенное определение кинотекста. Они понимают кинотекст как «связное, цельное и завершенное сообщение, выуженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и /или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [10, с. 37].

Общая ориентированность художественного фильма на создание эстетического влияния на зрителя, а также его коммуникативный социально-языковой феномен позволяют классифицировать кинодиалог как художественный текст, рассматривая его как часть целого [3, с. 19]. Поэтому понимание отдельных высказываний в большей или меньшей степени зависит от содержания всего текста и от того места, которое они занимают в тексте. Преобладание целого над частью означает допустимость пожертвования менее существенными деталями ради успешной передачи глобального содержания текста, с учетом требований когерентности и когезии [10, с. 65].

Фильм позволяет получить знания о культурной и социальной среде персонажей. В культурологическом плане информативность всего фильма для зрителя заключается в том, что он узнает новые реалии чужой культуры, схемы поведения и ценности. В социальном плане представляются перипетии сюжета, поступки, обусловленные характером персонажей и осуществляются в тех или иных социальных условиях, обстоятельствах, в которые они попадают. При этом зритель может объективировать знания об эмоциональном, социальном, психическом состоянии героя, позволяет увидеть и осознать качества его характера.

Кинотекст является продуктом субъективного осмысления действительности коллективным автором, поскольку представляет собой совместную работу сценариста, режиссера, операторов, композиторов, актеров, костюмеров и др.

Наиболее известными типами кинотекста являются следующие:

1) киносценарий, формирование которого происходит по определенным этапам:

сценарная заявка → либретто → литературный сценарий → черновая версия сценария → рабочий или режиссерский сценарий → пообъектный сценарий;

2) записи по фильму (литературные, монтажные, записи кинодиалога);

3) надписи (заглавные, промежуточные и заключительные надписи, которые называются титрами, субтитры – внутрикадровые надписи).

Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова выделяют следующие классы кинотекстов по общетекстовым признакам:

«1. По адресату: а) по возрастному признаку: детский – семейный (для совместного просмотра различными возрастными группами) – взрослый (детям до 16 лет смотреть не рекомендуется); б) по степени закрытости: массовый – элитарный...

2. По адресанту: профессиональный – любительский. В последнее время возрос интерес к личным любительским киноархивам, материалы из которых включаются в телепередачи и документальные фильмы для более достоверного воссоздания атмосферы эпохи. Кадры непрофессиональной видеосъемки (любительские видеокамеры практически вытеснили любительские кинокамеры) используются в новостях, в репортажах из «горячих точек».

3. По степени оригинальности сценария: оригинальный – переработка литературной или кинематографической основы – развитие (продолжение) литературной или кинематографической основы. Под переработкой литературной или кинематографической основы мы понимаем экранизацию литературного произведения, фильм по мотивам литературного произведения, римейк более раннего кинотекста...

4. По жанру. ...Количество жанровых рубрик постоянно увеличивается за счет уточнений и детализации. Так, наряду с киноманом, драмой, мелодрамой, комедией, сказкой, детективом, вестерном, военным, приключенческим и фантастическим фильмами встречаются и такие рубрики, как психологическая драма, романтическая мелодрама, трагикомедия, романтическая комедия. Появились такие жанровые определения, как боевик, комедийный боевик, фантастический боевик, мистика и мистический боевик, фильм ужасов, триллер, фильм-катастрофа, рождественская история. Жанровый рубрикатор объединяет однотипные кинотексты, распознаваемые по структуре, и служит сигналом, направляющим зрительские ожидания в определенную сторону...

5 По ценности для данного лингвокультурного сообщества: прецедентный – непрецедентный» [10, с. 42-44].

Исследователи утверждают, что художественному фильму как особому типу кинотекста, присущи все универсальные текстовые категории, обязательны и для художественного текста. На основе анализа этих категорий, представленного В. А. Кухаренко [6, с. 70–79], Г. Г. Слышкин и М. О. Ефремова [10, с. 33-37] считают, что для кинотекста свойственны такие категории, как: и прагматическая направленность, выделяя следующие его характерные признаки:

1. Членимость. Кинотекст – это дискретная единица, поскольку его структура допускает возможность членения;

2. Связность. Кинотекст – связный, поскольку содержательная самостоятельность эпизода относительная и требует опоры на кинотекст в целом, по мере развертывания текста автосемантическую фрагментов стремится к нулю и они связываются в единое когерентное целое;

3. Проспекция и ретроспекция. Мир кинотекста – многомерный, поскольку направленность развития событий в кинотексте может быть как движущейся вперед (в соответствии с ходом событий в реальном мире), так и возвращающейся назад. Имеют место также проспекция и ретроспекция в узком смысле – предвосхищение будущего, забегание вперед (flashforward) и воспоминание о прошлом (flash-back);

4. Антропоцентричность. Кинотекст – антропоцентричный, поскольку независимо от конкретной темы повествования в центре повествования всегда находится человек;

5. Локальная и темпоральная отнесенность. В кинотексте пространство и время неразрывно связаны между собой и практически неотделимы от персонажа (персонажей);

6. Информативность. По отношению к кинотексту она многоканальна – с одной стороны, информационный поток разделяется по способу восприятия информации (на зрительный и слуховой), с другой – по типу воспринимаемой информации (содержательно-фактуальной (то, что мы видим и слышим), содержательно-концептуальной (которая отражает отношение автора) и содержательно-подтекстовой (для понимания которой необходимо наличие определенных фоновых знаний – пресуппозиции);

7. Системность. В кинотексте ничто не существует случайно или само по себе, каждый элемент включается в общую систему, которая создается коллективным автором как результат множественных семиотических трансформаций и функционирует для выполнения общей единой цели;

8. Целостность (завершенность). В кинотексте заключается в тесной интеграции вербальной и невербальной составляющих и наличии четких временных (экранное время) и пространственных (двухмерное изображение на киноэкране) рамок; а также в наличии сигналов, обозначающих начало фильма (логотипа киностудии, инициальных титров, названия фильма) и его окончания (надпись «Конец» / «Конец фильма» или появление финальных титров);

9. Модальность. Кинотекст имеет сложный тип модальности, поскольку отражает мир со стороны коллективного автора, то есть, группы людей (авторская субъективность выражается в режиссерских, операторских, звукооператорских решениях, актерской игре и т.д.);

10. Прагматическая направленность (побуждение реципиента к ответной реакции). В случае кинотекста в качестве ответной реакции предполагается имплицитное действие – изменения в чувствах, мыслях, воззрениях зрителя, которые не обязательно находят вербальное выражение.

В целом, по мнению исследователей, кинотекст выполняет коммуникативную функцию при взаимопроникновении двух принципиально отличных семиотических систем (лингвистической и нелингвистической), то есть является специфичной формой креолизованного текста [10, с. 37].

А. Е. Анисимова определяет креолизованный текст как особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата [1, с. 73].

Рассмотрим более подробно содержание лингвистической и нелингвистической систем кинотекста. Лингвистическая система представлена устной и письменной составляющими, которые включают в себя все типы титров, различные надписи, а также язык актеров (кинодиалог). Нелингвистическая система кинотекста состоит из индексальных и иконических знаков. Сюда также входит звуковая часть – это природные шумы (дождь, ветер и тому подобное), технические шумы и музыка, звуки, производимые действиями людей, животными, предметами и прочее. Система лингвистических и нелингвистических знаков кинотекста представлена Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой [10, с. 23] (см. табл. 1):

Таблица 1

Система лингвистических и нелингвистических знаков
кинотекста

Знаки кинотекста	Лингвистическая система	Нелингвистическая система
Звуковые	Язык персонажей, закадровая речь, песни	Естественные шумы, технические шумы, музыка
Визуальные	Титры инициальные, финальные и внутритекстовые, надписи как часть интерьера или реквизита	Образы персонажей, движения персонажей, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты

В качестве основного вербального (лингвистического) компонента выступает кинодиалог. В. Е. Горшкова в своей монографии «Перевод в кино» делает заключение об «экономичности языковых средств в кинодиалоге, проявляющейся в его краткости, лаконичности и повышенной степени имплицитности, эксплицируемой видеорядом, динамичности и индивидуальности/заземленности языка, находящей отражение в речи персонажей, служащей характеристикой последних», при этом «опора на видеоряд позволяет кинодиалогу передавать помимо предметно-логического содержания различного рода эмоционально-экспрессивную и оценочную информацию [3, с. 142]. В. Е. Горшкова уверена, что кинодиалог является своего рода «слепком с натуры», который предстает как квази-спонтанный разговорный текст, подвергшийся определенной стилизации в соответствии с художественными устремлениями режиссера и ориентированности на особый кинематографический код [3, с. 148]. Э. Кац дает такое определение кинодиалогу в «Film Encyclopedia»: «Dialogue: In a film, all spoken lines. Since the cinema is essentially a visual medium, dialogue is, or should be, used more sparingly than in the theater, supplementing action rather than substituting for it» [12, с. 366]. (*«Диалог: В фильме все произнесенные реплики. Поскольку кино по существу является визуальным средством, диалог используется или должен использоваться более экономно, чем в театре, дополняя действие, а не заменяя его»*). (Перевод наш – Н, Ж., А. М.).

Рассматривая понятие кинотекста, необходимо также соотносить его с понятием кинодискурса, которое появилось

в процессе расширения предмета лингвистики кинотекста. Упоминание о кинодискурсе встречается в трудах многих исследователей в качестве гиперонима по отношению к кинотексту. Кинотекст отождествляется с фильмом, тогда как кинодиалог – это все сказанное в фильме, что является имитацией реальной коммуникации. Кинодискурс же включает в себя оба этих понятия. Так, С. С. Назмутдинова рассматривает кинодискурс как «семиотически осложненный, динамический процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межкультурном и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [9, с. 11]. А. Н. Зарецкая в диссертации «Особенности реализации подтекста в кинодискурсе» понимает кинодискурс как «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторам, т.е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированными авторами для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем) [5, с. 34]. С. С. Зайченко исследовав семиотико-синергетические особенности организации англоязычного художественного кинодискурса исторического жанра, приходит к заключению, что «художественный кинодискурс как разновидность дискурса выступает результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса возможных реакций кинозрителя и кинотекста, выводящего произведение в пространство семиосферы» [4, с. 9].

Соответственно, «кинотекст» как особый вид креолизованного текста и как составная часть «кинодискурса» является цельным сообщением, которое воплощает творческий замысел коллективного функционально-дифференцированного автора и обладает определенными семиотико-синергетическими свойствами: его структура является сложной, открытой и динамичной, обнаруживает многочисленные связи с другими кинотекстами в пределах кинодискурса, другими дискурсами и в целом с культурной традицией, в рамках которой рождается

кинотекст. Именно эти свойства наделяют кинотекст способностью порождать множество смыслов, часто отличных от первоначального замысла автора. Это позволяет сделать вывод о том, что кинотекст функционирует как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система, а исследование художественного кинодискурса как разновидности семиотически осложненного дискурса, находящегося в центре внимания современной лингвокультурологии, лингвoseмиотики, лингвокогнитологии и психолингвистики, на наш взгляд, возможно только с позиций междисциплинарного подхода в рамках синергетической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) [Текст] / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С.71–79.
2. Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.. – 3-е изд. [Электронный ресурс]. – М. : Совет. энцикл., 1969 - 1986. ил., карт. – Режим доступа : <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/116/318.htm> (дата обращения: 06.12.2023).
3. Горшкова В. Е. Перевод в кино. [Текст] / В. Е. Горшкова. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет. 2006. – 278 с.
4. Зайченко С. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса (на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра): дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Светлана Сергеевна Зайченко. – Челябинск, 2013. – 206 с.
5. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Анна Николаевна Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Текст] / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра. 1973. – 63 с.
8. Муха И. П. К вопросу об информативности кинодиалога / И. П. Муха // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 2 (1). – С. 292–297.
9. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского

- кинодискурса): : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Светлана Сергеевна Назмутдинова. – Тюмень, 2008. – 18 с.
10. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). [Текст] / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
 11. Энциклопедия кино RuData.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://www.rudata.ru/wiki/Фильм_\(кинематограф\)](https://www.rudata.ru/wiki/Фильм_(кинематограф)) (дата обращения: 06.12.2023).
 12. Katz E. The Film Encyclopedia / Ephraim Katz. – 3rd ed. / rev. by Fred Klein and Ronald Dean Nolan [sic]. – New York : Harper Perennial, 1998. – 1506 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Моргачева А. С. К вопросу определения понятия «кинотекст»

В статье описываются существующие в современном языкознании подходы к теоретическому осмыслению понятия «кинотекст» в сопоставлении с понятиями «кинодиалог» и «кинодискурс». Отдельное внимание авторы уделяют вопросам выделения типов и классов кинотекста, характеру представленности в нем универсальные текстовых категорий. Делается вывод о необходимости рассматривать кинотекст как особый вид креолизованного текста в структуре кинодискурса.

Ключевые слова: кинотекст, кинодиалог, креолизованный текст, кинодискурс.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Morgacheva A. S. On the Issue of Definition of «Film Text»

The article describes the approaches to theoretical comprehension of the concept of «film text» in comparison with the concepts of «film dialogue» and «cinematic discourse». The authors pay special attention to the issues of distinguishing types and classes of the film text, the nature of universal text categories representation in it. The conclusion is made that the film text should be viewed as a special kind of creolized text in the structure of cinematic discourse.

Key words: film text, film dialogue, creolized text, cinematic discourse.

*Ю. Ю. Жуков
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.16

ТЕКСТ МАСС-МЕДИА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТИЛИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Важность изучения текстов средств массовой информации продиктована необходимостью изучения процесса распространения информации. Информирование находится в функциональном единстве с потенциалом текстов в этой области. Возможность массового сознания, следовательно, реализация регулирования невербального поведения посредством информации, превращает средства массовой информации в мощный инструмент управления массовой аудиторией. Развитие информационно-коммуникационных технологий вызвало значительное увеличение общего корпуса текстов в сфере массовой коммуникации.

В таких аспектах раскрываются сущность и задачи, стоящие перед средствами массовой информации.

1) интертекстуальность: как в случае формальной анонимности, так и в случае формального авторства существует несколько реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание (копирайтер или спичрайтер, менеджер или политический деятель, журналист, редактор и т.п.);

2) мифология: массовая коммуникативная среда, склонная к персонификации социальных институтов и мифологизации личности, конструирует собственную реальность, источником которой является мифологема адресата;

3) тоталитаризм: как построение речевого произведения из интертекстуального материала, так и растворение ответственного авторства в мифологемах производятся ради получателей сообщения и с их помощью; Дискурс средств массовой информации подчиняет себе адресатов с помощью языковых средств.

Масс-медийные тексты представляют собой массовую двустороннюю коммуникацию, общение между автором и читателем, а не однонаправленное «массовое информирование с целью пропаганды». Данные тексты по основным параметрам схожи с текстами разговорного стиля – по неограниченности и непредсказуемости тематики, по имитации естественной культурной обстановки, связи со звучанием, привлечением языковых и неязыковых выразительных средств. В содержательном плане только разговорная речь

в той же степени свободна в выборе тем и в привлечении различных выразительных средств. Как и разговорный стиль, публицистический стиль, к которому принадлежат масс-медийные тексты, обусловлен ежеминутной актуальностью.

Особенностью масс-медиа как текстов одного из самых «открытых» в системе функциональных стилей публицистического стиля языка является «чередование экспрессии и стандарта» [3]. Эта особенность обусловлена реализацией и функции воздействия на адресата, и функции информирования, сообщения. В зависимости от преобладания либо экспрессии, либо стандарта тексты масс-медиа делятся на информационные, аналитические, художественно-публицистические, сатирические, рекламные разновидности. В основе деления текстов масс-медиа на определённые жанры лежат разные критерии. В их числе: интенция (описать, проинформировать, разрекламировать, высмеять и т.п.), композиционные формы / регистры речи, образ автора (человек социальный / человек частный), модальность (объективная / субъективная), оценочность (скрытая / открытая) и т.п.

Как следствие, масс-медиаальный дискурс обладает весьма мощной и разветвлённой жанровой системой, включающей тексты различной жанровой природы, что обусловлено стратификацией глобальной коммуникативной интенции оказания речевого воздействия на адресата. Доминирующая коммуникативная интенция как основной текстообразующий фактор, задающий формально-структурный и содержательно-смысловой объем жанров языка СМИ, получив воплощение в тексте, определяет функциональную направленность речевого (текстового) общения.

Данные тексты масс-медиа, имея жанровое своеобразие, причисляются к текстам информационного или собственно публицистического подстиля. Информационному подстилю соответствуют информационные жанры (хроникальная заметка, информационная заметка, корреспонденция, репортаж, интервью). К публицистическому подстилю относятся аналитические жанры (аналитическая статья, рецензия, комментарий, обзор), сатирические жанры (фельетон, памфлет, сатирическая реплика), художественно-публицистические жанры (очерк, зарисовка, полемическая статья, заметка), рекламные жанры (наиболее открытая система, так как использует элементы всех жанров с целью разрекламировать, а, следовательно, воздействовать на адресата).

Данные тексты выстраиваются учёными в разные типологии. Например, Н. И. Усачёва и М. П. Брандес относят их к трём

канонизированным жанровым группам [4], [1] – информационной, аналитической, художественно-публицистической, которые конкретизируются такими жанрами, как заметка, отчёт, репортаж и т.д. Отдельную межвидовую группу жанров составляют, по мнению Н. И. Усачёвой и М. П. Брандес, тексты объявлений, рекламы, писем в редакцию.

Создаваемая с помощью интертекстуальных элементов цитатного характера внутритекстовая диалогичность имеет направленность во внешнее пространство за пределы текста издания – к его адресату, который может быть индивидуальным и коллективным. Эта интертекстуальность последовательно реализована в текстах, охватывающих ПТС «Закон». Например: в заглавии публицистической статьи «Антиутопия Оруэлла – детская сказка» (К. от 19.02.2021; <https://www.kommersant.ru/doc/4695016> – дата обращения: 03.04.2023) использовано прецедентное имя культового британского писателя Джорджа Оруэлла – автора всемирно известного романа-антиутопии «1984». Этот и другие примеры показывают, что интертекстуальность масс-медийного текста делает его полиадресатным, обращённым к неопределённому множеству получателей информации [2]. Такой текст рассчитан на фоновые знания получателей информации как знания, которые станут основой для их понимания и толкования.

Одной из важных особенностей текстов масс-медиа практически всех жанров является сочетание в них элементов сообщения и воздействия. Хотя главной функцией массовой коммуникации принято считать передачу информации, эта передача крайне редко бывает полностью нейтральной, т. е. абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или косвенным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждающими аудиторию к определённой реакции на передаваемую информацию, средствами привлечения внимания к информации или к точке зрения, выражаемой в сообщении. Например, заголовок публицистической статьи «Собачье дело» (относительно переноса реализации Закона об ответственном обращении с животными) (К. от 01.08.2019; <https://www.kommersant.ru/doc/4047538> – дата обращения: 27.03.2021) обладает таким оценочным значением, так полисемант собачий, помимо прямых значений типа ‘прил. к собака’, ‘свойственный собаке’, используется в составе бранных выражений (об этом см., например: [193, с. 169]). Безусловно, данная лексема, содержащая негативную оценочную коннотацию, намеренно используется автором публикации для привлечения внимания, воздействия на читателя.

Среди собственно языковых и стилевых особенностей языка масс-медиа, совокупность которых отличает его от языка других функциональных стилей, можно назвать:

1. Высокую степень стандартизации используемых средств: большое количество устойчивых и клишированных выражений, различные журналистские штампы, клише, лексикализованные метафоры, олицетворения и термины (эта особенность особенно характерна для новостных материалов и отражает стремление их авторов создать впечатление абсолютной объективности и беспристрастности). Ср.: русск. Законодательство устало от перемен; Стереотипные модели законопослушного поведения; Борьба за качество законов. Так, в заголовке Спикер Госдумы доложил президенту о борьбе за качество законов (К. от 24.04.2017; <https://www.kommersant.ru/doc/3281222> – дата обращения: 27.09.2022) использован речевой штамп борьба за качество, который первоначальным был образным выражением, но по причине частого употребления потерял свою образность и оригинальность. Другой пример: Закон о языке вступил в бессилие (как трансформация клише вступить в силу).

2. Экспрессивность языка как способ привлечения внимания читателя, выражения отношения к передаваемой информации, наличие оценочных эпитетов, прямых обращений к читателю (эти особенности чаще всего характеризуют авторские, подписные материалы). Например: русск. «Частое и легкое» изменение законов; укр. Воскрес завдяки незбагненній судовій системі; Справи робилися, суди вигравалися. Так, в рамках контекста Законы у нас не идеальные, но, ради бога, вы их не трогайте! (К. от 15.02.2017; <https://www.kommersant.ru/doc/3219828> – дата обращения: 27.03.2023) использовано разговорное наречие ради бога в значении 'пожалуйста' для усиления просьбы.

3. Насыщенность описания разнообразных реалий общественной, политической и культурной жизни с помощью стилистических тропов и фигур речи – аллюзий (к литературе, истории, кино и т.п.), гипербол, литот, образных сравнений, метафор (в том числе развернутых и «застывших», лексикализованных), метонимий, паронимических аттракций, иносказаний, эвфемизмов и цитат, характерных как для «анонимных», в том числе новостных материалов, так и для авторской журналистики. и др. Ср.: русск. Закона на вас нет (К. от 21.04.2021; <https://www.kommersant.ru/doc/4782172> – дата обращения: 03.04.2023) как аллюзия на известное высказывание Сталина на вас нет, которое, кстати, используется как заголовок публицистического текста в электронном издании «Коммерсантъ» от 08.06.2020 (<https://www.kommersant.ru/doc/4073500> – дата обращения: 03.04.2023). Чаще

перечисленные стилистические тропы и фигуры характеризуют авторские материалы, комментарии, статьи и заметки на различные темы.

4. Использование разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики (последняя особо характерна для устных текстов российских масс-медиа и используется автором материала или телеведущего с целью выражения определённого отношения, например, иронического, создания определённого образа и стилистического (например, юмористического) эффекта, а в так называемой «бульварной прессе» – ещё и для эпатажа аудитории и / или привлечения определенной категории читателей). Например: русск. Закон о безалкогольных сабантуях (где лексема сабантуй используется не в значении названия татарского и башкирского праздника, а как разг., шутл. ‘шумное веселье’).

5. Широкое использование фразеологизмов (в основном, трансформированных, окказиональных), в том числе каламбуров, которые характеризуют как авторскую, так и «анонимную» журналистику. Ср. трансформацию фразеологизма, которая произошла в заголовке Венецианская комиссия довела язык до Киева (К. от 06.12.2019; <https://www.kommersant.ru/doc/4186701> – дата обращения: 25.03.2023). В данном примере мы видим расширение его состава: исходный фразеологизм Язык до Киева доведёт со значением ‘переспрашивая, можно всё найти и узнать’ дополнен сочетанием венецианская комиссия. Особая черта письменных текстов СМИ (и особая переводческая проблема) – газетные и журнальные заголовки, построенные на каламбурах и видоизмененных идиомах. Так, например, заголовок электронного издания «Коммерсант» (www.kommersant.ru) Конституция идёт на поправки (К. от 21.01.2020; <https://www.kommersant.ru/doc/4225950> – дата обращения: 27.03.2023) является восходит к фразеологизму идти на поправку (разг.) ‘выздоровливать’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка: Для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. П. Брандес. – М.: Высш. шк., 1983. – 271 с.
2. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
4. Усачева, Н. И. Пародийное использование цитат (на материале немецкой литературы) // Вестник ЛГУ: история,

язык, литература. – Вып. 4. – Ленинград, 1974. – №20. – С. 115–120.

АННОТАЦИЯ

Жуков Ю. Ю. Текст масс-медиа как объект лингвистического изучения с точки зрения стилистики и лингвокультурологии

В статье рассматриваются вопросы важности и актуальности изучения текстов масс-медиа. Эти исследования предлагается проводить с точки зрения стилистики и лингвокультурологии. Тексты масс-медиа представляют собой особый интерес ввиду того, что там используется актуальная современная лексика, стилистические тропы, грамматические конструкции. Рассматриваемые тексты относятся к жанру новостных и аналитических.

Ключевые слова: стилистика, лингвокультурология, текст масс-медиа, стилистические средства.

SUMMARY

Iurii Zhukov Mass Media Text as an Object of Linguistic Study from the Point of View of Stylistics and Linguoculturology

The article discusses the importance and relevance of studying mass media texts. These studies are proposed to be carried out from the point of view of stylistics and linguoculturology. Mass media texts are of particular interest due to the fact that they use relevant modern vocabulary, stylistic tropes, and grammatical structures. The texts under consideration belong to the genre of news and analytical.

Key words: stylistics, linguoculturology, mass media text, stylistic means.

*М. Н. Ивахненко
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'373.2

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ, ФУНКЦИИ, АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ

Концепцию имен собственных часто рассматривают через призму литературной ономастики. Развитие этой области в рамках науки об именах собственных предполагает тщательное изучение ономастикона, встречающегося в литературных произведениях. «В словесной палитре художественного произведения особое место занимают имена

собственные. Они выступают у каждого большого писателя как особенно заметное, стилистически и семантически маркированное экспрессивное средство, яркая примета стиля. Имена собственные в художественном произведении играют важную роль, так как обозначаемые ими объекты участвуют в развитии и построении речевой и литературной композиции текста, в выражении всех художественных смыслов и мировоззрения автора» [11, с. 34].

Происходящая от греческого термина, означающего «имя», ономастика – это область исследований, изучающая имена собственные – те, которые присваиваются людям, животным, группам лиц и местам. Эти имена составляют значительный аспект нашего существования, выходя за рамки человеческих творений и охватывая географические объекты, даже те, что находятся за пределами нашей планеты.

На современном этапе развития ономастики уже не подвергается сомнению справедливость высказанного А.В. Суперанской тезиса о том, что «собственные имена – это слова, одновременно самые общие и самые специальные, самые международные и самые национальные» [9, с. 346-356].

В именах собственных мы наблюдаем различные характеристики, связанные с их сохранением и передачей. Имя собственное – это имя существительное, которое обозначает слово или словосочетание, предназначенное для обозначения конкретного, определенного предмета или явления. Имя собственное также выделяет эти предметы или явления из ряда таких же однотипных вещей.

По мнению О.И. Фоняковой, «имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [11, с. 21]. Это подтверждается и определением И.С. Алексеевой: «Имена собственные – это группа лексики, обладающей однозначной соотносительностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но и – в первую очередь – как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире» [1, с. 17].

Имена собственные способны обозначать широкий круг явлений, понятий и объектов, существующих в реальности. Обилие этих объектов делает сложной задачу изучения всех существующих имен, включая личные имена, фамилии и

географические обозначения. Изучение имен собственных в художественном произведении представляет собой не менее сложную задачу, так как несмотря на то, что количество онимов в том или ином художественном произведении ограничено, их реализация достаточно своеобразна [3, с. 5].

Некоторые базовые положения могут внести ясность и подчеркнуть ключевые понятия. Во-первых, имя собственное выступает как универсальная категория среди существительных, характеризующаяся функциональным и семантическим аспектами. Оно функционирует как отдельное подмножество словесных символов, предназначенных для идентификации и разграничения конкретных объектов. Во-вторых, в сфере собственных имен существует целый ряд категорий, включающих антропонимы, топонимы, зоонимы и поэтонимы. Каждая категория служит уникальной цели лингвистического выделения и определения различных объектов.

Данные компоненты, обнаруживающиеся при взаимодействии с контекстом, могут «семантизироваться, получать определенный смысл и получать стилистическую экспрессию» [7, с. 21]. Имена собственные не ограничиваются только идентификацией, они также находят свое место в различных стилистических приемах. Отличительные нюансы использования имен собственных присущи каждому писателю и формируют его индивидуальный стиль. Исследование имен собственных в сфере стилистических фигур открывает захватывающий пласт индивидуального самовыражения и творчества, вписанный в широкий гобелен литературной композиции.

Имена собственные в художественной литературе имеют свои особенности, в том числе носят вторичный характер, выделяется их иная причинность и иные функции по сравнению с именами собственными в повседневном языке. Ономастическое пространство в произведении не только отражает авторский замысел, но и способствует его пониманию за счет множества коннотаций и ассоциаций. Включение богатых аллюзиями имен собственных позволяет авторам наполнить содержание дополнительными смысловыми слоями. На протяжении всего повествования имена собственные накапливают семантические элементы по мере развития сюжета.

Значимость имен собственных обусловлена совокупностью экспрессивной, эмоциональной, оценочной и аффективной информации, хитроумно вплетенной в них. Ю.А. Карпенко выделяет два ключевых измерения стилистики имен собственных – информационно-стилистическое и эмоционально-стилистическое [8]. Кроме того, Э.Б. Магазаник вводит

дополнительную перспективу, классифицируя имена собственные на ономастику и ономапозтику [5].

При исследовании стилистической функции личных имен выделяются несколько компонентов. Они включают в себя структурные аспекты именования, значение, заложенное в деривационной основе, а также соображения морфологического и фонетического состава. Понимание стилистических нюансов позволяет вникнуть в эти элементы и выявить хитросплетения смыслов, заложенных в процессе наименования. Такой многогранный подход позволяет лучше понять, какой вклад вносят имена собственные в стилистическую картину языка.

Все имена собственные, независимо от их принадлежности к той или иной категории, призваны служить для выполнения определенных задач в рамках литературного произведения.

По мнению В.Д. Бондалетова, данные задачи могут быть основными и второстепенными [2, с. 21].

Основными задачами В.Д. Бондалетов считает прежде всего номинативную функцию, которая предполагает именование новых объектов и явлений как в материальной, так и в духовной культуре в связи с непрерывным развитием человеческого общества. Номинативная функция имен собственных служит цели присвоения имен этим новым сущностям. Также, к основным функциям относятся идентифицирующая и дифференцирующая. Идентифицирующая функция отражает способность имен собственных указывать на объект в ряду ему подобных, а дифференцирующая – выделяет этот предмет из ряда ему подобных [2, с. 20].

Помимо первичных функций, имя собственное может выполнять и вторичные функции. К ним относится социальная функция, особенно ярко проявляющаяся в произведениях художественной литературы через антропонимы. Эта функция связана с взаимодействием двух социальных объектов, то есть людей или групп людей [10, с. 112].

В художественных произведениях часто используются антропонимы, что обусловлено необходимостью присвоения различных имен, фамилий или прозвищ значительному количеству разноплановых персонажей. Номенклатура персонажей художественного текста подчиняется определенным критериям, устанавливаемым автором в процессе творчества. Такие критерии могут зависеть от жанра художественного произведения. Например, в таких жанрах, как фэнтези и научная фантастика, авторы часто придумывают имена собственные, в то время как современная художественная проза требует использования аутентичных имен.

Эмоциональная функция в художественной литературе направлена на то, чтобы вызвать у читателя определенные чувства, такие как радость, гнев, страх или отвращение. В художественном произведении эта функция может быть в равной степени реализована через любую категорию имен собственных, поскольку автор имеет возможность гибко наделять их коннотациями в соответствии со своими намерениями. Большую роль играет контекст, который определяет, как воспринимается то или иное имя собственное для достижения желаемого эмоционального воздействия.

Экспрессивная функция служит для акцентирования и усиления воздействия на читателя в соответствии с авторским замыслом, предполагая наличие экспрессивности, заложенной в имени собственном. Этот эффект, направленный на придание имени собственному особой репрезентативности, может быть использован автором при стремлении изобразить объект определенным образом, дать ему положительную или отрицательную характеристику.

Функция имен собственных в тексте очень важна, они служат важным структурным элементом, объединяющим семантическую основу и внешнюю структуру текста. Ономастический ландшафт романа, повести, рассказа выстраивается автором сознательно и не является произвольным, он несет в себе авторскую концепцию и способствует ее раскрытию. Формообразующая роль имен собственных в тексте определяется их функциональными, социокультурными и системными признаками. Кроме того, важную роль в раскрытии авторского замысла играет мотивация, лежащая в основе этих имен. Анализ текста через призму ономастики, расшифровка семантического содержания имен собственных приводит к пониманию образной системы, авторского замысла и художественного текста как целостного образования. Следовательно, имена собственные, обогащенные разнообразными коннотациями и ассоциативными связями, выступают как неотъемлемые компоненты художественного произведения, несущие обширную экстралингвистическую информацию.

За долгие годы имена собственные как важнейший элемент, влияющий на семантический ландшафт художественных текстов, подверглись детальному анализу с функциональной точки зрения. Исследователи выявили устойчивые закономерности в функциональных свойствах имен собственных. Особенности их специфики в литературных и нелитературных текстах приводят к тому, что функции имен собственных в литературных произведениях различаются по сравнению с другими контекстами.

По утверждению И.Б. Масловой, топонимы и хрононимы, как правило, способствуют установлению локально-временной связности в пространстве повествования. По ее мнению, эти имена передают фон событий и составляют контекстуальную основу сюжета. Имена собственные из других категорий, напротив, часто используются автором по своему усмотрению, с целью художественного усиления повествования, обеспечения максимальной убедительности и достоверности [6, с. 3-4].

В сфере художественной литературы глубокое изучение функций, связанных с отдельными именами собственными, позволяет выявить их удивительную многофункциональность. Первичные лингвистические функции, впервые выделенные А.В. Суперанской, служат основой. Однако помимо этих фундаментальных функций имена собственные в художественной литературе выступают в качестве универсальной основы, вмещающей в себя множество дополнительных функций. Это динамичное взаимодействие позволяет именам собственным служить холстом для создания выразительных и ярких образов в повествовательном ландшафте. Многослойность их функций усиливает богатство и глубину повествования, демонстрируя сложную взаимосвязь между языком и образной сферой литературного выражения.

«Несмотря на указанную пестроту и многоплановость, собственные имена различных языков обнаруживают ряд общих черт, заставляющих нас выделять их на фоне прочих лексических единиц в особый класс *nomina propria*, и само по себе это явление уже универсально» [9, с. 347].

Итак, одной из лингвистических универсалий является наличие в языке собственных и нарицательных имен существительных. Проприальные единицы всех языков мира демонстрируют общие черты, называемые ономастическими универсалиями. К их числу относятся, например, номинативная и идентифицирующая функции онимов, некоторые особенности словообразования и употребления и т.п. Однако, являясь в реальной жизни индивидуализирующим и идентифицирующим знаком, имя собственное в контексте литературного произведения представляет собой сущность иного рода. Поэтоним как универсальная лексическая категория художественного текста участвует в эстетической реализации персонажа, повествователя или автора и его действий во времени и пространстве, представленных в лингвистике текста категориями антропоцентричности и локально-темпорального континуума, на основе которого строится художественный мир в любом художественном произведении.

В разнообразии художественных средств произведения имя собственное потенциально способно играть важную, а иногда и основную роль. Формы и приемы актуализации выразительных возможностей поэтонимов обуславливаются особенностями их семантики и структуры.

В художественном тексте любые формы собственных имен могут использоваться для реализации стилистических и эстетических целей, поставленных автором. И стилистически «нейтральные», и стилистически «нагруженные» поэтонимы выполняют в литературных произведениях эстетическую, стилистическую и характеризующую функции.

Как показывают наблюдения, адаптация поэтонимов в иной языковой и культурной среде часто представляет определенные сложности, в особенности это справедливо в отношении неродственных языков. В переводном произведении крайне важно сохранить национальную и историческую окраску имен, игровую составляющую семантики поэтонимов, ведь без этого образы персонажей произведения и авторский замысел не смогут быть в полной мере восприняты иноязычным читателем.

Важно установить закономерности сохранения и передачи облигаторной и факультативной составляющих семантики поэтонимов средствами иностранного языка. Однако, несмотря на наличие универсальных свойств собственных имен во всех языках, решение этой задачи невозможно без учета национального своеобразия оригинальных произведений.

В мире, создаваемом автором художественного текста, имена и названия всегда играют особую роль, они закрепляются за своими референтами в индивидуальном порядке и, следовательно, должны служить для их идентификации не только в какой-то одной, а и во всех остальных языковых и культурных средах. Имена собственные, по мнению Д.И. Ермоловича, «становятся как бы опорными точками в межязыковой коммуникации», «исполняют функцию межязыкового, межкультурного мостика» [4, с. 2]. Таким образом, при межязыковом и межкультурном заимствовании возникает проблема сохранения и адекватной передачи всего комплекса номинативных, экспрессивных, аллюзивных, национально-культурных и прочих коннотаций, заключенных в уникальном ониме оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение : учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений / И.С. Алексеева. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. –368 с.

2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М. : Либроком, 2016. – 312 с.
3. Васильева С.П. Литературная ономастика : учебное пособие для студентов филологических специальностей / С.П. Васильева. – Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. – 138 с.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
5. Магазаник Э.Б. Ономапозитика, или «говорящие» имена в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент, 1978. – 146 с.
6. Маслова И.Б. Имя собственное как средство лингвистической интерпретации художественного текста : к вопросу о текстообразующей функции имен собственных (на материале очерков В.И. Даля) / И.Б. Маслова. – РУДН, 2000. – С. 50–55.
7. Перехова Л.И. Стилистические коннотации антропонимов и их использование во французской литературе (на материале произведений Бальзака) : автореф. дис. канд. филол. наук: (10.02.05) / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1977. – 22 с.
8. Русская ономастика : Сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса : ОГУ, 1984. – 186 с.
9. Суперанская А.В. Ономастические универсалии / А.В. Суперанская // Восточнославянская ономастика / [отв. ред. А.В. Суперанская]. – М. : Наука, 1972. – С. 346–356.
10. Сухих М.В. Символика личного имени в русской культуре / М.В. Сухих // Русская словесность в системе высшего образования : материалы докладов и сообщений XIV международной научно-методической. конф. – СПб. : СПГУТД, 2009. – 267 с.
11. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте : Учебное пособие / О.И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М.Н. Имена собственные в художественном тексте: характеристики, особенности, функции, адекватность передачи

В статье рассматриваются имена собственные через призму литературной ономастики, поскольку внимание фокусируется на именах собственных в художественном тексте: рассматриваются базовые положения, исследуются характеристики имен собственных, особенности, функции. Отдельно акцент ставится на адекватности передачи иноязычных имен собственных в литературных произведениях.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, оним, художественный текст, межъязыковая коммуникация.

SUMMARY

Ivakhnenko M.N. Proper Names in a Literary Text: Characteristics, Features, Functions, Adequacy of Rendering

The article deals with proper names through the concepts of literary onomatology, since attention is focused on the proper names in a literary text: basic notions are considered; the characteristic features of proper names and their functions are examined. The emphasis is placed on rendering the proper names in literary works.

Key words: onomatology, proper name, onym, literary text, interlingual communication.

*Н. В. Лешкова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.161.1.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАДИСКУРСА В ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Выделение метадискурса в тексте изначально имело философскую проблему, которая заключается в разделении понятий объективного и субъективного. М. Бахтин писал: «Жить – значит участвовать в диалоге: спрашивать, слушать, отвечать, соглашаться и др.» [1, с. 319]. Этот диалог отражен в тексте, который состоит из собственно текста и части, которая его окружает. Это означает одновременно его целостность и гетерогенность и обусловлено сочетанием готового текста, который уже существует, и создаваемого текста в момент вербализации мысли.

Коррелянты находятся в оппозиции друг к другу, но они и их идеи могут находиться в одном пространстве – тексте – и образовывать целостность. Диалог предполагает восприятие, что в итоге приводит к смене ролей – реципиент превращается в продуцента идей. И даже если коммуникативная ситуация предполагает присутствие лишь одного физического участника, его монолог является диалогическим: речь членится на сегменты, каждый из которых принадлежит разным лицам, то есть говорящий субъект постоянно заменяется другим, хотя этот другой не всегда занимает позицию внешнего говорящего. Это делает возможным понимание многослойности смысловой организации текста.

Заметим, что метаязык – это не только инструмент исследования ученых, он существует и в повседневном

общении, и именно из-за того, что он естественен для людей, часто метаязыковые вкрапления в коммуникативном процессе остаются незамеченными и не воспринимаются как чужеродные конструкции. Лингвист Ж. Отье-Ревю утверждает, что металингвистика изучает диалогические отношения говорящего к собственному слову [4, с. 65]. Исследователь рассматривает рефлексивные высказывания, касающиеся авторского отношения к своему тексту.

Одним из первых лингвистов, исследовавших это явление, был З. Харрис. Он сосредоточился на аспекте лингвистических преобразований для извлечения информации: «Метадискурс относится к тем отрывкам текста, которые содержат информацию только вторичной важности» [8, с. 464-466]. Появление метаэлементов объясняется желанием автора, создающего текст, помочь читателю лучше понять свой замысел. Лингвист вводит термин «метадискурсивное ядро», полностью отличающийся от «главного ядра», однако З. Харрис не дает ответа на вопрос, какие же единицы являются «метадискурсивными» и как их отличить от «главных».

Идеи о неоднородности речи нашли свое развитие в последующих трудах, где варьировался понятийный объем метадискурса, а также разрабатывались классификации метаязыковых средств. Дж. Уильямс определяет метадискурс как «письмо, которое ведет читателя, письмо, информирующее читателя об основных темах, дискурс о дискурсе» [9, с. 47]. Он считает метадискурсивные единицы важными для достижения главных характеристик текста, таких как ясность и связность.

Во многом опираясь на исследования Дж. Уильямса, американский лингвист Э. Крисмор определяет четыре главных свойства дискурса, которые обеспечиваются метадискурсивными элементами: структурность, связность, единство и соответствие аудитории. Для Э. Крисмора «метадискурс – это вмешательство автора в текст: эксплицитный или не эксплицитный. Метаэлементы существуют с целью направить читателя, чем проинформировать его» [7, с. 2]. Исследователь определяет метадискурс отношений и информативный метадискурс, и это вызывает несогласованность с предыдущим утверждением, поскольку классификация противоречит дефиниции. Более того, возникает вопрос, где завершается информирование и начинается управление.

Э. Крисмор определяет функциональный потенциал метадискурса по десяти пунктам: 1) изменение темы; 2) переход к выводам; 3) выражение чего-то уверенно/неуверенно; 4) выделение важной идеи; 5) характеристика понятий; 6) объяснение

сложной мысли; 7) акцент на присутствии читателя; 8) указание на причинные или иные отношения между идеями (например, контраст); 9) продолжение дискурса; 10) выражение отношения к событию [7, с. 4-5].

В восточноевропейском языкознании теория метазлементов начала активно разрабатываться с появлением статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978), исходной идеей которой является понимание текстового «двухголосия», возникающего в сознании слушателя [3, с. 404]. Метатекст оказывается границей к полученной информации. А. Вежбицкая считает, что такие субъективированные конструкции возникают в сознании именно говорящего-адресата, а не говорящего-адресанта. Созданный двухтекст, в котором основной текст соединен именно с помощью метатекста, не всегда можно разъединить на части, хотя метатекстовые связи являются заметно инородным телом [3, с. 407].

Согласно этому подходу, метатекст охватывает широкий спектр явлений комментирования основного текста, реализуемых с помощью метаязыков, к которым относятся следующие группы единиц: 1) метаплеонастические выражения (я думаю, что), в которых глагол является избыточным для понимания, поскольку называет процесс речи явным без дополнительного указания; 2) выражения, с помощью которых говорящий дистанцируется от сказанного (по идее, несмотря на); они обеспечивают границы между элементами предложения; 3) метаорганизаторы, выполняющие тему высказывания (касательно, с точки зрения); 4) показатели связи между фрагментами выражения (между прочим); 5) сигналы поочередности и логической последовательности (и так далее, в-третьих); 6) метатекстовые операторы, устанавливающие эквивалентность и квазиэквивалентность в выражении (одним словом, поэтому); 7) парентетические глаголы Дж. Урмсона (настаиваю, акцентирую внимание), которые, однако, не обязательно являются вводными; 8) перформативы Дж. Остина (даю согласие, обещаю) [3, с. 407-420].

Явление метадискурса иногда рассматривается в контексте теории речевых актов. П. Бове считает, что по своей форме и функциям метадискурсивными являются показатели иллокутивной силы, которые определяют описание иллокутивного акта [6, с. 15]. В речевом акте метадискурс выполняет ту функцию, которую Дж. Остин приписывает экспозитивам (они показывают, как предложение «вписывается» в контекст разговора). Таксономически выделяют первичные и вторичные иллокутивные акты. К первым относятся простые и сложные типы метадискурса: реляционные (причинно-

следственные связи), оценочные (весомость предложения и реакции на нее), комиссивные (стремления, обязательства говорящего); также возможно сочетание типов (например, реляционно-комиссивные). В отличие от первичных, вторичные экспозитивные иллокутивные акты касаются не первого лица (самого говорящего), а второго и третьего лиц.

Н.Рябцева разделяет узкое и широкое понимание. Метаязык (в узком смысле слова) – лингвистическая терминология, но также сюда относятся различные типы рефлексии над языком, поэтому метатекст в широком смысле – это все языковые средства, референт которых обладает способностью к наличию в языке и речи [5, с. 439]. Метаязык составляет комплекс взаимосвязанных явлений, таких, как метатекст, метакоммуникация, метадискурс, лингвистическая терминология. Из этого заметно, что метаязык охватывает разнородные средства, которые являются системными и составляют неотъемлемую часть речи. Метадискурс является необходимым элементом научного мышления, сознательная рефлексия над собственными ментальными состояниями, когнитивными и коммуникативными одновременно. Научный метаязык отражает субъективность познания, составляет целостную систему средств экспликации, упорядочения, категоризации и формализации научного знания [5, с. 456].

Исследуя метаязык в контексте научного дискурса, возникает вопрос соотношения метаязыка и терминологии. Он связан с уподоблением метаязыка технической терминологии, которая служит не для описания объективного мира, а для описания языка.

Изучение метатекста началось именно с академических и учебно-образовательных текстов (Р. Берри, К. Гайленд, Э. Крисмор), но сегодня все чаще материалом исследования являются также художественные (А. Андрусенко, Н. Лукина), мемуарные (А. Гилева), медийные (Б. Мисонжников), политические (В. Марьянчик), переводные (В. Козлова) тексты.

Помимо терминов «метадискурс» и «метатекст», используемым является «текстовый дейксис», который соотносится с метатекстом как частичное и общее. Ф. Бацевич определяет текстовый (дискурсивный) дейксис как «систему указательных отсылок к другим местам (ретроспективным и проспективным) этого же текста (дискурса): *таким образом, то есть, там и др.*» [2, с. 124].

Наиболее дискуссионным на сегодня остается вопрос о целесообразности использования терминов «метатекст» и «метадискурс» и критерии их разграничения. Конкуренция между ними продолжается с начала их введения в научный оборот, то

есть со второй половины XX в., но оба термина продолжают функционировать в филологических трудах. Неоднозначность термина восходит к упомянутому определению З. Харриса, где метадискурс представляет попытки автора помочь читателю лучше понять текст. Так, языковеды, занимающиеся изучением лингвистики текста, говорят о тексте и метатексте, а последователи школы дискурсивного анализа вовлекают термин «метадискурс» в оппозицию к основному термину – «дискурс». В конце концов, в некоторых трудах указанные термины объединены и заменяют друг друга. Например, Р. Берри отождествляет эти понятия. Н. Рябцева синонимично пользуется терминами «метадискурс» и «метатекст», употребляя также и термин «метавысказывание», которому ученый все же отдает предпочтение.

Большинство лингвистов использует один из двух терминов, не выстраивая его соотношение с другим, из-за этого приходится констатировать недостаток аргументации для понимания релевантности употребления обоих терминов параллельно или одного из них.

Считаем, в современной лингвистике определилась тенденция к более частому использованию термина «метадискурс», что, бесспорно, связано с влиянием западной традиции. Несмотря на то, что первые исследования метадискурса акцентировали внимание на роли метаэлементов для организации текста, сегодня такое понимание является основным для сторонников теории метатекста, тогда как метадискурс касается предпочтений, оценок, эмоций говорящего относительно действительности и собеседника.

Полифункциональность метадискурса заключается в том, что один и тот же элемент может по-разному влиять на пропозициональную часть, а это в свою очередь влияет на сложность зачисления метадискурсивной единицы в ту или иную группу элементов. Например, можно считать рамочным ретроспективным маркером, указывающим, где искать актуальную информацию, но также можно считать усиливающим элементом, указывающим на важность информации. Несмотря на существование большого количества классификаций метадискурсивных единиц, ни одна из них не является универсальной и может быть дополненной, сокращенной или видоизмененной. Так, А. Вежбицкая причисляет, например, и словом к группе элементов, устанавливающих эквивалентность / квазиэквивалентность между частями выражения, хотя они не выполняют абсолютно идентичной функции, а потому могут быть разведены в разные группы.

Современный исследователь К. Хайленд разделяет метадискурс на две категории: метадискурс управления и

метадискурс взаимодействия. К первой категории относятся следующие группы элементов: 1) глоссы, которые содержат дополнительную информацию посредством перефразирования, иллюстрации или объяснения (например, другими словами); 2) эндофорические маркеры, то есть внутритекстовые призывания, которые будут указывать на различные части текста, объединяя их; 3) эвиденциалы, то есть маркеры доказательства, указывающие на источник информации; 4) маркеры структурирования, используемые для последовательной организации идей в тексте; 5) маркеры смещения, то есть элементы, которые способствуют логическому объединению пропозиционных частей. Ко второй группе метадискурсивных элементов относятся следующие: 1) маркеры отношения говорящего к предложению; 2) авторские маркеры, удостоверяющие эксплицитное присутствие автора в тексте; 3) маркеры взаимодействия, которые фиксируют обращение к читателям с целью их привлечения к дискурсу; 4) модальные маркеры, которые выделяют «голос» автора среди других «голосов»; 5) маркеры утверждения, которые усиливают указанные идеи.

Мы используем термин «метадискурс» для обозначения особенностей организации коммуникативной деятельности. Метадискурс является речевой категорией, охватывающей пути выявления говорящего в дискурсе, а именно речевая рефлексия над дискурсом и средства оформления идей. Метадискурс составляет семантически другую часть дискурса. Дискурс и метадискурс образуют гетерогенную структуру в содержательном плане, однако интерпретировать их независимо невозможно. Основанием выделения метадискурса как отдельной составляющей процесса текстообразования является его интерактивная направленность, то есть осознание говорящим «другого» в коммуникации предопределяет использование метаорганизаторов. Следовательно, метаорганизаторы выражения упорядочивают композицию проповеди, связывают компоненты текста, отражают стратегию священника во время текстообразования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бацевич Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики : монографія / Флорій Бацевич. – Львів : ПАІС, 2010. – 336 с.

3. Вежицкая А. Метатекст в тексте / Анна Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 402–421.
4. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе [Текст] / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 54–94.
5. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. РАН, Ин-т языкознания. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
6. Beauvais P. J. A speech act theory of metadiscourse / Paul J. Beauvais // Written Communication, 1989. – №6. – P. 11–30.
7. Crismore A. Metadiscourse: what it is and how it is used in school and non- school social science texts / Avon Crismore. – University of Illinois at Urbana- Champaign, April 1983. – 96 p.
8. Harris Z. S. Linguistic transformation for information retrieval / Zellig S. Harris // Papers in structural and transformational linguistics. – Dordrecht: D. Reidel, 1970. – P. 458–471.
9. Williams J. M. Style: ten lessons in clarity and grace / Joseph M. Williams. – Glenview, Ill. : Scott, Foresman, 1981. – 208 p.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н.В. Реализация метадискурса в православной проповеди

Статья посвящена особенностям реализации метадискурса в православной проповеди. Рассматривается понятие метадискурса в общем смысле и в проповеди в частности. Исследуются элементы, которые обеспечивают метадискурсивность: метаэлементы, метавысказывание, метаязык. В статье сравниваются два понятия: метатекст и метадискурс. Также анализируется метадискурс как необходимый элемент научной мысли.

Ключевые слова: дискурс, метадискурс, термин, языковая категория, коммуникация, языковая ситуация, проповедь.

SUMMARY

Leshkova N.V. The Implementation of Meta-discourse in Orthodox Preaching

The article is devoted to the peculiarities of the implementation of meta-discourse in Orthodox preaching. The concept of meta-discourse is considered in the general sense and in the sermon in particular. The elements that provide meta-discursivity are investigated: meta-elements, meta-narrative, metalanguage. The article compares two concepts: metatext and meta-discourse. Meta-discourse is also analyzed as a necessary element of scientific thought.

Key words: discourse, meta-discourse, term, language category, communication, language situation, sermon.

И. В. Решетарова
(г. Горловка, РФ)

УДК 81.659.1
ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТУРИСТСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие туризма» [6], в которой изложены стратегические приоритеты государственной политики и цели в сфере туризма, туристический сектор России обладает огромным потенциалом. И дело не только в том, что чем древнее культура страны, чем более развитыми историко-культурными традициями она обладает, тем интереснее туристские маршруты и мероприятия. Отрасль способна вносить гораздо более значимый вклад в развитие экономики страны. В документе перечислены шаги и условия, необходимые для «... формирования и продвижения качественного туристского продукта, конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках ...» [там же]. Не осталось без внимания и «увеличение доступности услуг туризма, отдыха и оздоровления для всех жителей Российской Федерации» [там же].

Кроме разнообразия туристских точек притяжения особое значение для развития отрасли имеют места размещения – гостиницы, отели, хостелы, дома отдыха и др. Не секрет, что многие зарубежные курорты привлекают отечественного отдыхающего именно условиями проживания: высокие стандарты обслуживания при достаточной ценовой доступности. Немаловажное значение имеет и фактор опережающего развития туризма в зарубежных странах.

Учитывая ряд параметров, влияющих на раскрытие потенциала отечественного туристского продукта, Программа предусматривает спектр шагов, среди которых повышение уровня качества и безопасности туристской инфраструктуры, развитие транспортной доступности; повышение уровня сервиса и кадрового обеспечения развития туризма, развитие языковой подготовки работников в сфере туризма, активное вовлечение бизнеса в формирование образовательных программ для туристской отрасли; достижение уровня мировых лидеров в развитии цифровой инфраструктуры и бесконтактных сервисов, развитие цифровых платформ продвижения туристских продуктов

и брендов, цифровых средств навигации и формирования туристского продукта [там же] и др.

Важность и значимость цитируемого документа заключается, во-первых, в возможности проводить образовательные мероприятия для широких слоев населения (знакомить с историей и культурными традициями, повышать уровень патриотизма, развивать чувство гордости своей страной), сочетая их с возможностями отдыха и рекреации. И, во-вторых, предоставление качественных услуг в сфере туризма вносит вклад в сохранение здоровья и благополучия людей, что, в свою очередь, влияет на обеспечение роста численности населения страны и повышение продолжительности жизни граждан.

Прежде чем приступить к анализу особенностей туристской рекламы в интернет-дискурсе, отметим, что вопрос о принадлежности туристского дискурса к рекламному дискурсу практически впервые был рассмотрен в научной работе Н.А. Тюленевой (2008). Под туристской рекламой автор понимает «особый подвид рекламного дискурса, который объединяет различные виды рекламы туризма и нацелен на продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер» [5, с. 15]. Таким образом, одним из очевидных и действенных средств продвижения туристских продуктов является реклама.

Многогранность рекламного продукта, его цели и задачи позволяют изучать рекламу с позиций различных наук: экономики, социологии, юриспруденции, культурологии, истории, психологии и, конечно же, лингвистики. В границах юридических наук рекламный текст изучается на предмет соблюдения правовых норм; в поле социологических наук учеными рассматриваются особенности влияния рекламного продукта на разные слои населения (пол и возраст реципиента, его уровень образования и доходов и др.); исследователи-культурологи прослеживают как отражается культурный код в рекламном продукте и так далее. Внимание филологов довольно длительное время сосредоточено на лингвистической стороне рекламы и изучении рекламного дискурса (см., напр., Гриценко, 2017; Жданова, 2015; Клушина, 2001; Найденов, 2000; Репьев, 2000; Розенталь, Кохтев, 1981; Стернин, 1998; Филатова, 2012; Формановская, 2003), что подтверждает актуальность разработки данного направления.

Создание работающей рекламы в значительной степени зависит от верного выбора форм и средств воздействия на потребителя, способных вызвать у него интерес и желание купить данный продукт. Оставив в стороне традиционные

формы рекламы, обратимся к сетевым рекламным средствам. Иными словами, постараемся кратко ответить на вопрос, почему туристский продукт нужно рекламировать именно в интернет. Ответ на поставленный вопрос достаточно прост: интернет-реклама обладает рядом непреодолимых преимуществ. Во-первых, сегодня интернет является средой максимально эффективного и полного представления рекламного продукта. Во-вторых, реклама в интернете относительно недорогая, однако позволяет осуществлять мощное сфокусированное воздействие на целевую аудиторию. Отдельно следует отметить возможность интернет-рекламы держать связь с аудиторией. Традиционно потребитель узнает о товаре или услуге посредством телевидения, печатных изданий, личной коммуникации. Интернет-рекламу отличает интерактивность, то есть возможность немедленной реакции на сообщение. По мнению специалистов, главное требование к современной интернет-рекламе – соответствовать интеллектуальным возможностям потенциальных потребителей [7]. Иными словами, задача создателей рекламы сводится к грамотному совмещению вербальных и невербальных компонентов, выстраиванию единого рекламного образа, эффективно воздействующего на потребителя.

Одна из популярных форм совмещения вербальных и невербальных компонентов в сети заключается в использовании креолизованных текстов. Выскажем предположение, что это связано с так называемым «клиповым мышлением» современного получателя информации, свойством человека быстрее воспринимать информацию через яркие картинки, образы, клипы и видеоролики. А креолизованный текст как раз и воплощает все то, что ищет потребитель: динамичность, яркие ассоциации, большой объем в малой форме.

Проблемам функционирования креолизованных текстов в рекламном дискурсе посвящено немало работ отечественных исследователей (см. напр., работы Алексеева, 2002; Анисимовой, 2003; Елиной, 2010; Ильиновой, 2011; Тельминова, 2009).

Так, под креолизованным текстом принято понимать текст, составленный из знаков разных семиотических систем [1]. Простое и логичное описание рекламного текста как креолизованного дает Е.А. Елина. Согласно автору, рекламу следует рассматривать как креолизованный текст с частичной и полной креолизацией, так как в рекламных сообщениях обнаруживается высокая взаимосвязь между вербальными и иконическими компонентами [3]. Интересным представляется также мнение М.В. Фиськовой, предложившей еще один вариант классификации креолизованных текстов по наличию изобразительных компонентов. Автор утверждает, что

текстов с нулевой креолизацией не существует, подобные тексты следует рассматривать как тексты «с минимальной степенью креолизации», так как «графические средства, так или иначе, представлены практически в любом тексте» [8, с. 177].

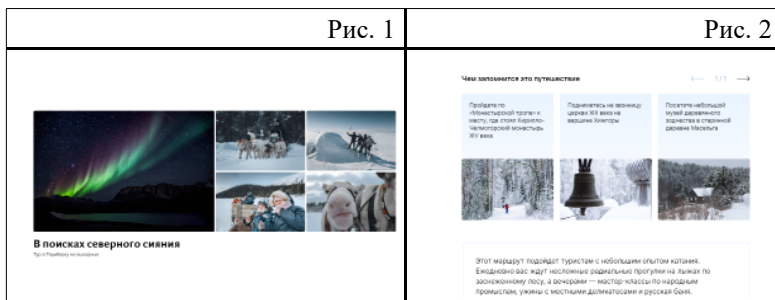
В нашей работе, вслед за Е.Е. Анисимовой [2, с. 8], под креолизованным текстом мы понимаем сложное текстовое образование, в котором изобразительный и вербальный компоненты составляют единое функциональное, смысловое и визуальное целое, что обеспечивает комплексное воздействие на адресата. Креолизованный текст мы рассматриваем как семиотически осложненный текст, то есть, текст, в котором интенция адресанта реализуется одновременно как с помощью вербального кода, так и с помощью разнообразных невербальных средств, фиксирующих и транслирующих в коммуникацию разнообразную информацию.

Итак, для того, чтобы привлечь внимание адресата, авторы рекламных текстов прибегают к лексическим, стилистическим и графическим средствам языка, усиливая последние невербальными средствами – иллюстрациями. При этом, чтобы найти наиболее эффективную форму воздействия на адресата, авторы задействуют весь доступный арсенал языковых и неязыковых средств. Широко применяются стилистические средства выразительности: метафоры, гиперболы, эпитеты, аллитерация и др. Гипербола, например, помогает убедить потенциального клиента в том, что предлагаемый пакет услуг является наивысшей степенью туристского продукта; эпитет придаёт особый характер рекламируемому, подчёркивая его уникальность и единичность. Отдельно следует упомянуть языковые реалии – культурно-специфические лексические единицы, которыми номинируют в туристских рекламных текстах объекты искусства, культуры, традиций, обычаев и др.

Рассмотрим, например, предложение лыжных прогулок по Архангельской области (<https://www.russiadiscovery.ru/tours/po-zasnezhennomu-lekshmozeryu/>). Компания предлагает поселиться «в небольшой деревушке на берегу Лекшмозера». Согласно описанию предоставляемой услуги, туристы каждый день смогут посещать живописные уголки Кенозерья, увидят старинные деревянные церкви и избы, пройдут историческими тропами национального парка, прокатятся по заснеженным озерам и познакомятся с традициями и культурой местных жителей.

Кроме уникального предложения отдохнуть от городской суеты (небольшая деревушка на берегу озера), туристу предлагается посещение живописного уголка со старинными церквями и избами, а также мастер-классы по народным

промыслам (см. Рис. 1). Использованные средства языка, рисующие картины тишины, умиротворения и спокойствия, наряду с качественной визуальной поддержкой привлекают внимание потенциального клиента, возбуждая желание побывать именно в этих местах. Кроме того, опытные специалисты отсекают пути к отступлению неспортивному туристу, обещая маршрут, который подойдет туристам с небольшим опытом, а также несложные радиальные прогулки.

Второй рисунок — предложение тура выходного дня в Териберку. Само название тура (В поисках северного сияния) сразу демонстрирует штучность предложения. Действительно, что может сравниться с выходными, проведенными в самом сердце Кольского полуострова, где вас ждут экскурсии в снегоходных санях, катание на собачьих упряжках, знакомство с традициями и бытом саамов.

Приведенные выше примеры демонстрируют возможности креолизованного текста. Если бы информация о предлагаемых туристских услугах была изложена на бумаге, в виде буклета, например, буклет был бы больше похож на журнал, а эффективность попадания в целевую аудиторию был бы гораздо ниже. Рекламный образ создан при помощи необходимых изобразительных средств: графических (изображения звонницы, заснеженной тропы, собачьей упряжки и т.д.) и цветовых (яркие, но в то же время спокойные тона северной природы). Все это компоненты креолизации интернет-рекламы. Тон рекламного креолизованного текста в целом ненавязчивый, но убедительный. Просматривая сайт, потенциальный клиент не ощущает давления — его просто приглашают интересно провести время, приводя убедительные доводы, но позволяют принять решение самостоятельно.

В качестве заключения, отметим, что креолизованный текст действительно представляется сложным текстовым образованием,

в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на потенциального потребителя интернет-рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Ю. Г. Вербальные и иконические компоненты креолизованного текста в интракультурной и интеркультурной коммуникации (экспериментальное исследование) / Ю. Г. Алексеев: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2002. – 23 с.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : ACADEMIA, 2003. – 128 с.
3. Елина, Е.А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – Сайт – электронный. – URL : https://thelib.ru/books/evgeniya_elina/semiotika_reklamy-read.html (дата обращения : 07.11.2023).
4. Тельминов, Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста / Г. Н. Тельминов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2009. – Филология. Искусствоведение. – № 5. – С. 300–304.
5. Тюленева, Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе / Н.А. Тюленева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008 – 19 с.
6. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» (с изменениями и дополнениями) – Сайт – электронный. – URL : <https://base.garant.ru/403336467/> (дата обращения : 14.11.2023).
7. Сайт туристической библиотеки «Все о туризме» – Сайт – электронный. – URL : http://tourlib.net/books_tourism/shahovalov32.htm (дата обращения : 25.11.2023).
8. Фиськова, М. А. Зрительный компонент креолизованного текста. – Сайт – электронный. – URL : www.gramota.net/editions/2.html (дата обращения : 25.11.2023).

АННОТАЦИЯ

Решетарова И.В. Особенности отечественной туристской интернет-рекламы

В статье рассматриваются особенности креолизованного текста в интернет-рекламе туристских услуг и степень его воздействия на потенциального потребителя. Выделяется влияние

визуального компонента на дискурс туристской интернет-рекламы и его тесная взаимосвязь с вербальным компонентом.

Ключевые слова: туристская реклама, интернет-реклама, креолизованный текст.

SUMMARY

Reshetdrova I. V. Peculiarities of Domestic Tourism Online Advertisement

The article discusses the peculiarities of creolized text in online advertisement of tourism services and the degree of its impact on the potential consumer. The influence of the visual component on the discourse of tourism online advertisement and its close relationship with the verbal component is also highlighted.

Key words: tourism advertisement, online advertisement, creolized text.

*И. С. Святобаченко
(г. Горловка, РФ)*

УДК 80

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВНОМ ИМЕННОМ СКАЗУЕМОМ

Составное именное сказуемое является достаточно специфической конструкцией, объединяющей в себе единицы, семантика и структура которых связана с динамикой (глагол) и статикой (имя, в широком понимании в парадигме частей речи) одновременно. Не менее интересным является распределение функционально-семантической нагрузки между компонентами единиц этого типа. Так, коммуникативная значимость, в отличие от простого глагольного сказуемого, наиболее велика не у глагольной, а у именной составляющей этого вида сказуемых. Пребывание же имени собственного в позиции именного компонента составного сказуемого в разы увеличивает экспрессивность таких единиц.

Объектом нашего исследования являются речевые единицы, содержащие составное именное сказуемое, содержащее имя собственное; а также непосредственно сказуемое, именной компонент которого представлен именем собственным; предметом – функционально-семантическая нагрузка компонентов составного именного сказуемого с собственным именем существительным как в контексте целого предложения, так и в рамках отдельно взятого предиката этого типа. Цель

– установить особенности распределения функционально-семантической нагрузки в предложениях с составными именными сказуемыми, именной компонент которых выражен собственным именем существительным, в частности, на уровне этого сказуемого. Материалом исследования послужили публицистические и художественные тексты различных жанров и тематики, поскольку единицы с составным сказуемым, именной компонент которого представлен именем собственным, наиболее часто встречаются именно в этих функциональных стилях. Наше исследование оперирует терминами, относящимися к области грамматики, функциональной лингвистики и ономастики, что даёт возможность наиболее всеобъемлюще и объективно описать особенности функционально-семантической нагрузки исследуемых единиц.

В разное время вопросом структурного и морфологического отображения компонентов составного именного сказуемого занимались такие лингвисты, как В. Г. Адмони, Ф. И. Буслав, Н. С. Валгина, В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, П. А. Лекант, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, А. В. Филиппов, А. А. Шахматов и др.

Традиционно выделяется 3 типа глаголов-связок: отвлечённая (имеет исключительно грамматическое значение), полуотвлечённая (глаголы с ослабленным лексическим значением) и знаменательная (глагол полностью сохраняет своё значение) [2, с. 99-100]. По нашему мнению, в случае с составными сказуемыми, именной компонент которых выражен собственным именем существительным, правомерно говорить лишь о первых двух типах глаголов-связок, поскольку имена собственные обладают достаточно сильной коммуникативной и смысловой нагрузкой, вследствие чего функциональная, коммуникативная и грамматическая нагрузка глаголов-связок уменьшается пропорционально усилению этих компонентов в именной части исследуемого типа сказуемого.

Сказуемое как центрообразующий элемент предложения имеет определяющее значение в специфике отображения пресуппозиции высказывания. Так, именно сказуемостный компонент является коммуникативным ядром высказывания при его актуальном членении, а количество предикативных центров напрямую связано с пропозициональной структурой высказывания. И если в случае с простым и составным глагольным сказуемыми динамический аспект высказывания совпадает с динамичностью семантики деятельности главного грамматически и по значению составляющего таких единиц (глаголов), то при рассмотрении функционально-семантического аспекта составного именного

сказуемого обнаруживаем смещение фокуса коммуникативно-смысловой нагрузки этой единицы на бытийно-статичный характер описываемого, поскольку в смысловом ядре такого типа сказуемых находятся единицы номинативного характера, указывающие на предметность (в широком смысле этого слова) либо характеристики предмета. Тот факт, что эти единицы занимают неморфологизированную синтаксическую позицию, способствует их экспрессивному насыщению и эмфазе с коммуникативной точки зрения.

Особой выразительностью в этом плане обладают сказуемые с именным компонентом, выраженным именем собственным, поскольку, с одной стороны, такие существительные по своей природе обладают яркой идентифицирующей функцией. Механизм номинации в этих единицах достаточно специфичен, поскольку в них денотат и сигнификат выступают аналогами вследствие отсутствия понятийной обобщённости, которая могла бы условно разделить эти категории. Лексическое значение имён собственных также является достаточно специфическим, поскольку одновременно и даёт номинацию, и чётко детерминирует. С другой стороны, смысл имён собственных может изменяться, он не является столь однозначным, как их лексическое значение, и определяется дискурсом. Таким образом, в условиях определённого дискурса имена собственные могут утрачивать свою однозначность, при этом становясь экспрессивными единицами и выполняя ярко выраженные стилистические функции.

Если использовать термины ономастики (которая более пристальное внимание уделяет именно теории номинации, в частности, особенностям порождения и функционирования имён собственных), можем говорить о том, что онимы (имена собственные), попадая в текст, определённый специфический дискурс (художественный, публицистический и т.д.), становятся коннотатонимами, совмещая в себе и изначальные характеристики, и те, которые возникли вследствие взаимодействия с контекстом, обретая фигуративность и оценочность, выраженную в большей или меньшей степени – в зависимости от типа дискурса. К примеру, художественный дискурс наделяет онимный компонент таких составных именных сказуемых высокой степенью метафоричности, поскольку зачастую такие единицы входят в состав стилистических фигур; в то время как именные сказуемые с онимным компонентом в публицистике характеризуются большей степенью концептуальности и обращению к прецедентным феноменам, представляя таким образом «свёрнутую» метафору, менее экспрессивную, но более нагруженную информативно.

Независимо от типа дискурса в сказуемых с именным онимным компонентом сохраняется тенденция, наблюдаемая и в других видах составных именных сказуемых: вспомогательный глагол в таком сказуемом полностью либо частично утрачивает свои функционально-семантические характеристики и служит для «введения» именного компонента в состав высказывания, установления формально-грамматической (эксплицитной или имплицитной) связи между подлежащим и сказуемым, а также для выражения модально-темпорального плана высказывания. Таким образом, именной компонент становится смысловым ядром как составного именного предиката, так и всего предложения. Если же рассматривать данное явление с позиции функциональной перспективы высказывания (теории Я. Фирбаса о трёхкомпонентном коммуникативном членении высказывания, при котором топик – основа построения высказывания, известное; коммент – переходный элемент от известной информации к сообщаемой; а фокус – коммуникативное ядро высказывания, новое), то вспомогательный компонент именного сказуемого (глагол, полностью частично утративший семантику) будет комментарием, а номинативная часть этого сказуемого – фокусом, коммуникативным центром высказывания.

Следует отметить, что составные сказуемые с именем собственным (онимами) в именной части достаточно активно используются в текстах различных жанров, направлений и тематики в художественном и публицистическом стилях.

Так, в исследованных нами примерах встречаются такие случаи функционирования сказуемых с онимным именным компонентом: у А. С. Пушкина: В тот же день стал княжить он / И нарёкся: князь Гвидон («Сказка о царе Салтане»). С одной стороны, в данном примере нет ярко выраженной экспрессивности онимного компонента сказуемого нарёкся: князь Гвидон, исключительно констатация; с другой – именно с помощью онимного компонента вводится в текст герой произведения, создаётся информационный фон для дальнейшего развития сюжета. Повышению экспрессивности этого сказуемого в рассматриваемом предложении способствует употребление книжного возвышенного нарёкся в сочетании с указанием классово-социального статуса князь. Интересным также является пунктуационное оформление этой единицы: глагол нарёкся не является комплетивным, однако компонент, дополняющий его, отделяется двоеточием, тем самым создаётся приём парцелляции, также способствующий усилению экспрессивности высказывания. Однако следует отметить, что случаи, когда вспомогательный глагол в составе именного сказуемого берёт на

себя ещё и роль интенсификатора экспрессивности, достаточно редки.

Часто онимный компонент составного именного сказуемого ориентирован на определённые фоновые знания читателя или слушателя. Так, в строках: *Он родом, говорят, из Краснодона* (Н. Макеева «На блокпостах») онимный компонент сказуемого (являющийся в то же время компонентом устойчивого словосочетания) не только указывает на место рождения героя, но и даёт ему характеристику, поскольку известно, что Краснодон – город, в котором действовала «Молодая гвардия», так же героически боровшаяся с фашистским нашествием в годы Великой Отечественной войны, как сегодня этот смелый молодой человек, о котором идёт речь в стихотворении.

Аналогичную по семантико-грамматической структуре, но отличную в смысловом и функционально-стилистическом плане единицу находим в стихотворении «Господня причуда» Ю. Беридзе: *Мы с Волги, Енисея, Камы, Дона, / Амура, Ангары, Десны, Урала...* В этих строках также представлено сказуемое с именным компонентом-именем собственным (гидронимами), однако смыслообразующим в этом случае является не компонент героической истории, связанной с этими именами, а географическое расположение называемых объектов – по всей территории России. Тем самым автор указывает на всеобъемлющий героизм воинов Русской земли, вся страна встала в едином строю. Кроме того, названия рек в этом случае входят в состав метонимических образований, основанных на смежности территории, связанной с названиями рек, и выходцами с этой территории.

Ещё одним случаем включения онима-компонента сказуемого является пример, когда название страны обозначает не только территорию, но и культурный, исторический и духовный аспект народа: *Перестало быть Хрящеватое / После этого Украиной!* (Марк Некрасовский «Жизнь прицельным огнём распятая...»). В этом примере также происходит метонимический сдвиг значения компонента-имени собственного: Украина не территориальное и политическое образование, а некая духовно-социальная субстанция, к которой жители Хрящеватого (и здесь тоже метонимический перенос) больше себя не относят.

Часто поэтонимный компонент сказуемого (поэтонимы – имена собственные, онимы, встречающиеся в художественных произведениях) отображает не только прецедентные феномены, но и стереотипы определённого народа, его маркеры идентичности: *Упорствует кусточек: / «За мной не пропадёшь!» / Боец ему – сыночек / не первый из алёш, / не первый из иванов, / не первый из*

данил... (Лаура Цагалова «Ватник»). В рассматриваемом примере антономасия строится на распространённости названных имён в русской культуре, с целью показать не исключительность, а повсеместность случаев героизма и отваги, цикличность истории, когда русские парни отстаивают свою землю, а природа помогает им (в частности, упоминания о помощи сил природы русским воинам встречаем в русских сказках и былинах, в «Слове о полку Игореве» и т.д.).

Кроме рассмотренных случаев, онимный компонент именного сказуемого часто содержит аллюзии на то, что знакомо носителям культуры, представляя будто свёрнутое описание, заключённое в одном экспрессивном образе-ониме: И ты, балагур, напоследок все нервы в себе задрай. / Какой-никакой, а Тёркин (по линии родовой) (Лаура Цагалова «Неуставное»). Имя Василия Тёркина является знаковым для русской культуры и литературы. Поэтесса, обращаясь к этой фамилии, с помощью всего одного онима создаёт характеристику лирического героя. А позиция именного компонента сказуемого в этом случае усиливает коммуникативную нагрузку данной единицы. По нашему мнению, в приведённом примере имя собственное является компонентом составного именного сказуемого неполного предложения, в котором эллипсировано подлежащее (его можем восстановить, опираясь на предыдущее предложение: ты), и если реконструировать полную структуру основы предложения (Ты *есть Тёркин), увидим достаточно интересную структуру построения этого метафорического образа: тот, кто называется (ты), уже наделяется некой характеристикой (балагур), в то же время прямое и переносное значения объединяются в компоненте Тёркин. С одной стороны, автор указывает на объективную принадлежность героя своего произведения к роду Тёркина (... по линии родовой...); с другой – явная реминисценция образа Василия Тёркина из произведения А. Твардовского создаёт целый комплекс характеристик парня, к которому обращается поэтесса.

Употребление онимного компонента в составе именного сказуемого свойственно не только художественному, но и публицистическому стилю. Очевидно, это объясняется главной задачей данного стиля – формирование общественной точки зрения – ведь обращение к уже известному, знакомому читателю / слушателю факту, событию, лицу способствует активизации понимания и восприятия реципиентом того, что сообщается. Интересно, что одни и те же онимы, представляющие определённые элементы культурного кода народа, могут обращаться к различным аспектам-семам используемых единиц. Сравним: Он не лез ни в Кутузовы ни в Наполеоны («Сладков+»),

31.08.2019) – в рассматриваемой единице использованы всем известные антропонимы, которые введены в состав фразеологической единицы. Однако за счёт языковой игры, во-первых, повышается экспрессивность и фигуративность данных номинатов, а во-вторых, по-другому обыгрывается коннотация, поскольку здесь нет противопоставления герой – антигерой, ведь Наполеон и Кутузов в этом случае ставятся в один ряд, а доминирующей становится сема «выдающийся, известный полководец», и именно в этом контексте рассматривается личность Александра Захарченко, которому и посвящена запись в блоге.

В другом случае также используется антропоним Наполеон: Черчилль возомнил себя Наполеоном (М. Федотов, «Элементы победы», 17.05.2020), однако в этом примере автор обращается к стратегии Наполеона, при которой он планировал покорить Российскую империю (Черчилль – Советский Союз).

Интересно то, что в обоих примерах предложение с онимным компонентом в составе именного сказуемого либо является первым в структуре беззаглавного текста (у А. Сладкова), либо входит в состав заголовка, что наделяет их особой функциональной, коммуникативной и семантической нагрузкой. Вспомогательные глаголы в этих случаях также являются коннотативами: лез – глагол в этом значении является просторечным, принадлежит к сниженной лексике, что придаёт называемому явлению негативный оттенок, а то, что герой статьи не выполнял данного действия, служит созданию положительного образа; возомнил – глагол с негативной коннотацией, с определённой долей ироничности, влияющий на формирование общего восприятия образа того, о ком идёт речь.

Таким образом, составные сказуемые с компонентом-именем собственным чаще всего употребляются для экспрессивизации высказывания, создания образа, основанного на ассоциациях и прецедентных феноменах, свойственных определённой культуре. Наименьшей экспрессивностью характеризуются единицы, онимный компонент которых выполняет лишь номинативную функцию, наибольшей – такие именные сказуемые, в которых вспомогательный компонент-глагол, характеризуясь частично утраченной предикативной семантикой, приобретает дополнительные коннотативные оттенки и вместе с онимным компонентом образует яркую фигуративную единицу. При этом семантика имени собственного, находящегося в позиции предиката, расширяется, таким образом нередко создавая метонимические и метафорические сдвиги в значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринаева М. Ю. Грамматизация семантики компонентов составного именного сказуемого : автореф. дис...канд. филол. н. / М. Ю. Баринаева. – М., 2011. – 21 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : Учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
3. Некрасова М. И. Семантика составного именного сказуемого с позиционными связками (сопоставительный аспект) / М. И. Некрасова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – С. 84–108.
4. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 204 с.

АННОТАЦИЯ

Святобаченко И. С. Функционально-семантическая нагрузка имён собственных в составном именном сказуемом

В статье исследуются особенности реализации функционально-коммуникативной нагрузки в рамках как предложений с составными сказуемыми, именной компонент которых представлен именами собственными (онимами), в целом, так и непосредственно в пределах составного именного сказуемого. Кроме того, внимание уделено специфике семантики имени собственного как элемента составного именного сказуемого. В исследовании объединены грамматический, функциональный и ономастический подходы.

Ключевые слова: составное именное сказуемое, имя собственное, оним.

SUMMARY

Svyatobachenko I. S. The LPersonal Nouns within Compound Nominative Predicates

In the article it is studied the peculiarities of functional-communicative structure realization within sentences with compound predicates the nominative component of which is represented by personal nouns (onyms) in general, as well as within compound nominative predicates. Besides, the attention is paid to the specificity personal nouns semantics as the elements of compound nominative predicates. Grammatical, functional and onomastic approaches are combined in the research.

Key words: compound nominative predicate, personal noun, onym.

И. В. Степанова
(г. Челябинск, РФ)

УДК 811.111-26

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
В СКАЗКЕ У. ТЕККЕРЕЯ «КОЛЬЦО И РОЗА»**

Имя собственное как особый языковой знак, обладающий функциональным и структурно-семасиологическим своеобразием, выступает объектом изучения ономастики. Под онимом в современных ономастических исследованиях понимается слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации [4, с. 7]. Одним из направлений ономастических исследований является литературная ономастика, которая занимается выявлением особенностей имен собственных в художественных произведениях, изучает принципы их создания и функционирования в тексте, специфику восприятия онимов читателем, а также отражение в них мировоззрения и эстетических установок автора [4, с. 9].

Особым классом имен собственных в литературном произведении являются так называемые «говорящие» имена, представляющие собой один из типов антономазии – стилистического приема, основанного на взаимодействии двух значений слова (денотативного и номинативного), и подразумевающие использование имен нарицательных в номинативном значении, т.е. в функции имен собственных. Имя героя литературного произведения вариативно обозначается в лингвистических исследованиях такими терминами, как значимое имя собственное [3], характоним, литературный антропоним, фиктоним [4, с. 95]. Антропонимы в художественном произведении выполняют различные стилистические функции, участвуют в создании образа, а также отражают социальные взгляды и эстетическую позицию автора [5, с. 4].

Языковым материалом для практического анализа в рамках настоящей статьи послужили имена собственные, выделенные в тексте литературной сказки У.М. Теккерея «Кольцо и роза» (1854), созданной автором во время путешествия с семьей по Италии. Сказка родилась на основе домашнего спектакля, придуманного и разыгранного с помощью бумажных кукол для детей на Рождество [6, с. 133], что объединяет данное литературное произведение с традиционными пантомимами-экстраваганцами, которые ставились в лондонских театрах в рождественские праздники [1, с. 263].

Исследователи относят бурлескную, стилистически знаковую сказку У. Теккерея к началу «золотого века» английской детской литературы, как традиционно называют период с середины XIX в. до 1920-х гг. XX в. [2, с. 5], и выделяют такие ее характеристики, как наличие элементов социальной критики; психологизм, включающий рассуждения о человеческой натуре в целом; балаганный характер юмора, свойственный традициям рождественской пантомимы; отчетливо выраженное игровое начало; акцент на образовательной функции; богатые литературно-исторические коннотации [2, с. 16–17].

Анализируя литературный ономастикон, исследователи отмечают, что в произведениях сатирической направленности, к которым можно отнести сказку У. Теккерея, конституирующий параметр системы имен заключается в наличии обнаженной семантической основы имени собственного, опирающейся на контекстуальную характеристику персонажа [5, с. 21]. Таким образом, значимые имена собственные, содержащие в своей основе нарицательные компоненты и описывающие тот или иной признак персонажа, выполняют функцию художественно-эстетического воздействия, выражают национальный и социально-исторический колорит, передают авторский замысел [3].

Рассмотрим используемые в тексте литературной сказки У. Теккерея значимые имена собственные.

Одним из центральных персонажей сказки является *King Valorouso* (король Храбус (здесь и далее – перевод Р. Померанцевой)), значимое имя которого образовано от итал. *valorouso* (ср. англ. *valorous*), что означает «доблестный, мужественный, героический, храбрый». Частотное упоминание короля Пафлагонии в тексте представлено обширным синонимическим рядом ономастических номинаций, образованных по структурной формуле «имя собственное, выраженное субстантивированным прилагательным, заимствованным из итальянского языка + определенный артикль + оценочное прилагательное с положительной коннотацией»: *Valorouso the Magnanimous* (Храбус Великодушный), *Valorouso the Victorious* (Храбус Непобедимый), *Valorouso the Great* (Храбус Великий), а также некоторых других номинаций, подчеркивающих его социальный статус: *King of Paflagonia*, *King Valorouso XXIV* (словообразовательная модель с уточняющим порядковым числительным используется в сказке в текстах приказов). Подобная вариативность репрезентации имени призвана подчеркнуть соответствие онима контекстуальной характеристике персонажа, любящего лесть, известного своим тщеславием, гордыней, самолюбованием,

гневным нравом, любовью к роскоши. Ироничный эффект данного характеризующего имени усиливается в результате осознания читателем полного несоответствия семантического значения имени реальному положению вещей в Пафлагонии, где Храбус является всего лишь регентом (*Regent of the Kingdom*), временным правителем государства, незаконно захватившим власть после смерти своего брата короля Сейвио (*King Savio*). При упоминании супруги Храбуса в тексте сказки автор также подчеркивает ее королевский статус и семейное положение: *Queen Valoroso; Mrs. V* (сокращение до первой буквы в фамилии возможно в интимном и дружеском общении [1, с. 265]).

Имя собственное *Angelica* (от англ. *angel* – ангел) принадлежит дочери короля Храбуса, принцессе Анжелике (*Princess Angelica, daughter of King Valoroso*), которая в начале сказочного повествования производит впечатление красивой, привлекательной, умной и умелой девочки. Однако, далее в тексте читателю становится очевидным ироничное использование автором данного антропонима, поскольку характеристики принцессы, раскрывающиеся в контексте сказки, обнаруживают полное противоречие с узуальным значением исходной лексемы: принцесса ленива (*as idle as possible*), дурно воспитана (*in her foolish ungrateful way*), не обладает никакими знаниями по изучаемым предметам и наукам (история, иностранные языки), не имеет никаких настоящих достижений (в вышивке, рисовании, музицировании), не владеет элементарными практическими навыками. Как выясняется по ходу сюжета, поверхностное соответствие персонажа имени обусловлено лишь тем, что на руке у нее имеется волшебное кольцо, пробуждающее у всех окружающих самые теплые чувства по отношению к его обладателю.

Служанка принцессы Анжелики носит имя *Betsinda* (Бетсинда, вероятно, от англ. *Betsy* – сокращенное имя собственное от полного женского имени *Elizabeth*). Имя собственное данного персонажа используется в тексте сказки наряду с другими характеризующими номинациями: *beggar-baby, little dirty girl, Angelica's maid*, которые раскрывают читателю важные детали появления этой девочки в Пафлагонии (см. гл. V) и содержат указание на ее подчиненное положение. Биографические подробности из прошлой жизни Бетсинды (смерть матери, убийство отца, уход из дома, скитание по лесной чаще с дикими животными) позволяют предположить некоторое сходство с жизнеописанием английской королевы Елизаветы I (годы правления – 1558-1603), которая в малолетнем возрасте, после казни матери Анны Болейн, была объявлена незаконнорожденной, лишена прав на престол и удалена от

двора. В пользу этого предположения свидетельствует и реплика героини в разговоре с феей, в которой она сравнивает свою судьбу с жизнью королеввы Елизаветы: *I will live and die unmarried like Queen Elizabeth*.

Эпоху правления Елизаветы I называют золотым веком Англии: в этот период страна стала ведущей мировой державой, сформировалась система абсолютной монархии. Как выясняется далее в тексте сказки (см. гл. XII), оставшаяся без присмотра и потерявшаяся в лесу девочка и есть настоящая наследница королевства Понтии – *Princess Rosalba* (принцесса Розальба), имя которой образовано словосложением (от англ. *rose* – роза и лат. *alba* – белый). После изгнания из Пафлагонии и многочисленных испытаний и превратностей судьбы Бетсинда-Розальба оказывается в Понтии, где вскоре становится законной наследницей престола, хорошо разбирающейся в принципах управления государством.

Общесекультурные коннотации флоронима *rose* (роза) подчеркивают неподдельную чистоту, искренность и очарование обладательницы этого имени, Понтийской принцессы. Вместе с тем, отметим и наличие исторических ассоциаций, связанных с розой как национальным цветком Англии, символом мира по окончании гражданской войны (1455-1485) за английский престол между двумя ветвями правящей династии Плантагенетов – королевским домом Ланкастера (эмблемой которого была красная роза) и королевским домом Йорка (эмблемой которого была белая роза). «Цветочная тема» закреплена и в имени отца Розальбы *Cavolfiore, King of Crim Tartary* (король Понтии Кавальфор). Литературный антропоним создан в результате онимизации нарицательного существительного *cavolfiore* (итал. цветная капуста), образованного стяжением лексем *cavolo* (капуста) и *fiole* (цветок).

Племянником незаконного короля Храбуса в сказке является *Prince Giglio* (принц Перекориль), сын умершего короля Сейвио, наследный принц Пафлагонии, лишенный трона. Данное имя собственное, вероятно, образовано в результате онимизации флоронима *giglio* (итал. лилия). Традиционно лилия обозначает благородство и чистоту, в геральдике выступает символом монаршей власти, таким образом, семантика онима соотносится с сюжетом сказки и закрепляет в контексте статус принца как законного наследника престола в королевстве Пафлагонии. По сюжету принц вынужден бежать из королевского дворца Храбуса и скрываться в другом месте, некоторое время оставаясь незамеченным. Сюжетный ход отражается на имени персонажа, которое трансформируется, редуцируясь до *Mr Giles* (Мистер Кориль).

Одним из ключевых персонажей, выполняющих сюжетообразующую функцию, выступает фея *Fairy Blackstick* (Черная Палочка), имя которой создано путем онимизации и словосложения двух лексем английского языка: *black* (черный) и *stick* (палка, трость). Номинация метонимически соотносится с персонажем, поскольку у феи всегда при себе имеется волшебная палочка – длинный жезл из черного (эбенового) дерева.

Важную роль в сказке играет женский персонаж с именем *Countess Gruffanuff* (графиня Спускунет), которое образовано в результате словосложения двух лексических единиц: *gruff* (англ. грубоватый, сердитый) и *enough* (англ. достаточно). Антропоним, реализующийся на письме как омонимичный графон, выполняет яркую характеризующую функцию описания тщеславной, грубой придворной дамы, гувернантки принцессы Анжелики. Синонимичный ряд вариативных ономастических номинаций персонажа достаточно обширен: *Countess*; *Mrs Gruffanuff*; *Madam Gruffanuff*; *The Lady of Honour*. Все обозначения формально призваны подчеркнуть ее высокий социальный статус в королевстве Пафлагонии, однако, автор применяет данные онимы с иронической функцией, поскольку их семантика контрастирует с объективной реальностью: изначально графиня не имела благородного происхождения, но приобрела свой титул путем вымогательства. Помимо полных форм имени собственного, в тексте произведения применяются и редуцированные формы данного онима, образованные усечением второй основы и добавлением диминутивного суффикса: *Gruff*; *Gruffy*; *you charming Gruffy*; *dear Gruffy*. Все эти номинации передают фамильярность и создают еще больший ироничный эффект, так как используются в речи принца Перекорилия в тот момент, когда на руке графини имеется волшебное кольцо.

Имя премьер-министра короля Храбуса *Glumboso* (Развороль) образовано стяжением двух основ: *gloomy* (англ. угрюмый, хмурый, мрачный) и *boss* (англ. хозяин). В тексте сказки используется также редуцированный вариант онима *Glum* (Вори). Отметим, что характеризующая функция онима наиболее точно передается в переводе на русский язык с помощью контекстуально обусловленного эквивалента (Развороль, Вори, от гл. воровать): по сюжету сказки именно у премьер-министра хранятся незаконно захваченные Храбусом драгоценности короля Сейвио, а в тексте сказки находим следующую его характеристику: *the artful Prime Minister* (хитрый, ловкий, коварный).

Королем другой сказочной страны, Понтии, является *King Padella* (Король Заграбастал, от итал. *padella* – сковородка, кастрюля), который фигурирует в контексте сказки

как *King Padella the First; His Majesty the King of Crim Tartary*. Несмотря на обилие подтверждающих статус ономастических номинаций, на самом деле король Заграбастал является всего лишь герцогом – *Duke Padella*, который восстал против короля Понтия, разгромил его и захватил власть незаконным путем. Именно эта релевантная характеристика сохранена при переводе данного литературного антропонима на русский язык. Имя собственное сына короля Заграбастала *Prince Bulbo* (принц Обалду, от англ. *bulb* – луковица) вариативно представлено в тексте сказки полными титулами, указывающими на статус персонажа, выраженными синонимичными морфосинтаксическими конструкциями: *His Royal Highness the Prince of Crim Tartary; the Prince of Crimea; the Crimean Prince*.

Необходимо отметить, что значимые имена собственные основных героев литературной сказки У. Теккерея представлены структурным многообразием номинаций, что обусловлено частотностью упоминания этих персонажей в тексте сказки и призвано подчеркнуть их ключевую роль в развитии сюжета.

Помимо говорящих имен собственных центральных персонажей книги, особый сказочный мир создается и в результате использования онимов из двух других больших групп: 1) топонимические наименования, раскрывающие специфику тех или иных событий, и 2) значимые имена собственные второстепенных героев.

Основными топонимическим номинациями в сказке выступают названия двух королевств: *Paflagonia* (Пафлагония) со столицей *Blombodinga* (Бломбодинга) и *Crim Tartary* (Понтия). Оба топонима обладают историко-географическими коннотациями: Пафлагония упоминается у Геродота как область, входившая в древнейшее время в состав каппадокийского царства [1, с. 265]; название второго королевства представляет собой транслитерацию латинскими буквами русскоязычного этнонима и содержит отсылку к одной из русско-турецких войн – Крымской войне (1853-1856 гг.), события которой разворачивались на момент написания книги. Прототипом к созданию в переводе топонима Понтия, вероятно, послужили реально существующие географические наименования: римские провинции Вифиния и Понт, а также Понтийские горы, расположенные на территории современной Турции.

В книге упоминаются другие сказочные государства и территории, номинации которых образованы преимущественно суффиксальным способом – путем добавления форманта *-ia (-io)* к семантической основе, например, *Circassia* (Керсия, от топонима *Circassia* – Черкесия, территория, расположенная в

предгорьях Северного Кавказа; в названии также содержится отсылка к русско-турецким войнам), *Ograria* (Дылдия, от англ. *ogre* – великан-людоед, чудовище), *Acroceraunia* (Необозримия, от англ. *acre* – акр; поместье; земли; огромное количество), *Poluphloisboio* (Дремурия).

Название города *Bosforo* (Босфор), в котором на протяжении одного года после бегства из Пафлагонии жил и учился принц Перекориль, паронимично всемирно известному топониму – наименованию университетского города Оксфорда, что становится очевидным благодаря уточняющим деталям в тексте произведения: *celebrated university town; University of Bosforo*. Вместе с тем, *Bosforo* предположительно имеет исторические коннотации, указывающие на Босфорский пролив, битва за который продолжалась во время русско-турецких войн в XIX веке.

Несколько топонимов связаны с указанием местоположения важных битв и сражений: *terrific battle of Blunderbusco* (битва при Бабахе, от англ. *blunder* – грубая ошибка, промах), где король Кавальфор был убит королем Заграбасталом; *the battle of Bombardaro* (битва при Бомбардоне, от англ. *bombard* – (воен. ист.) бомбарда, тип пушки), во время которой принц Обалду проявил свою трусость. При словообразовании данных номинаций широко применяется аллитеративный повтор смычно-взрывного согласного звука *b* и ониматопэтическая лексика, передающие в совокупности звуки боя.

Имена собственные второстепенных героев, упоминаемых автором в контексте произведения, выполняют стилистическую функцию описания и детализации бытовой жизни королевского двора. Особую группу составляют имена собственные, в основе которых лежат номинации продуктов питания. Отметим, что онимизация нарицательных существительных (преимущественно названий овощей), доступных для восприятия ребенка, известных ему из опыта взаимодействия с окружающим миром, вполне соотносится со спецификой детской языковой картины мира в целом и спецификой целевой аудитории сказки в частности. К этой группе имен относятся взаимосемантизирующие имена [3, с. 16], влияющие друг на друга в ближайшем контексте, например, при перечислении знатных семейств королевства Понтии: *Lord Spinachi* (лорд Шпинат), *the House of Broccoli* (семейство де Спаржи, ср. англ. *broccoli* – брокколи), *the Articiocchi* (Артишоки), *the family of Sauerkraut* (род Кислокапустниц, от нем. квашеная капуста), а также наименования различных королевских регалий, титулов и наград: *the Order of the Pumpkin* (Орден Тыквы, в Понтии), *the Order of the Cucumber* (Орден Огурца, в Пафлагонии).

Часть литературных антропонимов составляют имена персонажей, имеющих статус военного, что способствует созданию эффекта реалистичности происходящих событий, включая описания военных действий: *Prince Punchikoff* (принц Помордаси, от англ. *to punch* – бить, наносить удар кулаком); *the General of Tartary, the dreadful Grumbuskin* (понтийский полководец, грозный Пузырьюс); *Count Hogginarmo* (граф Окаян Удалой, омоним от англ. *hog in armour* – 1) броненосец (животное); 2) деревенщина в городской одежде); *Tuffskin Hedzoff, Captain of the Guard* (гвардии капитан Атаккуй, омоним от англ. *tough skin* – жесткая, крепкая кожа, *heads off* – головы с плеч).

С целью создания реалистичности вымышленного мира в сказочной стране автор использует значимые имена для обозначения представителей самых различных профессий и занятий из числа королевской obsługi. Так, имя собственное французского повара короля Храбуса *Marmitonio* (Акулинер) образовано суффиксальным способом от имени существительного *marmitta* (итал. котелок, чугунок) и метонимически связано с профессиональной деятельностью персонажа. Значимое имя лечащего врача принца Перекориля *Doctor Pildrafto, the Court Physician* (доктор Плати-Глотай, королевский лекарь) образовано словосложением двух основ: *pill* (англ. пилюля, таблетка) и *draft* (англ. фин. чек), что подчеркивает иронию автора относительно стандартов оказания медицинской помощи. Имя собственное *Sir Tomaso Lorenzo, the Court Painter* принадлежит придворному живописцу, обучавшему рисованию принцессе Анжелику и имеет паронимичное сходство с именем английского художника Томаса Лоуренса (1769-1830) [1, с. 267].

Имя первого королевского флигель-адъютанта *Count Gambabella* (граф Шаркунбель) образовано суффиксальным способом от итальянского существительного *gamba* (нога), семантика которого метонимически сохранена при переводе (возможный шаркающий звук при походке). В английском языке имеется заимствованная лексическая единица *gambade / gambado* со значением «неожиданная выходка, прыжок», что также находит отражение в тексте сказки, по сюжету которой граф появляется очень неожиданно в самый разгар ссоры между Анжеликой и Перекорилем, что в итоге позволило погасить конфликт между ними. Имя собственное лорда-камергера, сопровождавшего принца Обалду в его поездке в Пафлагонию, *Baron Sleibootz* (барон Фокус-Покус, от англ. *slyboots* – плут, хитрец, проныра) образовано путем намеренного искажения орфографии исходного слова при сохранении полного омонимичного сходства. Имя лорд-канцлера Пафлагонии *Squaretoso* (Пропедантус, от англ.

square-toes – формалист, педант) основано на паронимичном звучании английского существительного *toes* (пальцы ног) и продуктивного суффикса итальянского языка *-oso*. На башмачках Бетсинды было обнаружено имя собственное поставщика двора *Hopkins, maker to the Royal family* (Хопкинс, от англ. *hop* – прыгать, скакать), имеющее метонимическую мотивацию для обозначения изготовителя обуви.

Как можно наблюдать, использование говорящих имен собственных позволяет автору выпукло охарактеризовать даже эпизодических, проходных персонажей, появляющихся в произведении лишь раз [5, с. 21], бегло упоминаемых в контексте.

Проведенный лингвистический анализ структуры и семантики имен собственных на материале сказки У. Теккерея «*The Rose and the Ring*» позволил установить, что характеризующие имена собственные созданы на основе продуктивных словообразовательных моделей английского и итальянского языков, являются контекстуально обусловленными, раскрывают специфику личностных характеристик сказочных персонажей, делая более выраженными как традиционно одобряемые, так и традиционно неодобряемые качества личности человека в лингвокультурном сообществе. По ходу развития сюжета имена собственные могут быть структурно изменены и иронически переосмыслены. В целом, значимые имена собственные в авторской литературной сказке оказывают художественно-эстетическое воздействие на читателя / слушателя, соотносятся с особенностями онтогенеза детской речи, выполняют функцию создания особого сказочного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гениева Е.Ю. Комментарии / Е.Ю. Гениева // Теккерей У.М. Кольцо и роза: Повесть-сказка. – На англ. и рус. яз. / Пер. с англ. Р. Померанцевой. – М. : Издательство «Радуга», 2003. – С. 263–271.
2. Дунаевская Е.С. Волшебная сказка «золотого века» английской детской литературы: генезис и жанрово-стилистические вариации / Е.С. Дунаевская: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 26 с.
3. Калашников А.Д. Перевод значимых имен собственных / А.Д. Калашников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 24 с.
4. Мезенко А.М. Теория имени собственного : учебное пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.

5. Полякова Н.А. Топология поэтической ономастики (на материале английской литературы) / Н.А. Полякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 26 с.
6. Теккерей У.М. Кольцо и роза: Повесть-сказка / У.М. Теккерей. – На англ. и рус. яз. / Пер. с англ. Р. Померанцевой. – М.: Издательство «Радуга», 2003. – 272 с.

АННОТАЦИЯ

Степанова И.В. Структурно-семантические характеристики имени собственного в сказке У. Теккерей «Кольцо и роза»

В статье изучаются имена собственные в литературной сказке У. Теккерей «The Rose and the Ring», описываются особенности их словообразования, выявляются семасиологические характеристики, указываются функции, выполняемые именами собственными в контексте сказки.

Ключевые слова: имя собственное, литературный антропоним, топоним, литературная сказка.

SUMMARY

Stepanova I.V. Structural and Semantic Characteristics of Proper Names in W.M. Thackeray's Tale «The Rose and the Ring»

The present article focuses on the proper names of literary characters of W.M. Thackeray's satirical fairy tale «The Rose and the Ring». The typical word-building patterns are discussed, the semantic essence of the proper names is revealed, the functions performed by the names in the context of the fairy tale plot are stated.

Key words: proper name, literary anthroponym, toponymic name, literary fairy tale.

*Е. В. Минина
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'373.7

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

Лингвокультурология представляет собой науку, изучающую взаимосвязь языка и культуры, а также их влияние друг на друга. Одним из интересных объектов исследования в рамках лингвокультурологии являются имена собственные, которые часто встречаются в составе фразеологических единиц. Фразеологические единицы с именами собственными в

английском языке представляют собой выражения, в которых используются имена конкретных людей, мест или событий для передачи определенного значения или идеи. Эти выражения могут быть связаны с историческими событиями, литературой, политикой, спортом и другими аспектами культуры народа, к которому относятся имена собственные. Они могут быть также связаны с историей, мифологией, религией, обычаями и традициями данного народа. Таким образом, включение имен собственных в фразеологические единицы позволяет не только передать определенное значение или выразить какую-то мысль, но и раскрыть более широкий контекст культуры и языка.

Исследование лингвокультурологических аспектов имен собственных в фразеологии является актуальной задачей для современной лингвистики и позволяет лучше понять связь между языком и культурой. Как отмечает Лысенкова В.Н., при изучении иностранного языка нередко возникают трудности, связанные с пониманием значения фразеологических единиц. Сложность интерпретации заключается во внутренней форме фразеологического оборота, которая является наглядно-чувственным образом обозначаемого предмета, содержащим культурно-значимую информацию в скрытом смысле. Для понимания образной основы фразеологизма важно знание этнологических реалий, ценностных установок менталитета, свойственных той или иной культуре, поэтому целесообразно обращаться к лингвокультурологическому анализу фразеологизма [4, с. 203]. Целью данной статьи является установление связи фразеологических единиц английского языка, содержащих имена собственные, с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на этом языке.

Фразеологизмы в английском языке делятся на исконно английские и заимствованные. Исконно английские фразеологические единицы связаны с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами, в то время как заимствованные фразеологизмы связаны в основном с античной мифологией, историей и литературой.

Одним из самых первых литературных произведений в мировой литературе является Библия, которая была переведена на множество языков, и не удивительно, что получили распространение фразеологизмы, источником которых явились Евангелие и Библия [1, с. 237]. Следует отметить, что в библейских фразеологических единицах с именами собственными компоненты-имена собственные являются именами героев библейских сюжетов и интернациональны во

многих языках, хотя иногда при передаче фразеологизма на другой язык имя собственное может опускаться. Например, в составе фразеологизма *Adam's apple* (Адамово яблоко) присутствует имя собственное Адам – имя первого человека на земле, и не многие знают, что этот фразеологизм имеет значение «кадык/передне-верхняя часть щитовидного хряща, выступающая на передней поверхности шеи, в большей степени у мужчин». Или фразеологизм *judgement of Solomon* (Соломоново решение/суд Соломона) содержит имя библейского героя Соломона, знаменитого израильского царя, который во сне увидел Бога и попросил его о разуме, чтобы уметь судить и управлять, за что Бог наградил его не только разумом, но и богатством и славой. Соответственно с тех пор данный фразеологизм трактуется как «мудрое/справедливое решение». Другой пример – *a doubting Thomas* (Фома неверующий) включает имя Фома, имя одного из двенадцати апостолов Христа, который не смог поверить в Воскресение Христово до тех пор, пока своими глазами не увидел Христа воскресшим и превратился из Фомы неверующего в верующего. Данный фразеологизм часто используется для именования человека, которого сложно в чем-либо убедить.

Фразеологические единицы, заимствованные из литературы Древней Греции и Древнего Рима, наделены необыкновенной красочностью и экспрессивностью, чем и объясняется их распространенность не только в английском, но и других языках мира [2, с. 74]. Бесспорно, одним из самых важных источников большого количества заимствованных фразеологизмов, содержащих имена собственные, стала античная история и мифология, поэтому представляется целесообразным остановиться на изучении таких фразеологических единиц более подробно. Компонентами-именами собственными таких фразеологизмов, как правило, являются топонимы и имена мифологических героев или богов. Например, фразеологическая единица *to cross the Rubicon* (*перейти Рубикон*) с компонентом-именем собственным происходит от события в истории Древнего Рима, когда Юлий Цезарь решил перейти реку Рубикон, что было прямым нарушением закона. С тех пор это выражение используется для описания принятия неразумного или рискованного решения, от которого нельзя отказаться. Еще одним примером является выражение *to have a Midas touch* (*иметь касание Мидаса*), которое отсылает к древнегреческому мифу о царе Мидасе, который мог превращать все, что касалось его, в золото. В современном контексте это выражение означает, что человеку удастся добиваться успеха во всем, что он делает. Другой фразеологизм *Herculean labour* (Геркулесов труд) –

выражение, которое относится к задаче или вызову, для выполнения которого требуется огромная сила, усилие или выносливость, подобно легендарным подвигам Геркулеса в греческой мифологии. Фразеологическая единица включает имя собственное Геркулес, имя мифологического героя, известного своей невероятной силой и способностью преодолевать, казалось бы, невыполнимые задачи. Использование этого выражения передает идею столкновения с пугающим или грозным препятствием, для преодоления которого требуются чрезвычайные усилия. Фразеологическая единица *Pyrrhic victory* (Пиррова победа) представляет собой фразу, происходящую от древнегреческого царя Пирра, который выиграл битву против римлян, но понес такие тяжелые потери, что победа является, по сути, поражением. Таким образом, данный фразеологизм символизирует успех, за который приходится платить большую цену, когда потери победителя перевешивают выгоды, полученные от победы. Это выражение часто используется для описания ситуации, когда победа достигается, но такой высокой ценой, что ее, возможно, не стоит и праздновать. Выражение *to cut the Gordian knot* (разрубить гордиев узел) относится к решению сложной проблемы или дилеммы смелым или нетрадиционным способом, часто путем принятия решительных действий для выхода из, казалось бы, безвыходной ситуации. Эта фраза взята из легенды об Александре Македонском, который якобы развязал сложный гордиев узел, разрезав его своим мечом, а не пытаясь развязать его, как это не удалось сделать другим. Разрезание гордиева узла символизирует быстрый и решительный подход к решению сложного вопроса в обход традиционных методов или препятствий.

Список вышеуказанных фразеологических единиц с именами собственными можно продолжить выражениями, глубоко укорененными в греческой мифологии и литературе, каждое из которых несет в себе свои уникальные коннотации и культурное значение. Так фразеологизм *Sisyphean labour* (Сизифов труд) относится к задаче, которая бесконечна и в конечном итоге бесполезна, очень похоже на наказание Сизифа в греческой мифологии, который был приговорен катить валун на холм только для того, чтобы тот скатывался обратно каждый раз, когда он приближался к вершине. Фразеологическое выражение *Homeric laughter* (Гомеровский смех) намекает на смех, встречающийся в произведениях Гомера, особенно в моменты иронии или божественного вмешательства, отражающий чувство величия и сложности человеческого опыта. Хорошо известный фразеологизм *Pandora's box* (Ящик Пандоры) происходит из

мифа о Пандоре, символизирует источник непредвиденных бед или несчастий, которые высвобождаются при открытии, подчеркивая последствия любопытства и человеческой природы. Фраза *Achilles' heel* (Ахиллесова пята), происходящая от греческого героя Ахилла, означает уязвимое место или слабость в остальном сильном человеке, подчеркивая идею о том, что даже у самого могущественного человека может быть недостаток, который приводит к падению. Выражение *the sword of Damocles* (Дамоклов меч) представляет собой неминуемую угрозу или опасность, нависшую над кем-то, взятое из истории Дамокла, который испытывал постоянный страх перед мечом, висевшим на волоске над его головой. Фразеологическое единство *as rich as Croesus* (богатый, как Крез), отсылая к царю Лидии Крезу, известному своим огромным богатством, обозначает человека, который исключительно богат или процветает, являясь эталоном богатства и изобилия. Фразеологизм *Janus-faced* (с лицом Януса) описывает двуликого или лживого человека, отсылая к римскому богу Янусу, у которого было два лица, смотрящих в противоположные стороны. Следует отметить, что все данные фразеологизмы широко используются в английском языке и не только демонстрируют богатство греческой и римской мифологии и литературы, но также предлагают понимание универсальных тем, таких как человеческая природа, судьба, уязвимость и богатство.

Если заимствованные фразеологизмы зачастую интернациональны и их значение тождественно во многих языках, то лишь носители английского языка могут точно интерпретировать значение исконно английской фразеологической единицы, включающей в себя компонент имени собственного [3, с. 76], который, к слову, зачастую не передается на другой язык как имя собственное. Как отмечает Коковина Л.В., в английском языке существует ряд имён, которые можно считать наиболее употребляемыми и широко распространёнными, такие как *Jack, Tom, Ben, Mary* и др. В языковой традиции со временем они приобрели национальный характер и стали носителями ряда характерных черт [3, с. 77]. Так фразеологизм *Jogn Doe*, который полностью является именем собственным (имя и фамилия), представляет собой имя-заполнитель и используется для обозначения неопознанного или обычного человека, часто в юридическом контексте. Выражение *Uncle Sam* с именем собственным Сэм олицетворяет правительство Соединенных Штатов или американского народа, часто используется в политических карикатурах и пропаганде. Фразеологическая единица *Mr Right* с компонентом-фамилией Райт относится к

идеальному романтическому партнеру или супругу, тому, кто идеален или идеален для конкретного человека. Фразеологическая единица *tin Lizzie*, содержащая компонент-имя собственное Лиззи, является на самом деле прозвищем автомобиля Ford Model T, одного из первых автомобилей массового производства, что отражает его доступную цену и широкую популярность. Еще один пример – *real McCoy*, в составе которого содержится фамилия Маккой – относится к чему-то подлинному, аутентичному или высококачественному, что часто используется, чтобы отличить его от имитаций или заменителей. Ну и наконец, выражение *to keep up with Joneses*, содержит типичную фамилию Джонсы и относится к социальному давлению, направленному на то, чтобы соответствовать или превосходить материальные блага или образ жизни своих соседей или сверстников. Все вышеперечисленные фразеологические единицы с именами собственными отражают сочетание культурных отсылок, исторических контекстов и лингвистических нюансов, которые способствуют их значению и использованию в современном языке.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод, что фразеологические единицы несут в себе особую информацию национального и культурного характера, свидетельствуют о глубоком культурном наследии англоязычных стран и являются важной частью их языка. Они также помогают не только улучшить коммуникацию на английском языке, но и понять специфику культуры и истории стран с англоговорящим населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дороднева, Н. В. Лингвокультурологические свойства фразеологизмов с компонентом-именем собственным / Н. В. Дороднева, Е. Н. Ермакова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №1. – С. 236–246.
2. Каймыштаева, К. А. Имена собственные в составе фразеологических единиц английского языка / К. А. Каймыштаева, Г. И. Михайлова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород : Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. – №05 (97). – С. 70–76.
3. Коковина, Л. В. Специфическая роль фразеологизмов с именами собственными в английском языке / Л. В. Коковина // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – vol. 2-2 (77). – С. 76–79.
4. Лысенкова, В. Н. Лингвокультурный аспект фразеологизмов / В. Н. Лысенкова // Филологический аспект: международный

научно-практический журнал. – Нижний Новгород : Научно-издательский центр «Открытое знание», 2021. – №02 (70). – С. 200–205.

АННОТАЦИЯ

Минина Е.В. Лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с именами собственными

Статья посвящается изучению лингвокультурологических аспектов имен собственных в фразеологии. Целью данной работы является установление связи фразеологических единиц английского языка, содержащих имена собственные, с историей, культурой, традициями и литературой англоязычного народа. В ходе исследования рассмотрены заимствованные и исконно английские фразеологические единицы с именами собственными и установлено, что они несут в себе особую информацию национального и культурного характера.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, имя собственное

SUMMARY

Minina E.V. Linguocultural Features of Phraseological Units with Proper Names

The article is devoted to the study of linguocultural aspects of proper names in phraseology. The work aims at establishing ties between English phraseological units with proper names and history, culture, traditions and literature of the English-speaking people. The borrowed and original English phraseological units with proper names are considered, the research determining their specific national and cultural character.

Key words: linguocultural studies, phraseological unit, proper name.

*И. М. Петраčkova
(г. Гомель, Республика Беларусь)*

УДК 811.161.1-373.23:821.161.1-2Арбузов РОЛЬ АПЕЛЛЯТИВНО-ОНИМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДРАМАТУРГИИ А.Н. АРБУЗОВА

Специфической особенностью творчества русского драматурга второй половины XX века А.Н. Арбузова является воссозданная им атмосфера доброжелательности и душевности, которая царила во взаимоотношениях между людьми в 60-е

годы прошлого столетия. Именослов художника слова также направлен на реализацию этой задачи. В большей степени спектром, передающим эмоциональный и экспрессивный фон, обладают различные типы модификатов поэтонимов, в частности, кваликитивы (деминутивы, пейоративы, аугментативы, мелиоративы) и гипокористики, структурная составляющая номинации (ее трехчленная, двухчленная или одночленная форма), этимология или ассоциативный фон поэтонима [5, с. 6 – 10], а также использование широких возможностей апеллятивно-онимного взаимодействия, или так называемого «апеллятивного конвоя» [3, с. 106]. Благодаря этим трём звеньям ономапоэтической матрицы даже, на первый взгляд, семантически индифферентные проприальные единицы драматургического дискурса теряют свою «безобразность», или нейтральность.

Наличие семантических, информационных или стилистических способностей – обязательное условие языковых единиц-онимов, вовлеченных в литературный контекст, поскольку, как говорил Ю. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен ... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [7, с. 4 – 5].

При ономапоэтическом «прочтении» литературного текста сочетанию имени собственного (далее ИС) с апеллятивом не всегда уделяется должное внимание. Между тем подобный «апеллятивный конвой», сопровождающий оним в художественном контексте (ХК), – весьма важная составляющая деталь при интерпретации не только проприальной единицы, но и драматургического дискурса в целом. Актуальность исследования состоит в том, что статья затрагивает достаточно свежий теоретический аспект в области литературной ономастики, связанный с формированием таким термином, как ономапоэтическая матрица [6, с. 50], одним из звеньев которой собственно и является апеллятивно-онимное взаимодействие. Если учесть, что ранее язык русской драматургии второй половины XX столетия, в том числе и его ономастикон, отдельно не изучались, то приходится констатировать, что данная работа, кроме всего прочего, базируется на сравнительно новом еще не изученном материале социально-психологических драм А.Н. Арбузова, созданных им в этот период.

Цель работы – установление прагматических возможностей апеллятивно-онимного взаимодействия в текстовом корпусе социально-психологических пьес А.Н. Арбузова. Данная цель требует решения ряда задач: 1) выявить антропоэтонимы,

которые сопровождаются в ХК апеллятивами-дескрипторами при номинации действующих лиц драм; 2) классифицировать их по группам, приводя примеры подобных сочетаний из пьес автора; 3) установить прагматику применения «апеллятивного конвоя» при ИС в ХК, которая присуща идиостилю драматурга.

Объектом исследования данной статьи стали такие пьесы А.Н. Арбузова, как «Сказки Старого Арбата» (1970), «Выбор» (1971) [1], «Старомодная комедия» (1975), «Жестокие игры» (1978), «Воспоминание» (1980) [2]. Предметом нашего исследования становятся антропонимы, употребляемые в сочетании с апеллятивами, которые функционируют в указанных произведениях, их прагматика и особенности употребления.

Роль апеллятивно-онимного взаимодействия, или «апеллятивного конвоя» в пьесах драматурга достаточно весома. Вообще в произведениях, написанных для театра, перед художником слова стоит непростая задача: с одной стороны, представить на суд широкой аудитории (читателя / зрителя) свое видение и решение проблемы, конфликта, развернутого в контексте той или иной пьесы, но, с другой стороны, при этом не иметь возможности сделать это открыто, выразив свои доводы напрямую, поскольку в драматургическом контексте отсутствует текст нарратора в том понимании, в каком мы можем его наблюдать, к примеру, в поэтических или прозаических произведениях. И в этой связи возрастает роль фактически каждого слова театрального контекста, в том числе проприальных единиц и тем более апеллятивов при них. Примечательно, что понятие апеллятив имеет довольно широкое понимание. Оно может обозначать любое слово (имя существительное, имя прилагательное, притяжательное местоимение, сочетание лексем и проч.), сопровождающее поэтоним, а также находиться как в препозиции относительно ИС, так и в постпозиции. Благодаря подобным апеллятивам писатель может лаконично, лишь несколькими штрихами передать исчерпывающую характеристику о персонаже пьесы, сиюминутно создать образ с помощью какой-либо, на первый взгляд, незначительной детали, позволяющей мастеру слова избежать дополнительных пояснений и комментариев, которые пришлось бы включать в реплики героев или авторские ремарки.

Апеллятивы в симбиозе с антропонимами, с одной стороны, описывают отношение в определенный момент времени к референту имени, с другой, словно квалифицируют его, отводя герою соответствующее место в ХК, определив, к примеру, его возраст, статус, род деятельности и прочие параметры. Исходя из изложенного, все слова при номинациях,

или апеллятивы можно называть термином дескриптор. Под данным понятием будем понимать лексическую единицу (слово или словосочетание), обладающую вспомогательным информационным значением или кодом, которая может определять свойство, качество, род деятельности, степень родства и другие характеристики идентификатора.

Значимость «апеллятивного конвоая» только возрастает в случае его применения по отношению к эпизодическим или вовсе внесюжетным персонажам драм. Апеллятивные слова обладают особым экспрессивно-семантическим зарядом, они, как правило, соотнесены с образом автора как выразителем главного идейно-эстетического смысла текста. Дескриптор рядом с ИС – это своеобразный микроконтекст. Важным элементом в анализе микроконтекстов литературных антропонимов, по убеждению профессора В.М. Калинкина, считаются «двухсловные сочетания, в которых один из компонентов – антропоним, а само сочетание образует грамматическое единство, выражает цельное значение и служит обозначением» [4, с. 250]. Огромное количество дескрипторов при идентификаторах, называющих персонаж или лицо по профессии, должности, характеру семейных отношений, возрасту и т. д., активно используется в драматургических произведениях А.Н. Арбузова, что помогает часто видоизменять систему номинации персонажей. Драматург может разнообразить употребление сочетаний апеллятивов с ИС в зависимости от цели, которую собирается материализовать. По мнению В.М. Калинкина, «литературные антропонимы в процессе функционирования в художественном произведении, «поглощают» семантику дескрипций и идентификаторов, сравнений, метафор, перифраз и «насыщают» собственную образно-семантическую сферу» [4, с. 216].

Рассмотрим микроконтекст поэтонимов в социально-психологических драмах А.Н. Арбузова, семантику и функции сочетаний ИС с апеллятивами (дескрипторами). Апеллятивно-онимное взаимодействие в ХК драм выступает как средство характеристики сюжетных и внесюжетных персонажей, а также передачи тёплых межличностных отношений между ними. Условно дескрипторы, на наш взгляд, подразделяются на две группы: константные (устойчивые, постоянные) и казуальные (единичные, нестабильные).

Казуальные дескрипторы при поэтонимах в свою очередь дают эмоциональную, экспрессивную оценку персонажу. В вышеназванных драмах автор широко применяет их в речи действующих лиц пьес, авторских ремарках. Лексические единицы служат для выражения различных эмоций по

отношению к денотату-идентификатору, например, почтения, преклонения или, напротив, уничижения, выступают, порой, как маркеры вежливости: симпатия Балясников, жалкий Валерий, злосчастный Эдик, проклятый Лепешкин – «Сказки Старого Арбата», злосчастный Ипполит – «Выбор», милый Родион Николаевич, любезный Родион Николаевич – «Старомодная комедия», мой Володя, красавец Захар, бесподобный Захар Турковский, великий Захар, милый Ленечка, наш милый, тишайший Ленечка – «Воспоминание». Очевидно, что подобное апеллятивно-онимное взаимодействие передаёт всю палитру чувств и человеческих эмоций, душевных волнений и переживаний.

Константные дескрипторы в основном отражают неизменные характеристики идентификатора, а именно являются индикаторами профессии, рода деятельности персонажа, его пола, возраста, социального статуса, определяют состояние родства либо устойчивые внутренние свойства героя, его внешние характеристики, содержат факты биографии: товарищ Бурков, приемщица Катя, юный Лепешкин, дед Кузьма Балясников – «Сказки Старого Арбата», академик Вард, профессор Сергачев / покойник Сергачев, народная артистка Макальская – «Выбор», товарищ Жербер, гражданка Икс, гражданка Игрек, сержант Петр Акимов – «Старомодная комедия», дядя Сережа, писатель Шукшин, Руфина из Ленинграда, сосед Коля, Никанор-сторож – «Жестокое игры», папа Володя, дядя Леня, братец мой Захар, дядя Захар, тетя Шура – «Воспоминание» и под.

Именно благодаря в том числе и частотному употреблению сочетаний личных имен с апеллятивами, на наш взгляд, достигается эффект, когда, как отмечал критик К. Щербаков в своей статье «Хорошие люди с Арбата», опубликованной 16 января 1971 года в газете «Комсомольская правда», «доброжелательство и душевность доведены до удивительной, почти что непостижимой тонкости...» [2, с. 778].

У драматурга А.Н. Арбузова прагматика апеллятивно-онимного взаимодействия связана и с постепенным развертыванием динамики взаимоотношений между героями его пьес. Так, например, главный врач санатория из «Старомодной комедии» незаметно для себя влюбляется в самую злостную нарушительницу дисциплины лечебного учреждения. Их первая встреча вызывает возмущение у Родиона Николаевича, который пытается объяснить Лидии Васильевне, что «санаторий – в какой-то мере лечебное учреждение... Это не гостиница, не дом отдыха даже. Тишина и порядок должны быть тут неукоснительными» [2, с. 504 – 505]. При этом персонаж обращается весьма

официально к героине – товарищ Жербер. Приведем примеры из ХК: «ОН. А зачем вы надели ее (шляпу – И.П.)? *Из каких, простите, соображений? Понравиться хотите. Пленить что-то воображение! А вам о душе пора подумать. О душе, товарищ Жербер!*» [2, с. 514]. «ОНА. Какая ерундистика!.. И при чем тут душа! Нет уж, милый Родион Николаевич, *настоящая женщина обязана до глубокой старости оставаться обольстительной. До последнего смертного часа!*» [2, с. 514]; «ОН (холодно). Прошу простить, но я холост, товарищ Жербер» [2, с. 515]; «ОНА. И это естественно. Вы вполне представительный мужчина. Я бы даже сказала – импозантный. ОН. Импозантный? Товарищ Жербер, *откуда в вас столько цинизма?*» [2, с. 515]; «ОН. Прошу меня извинить, но я ухожу. Должен заметить, что ничто так не претит мне в женщинах, как пошлость и цинизм. А ваша духовная распушенность ужасает меня, товарищ Жербер! *(Идет к выходу.)*» [2, с. 516]; «ОН. Несовместимо. Ничтожно. (Вдруг строго.) Глупо, товарищ Жербер» [2, с. 521] и пр. И данное обращение является настолько формальным и регулярным, что даже когда у действующих лиц пьесы появляется много общего, герой вдруг сам осознает всю неполноценность такого формализма в общении и задается вопросом: «ОН. Как вас зовут?» [2, с. 523]. Героиня же настолько привыкла к этому строго протокольному, сухому обороту, что, не задумываясь, отвечает «ОНА. Товарищ Жербер» [2, с. 523]. И здесь Родион Николаевич пытается исправить ситуацию: «ОН. Не то. Как вас зовут? ОНА. Лидия Васильевна. Лида. А что? Он (изумляясь). Как прекрасно жить, товарищ Жербер. Лидия Васильевна» [2, с. 523].

Далее происходит переход отношений персонажей на новый духовный уровень. И уже после привычного товарищ Жербер, героиня всякий раз дополняет Родиона Николаевича – Лидия Васильевна («ОН (безмерно удивлен). Товарищ Жербер? ОНА (мягко напоминая ему). Лидия Васильевна» [2, с. 524]; «ОН. Ну что ж ... (Почти взволнован.) Я найду стеклянную банку. Вы можете в этом решительно не сомневаться. Я ее найду, товарищ Жербер. ОНА (мягко). Лидия Васильевна» [2, с. 525]).

Действительно, у пожилых людей много общего. Война отняла у них самых близких людей: у матери сына, а у мужа жену. Причем, они не случайно оказались на этом рижском взморье: именно здесь похоронены их родные. Осознав трагедию друг друга и тот образ жизни, который каждый из героев избрал для самого себя, персонажи по-иному стали воспринимать отношения, возникшие между ними, что и отражается в апеллятивном «конвое» поэтонимов: «ОНА. Ну, Родион Николаевич, миленький, *не расстраивайтесь,*

пожалуйста ... вам это вредно – ну прошу вас ... [2, с. 528]; «ОН (помедлив). Но, уважаемая Лидия Васильевна, если ваш отец настолько был связан с Котовским, вам тем более не следовало быть такой легкомысленной впоследствии» [2, с. 529]; «ОНА. Любезный Родион Николаевич, стоит вам чуть разозлиться, как вы тотчас теряете все свое обаяние» [2, с. 556]. Очевидно, что герои стали бережнее, внимательнее и трепетнее относиться друг к другу, проявляя заботу и уважение.

Таким образом, апеллятивно-онимному взаимодействию в ономапоэтическом пространстве произведений, написанных для театра, отводится важная прагматическая роль. По нашим наблюдениям, А.Н. Арбузов активно использует при поэтонимах дескрипторы обеих групп (константные и казуальные). Спектр апеллятивов довольно разнообразен, что позволяет драматургу несколькими штрихами создать цельный художественный образ персонажа, сделать его реалистичным благодаря лаконичному информационному полному о референте имени. Именно дескриптор при номинации аккумулирует основные значимые сведения о субъекте, которые могут выражать как писательскую экспрессию, так и дополнительные данные, важные для характеристики объекта и понимания авторской концепции.

Цель драматурга А.Н. Арбузова – репрезентация героев драматургического дискурса, воссоздание в воображении у читательской / зрительской аудитории достаточно живых, колоритных и выразительных типажей художественных образов, а также отражение эмотивной сферы действующих лиц социально-психологических пьес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов А.Н. Выбор: сборник пьес / А.Н. Арбузов. – М.: Советский писатель, 1976. – 384 с.
2. Арбузов А.Н. Избранное. В 2-х т. – Т. 2 / А.Н. Арбузов. – М.: Искусство, 1981. – 792 с.
3. Васильева Н.В. Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» / Н.В. Васильева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. – 2021. – № 2 (15). – С. 101–113.
4. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Донеччина, 1999. – 408 с.
5. Петрачкова И.М. Имя и образ в комедии Алексея Николаевича Арбузова «Сказки старого Арбата» / И.М. Петрачкова // Филологический аспект №4 (12). – 2016. – С. 5–12.

6. Петрачкова И.М. Основные тенденции номинации персонажей в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина / И.М. Петрачкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – Воронеж, 2023. – № 2(49). – С. 49–56.
7. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л., 1929. // Цит. по Горбаневскому М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 87 с.

АННОТАЦИЯ

Петрачкова И.М. Роль апеллятивно-онимного взаимодействия в драматургии А. Н. Арбузова

В статье исследуются прагматические возможности апеллятивно-онимного взаимодействия как составляющего компонента ономапоэтической матрицы имён собственных, функционирующих в художественном контексте пьес Алексея Николаевича Арбузова.

Ключевые слова: апеллятив, поэтоним, казуальный, константный.

SUMMARY

Petrachkova I.M. Role of Appellative-onimal Interaction in the Dramaturgy by A. N. Arbuzov

The article examines the pragmatic possibilities of appellative-onymic interaction as an integral component of the onomapoetic matrix of proper names operating in the artistic context of the plays by Alexei Nikolaevich Arbuzov.

Key words: appellative, poetonym, casual, constant.

*В. В. Фефелова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'276

TERMES SPECIFIQUES DES JEUNES DANS LES DISCOURS ECRITS DES BLOGUEURS

Depuis la démocratisation des moyens modernes de communication, de nombreuses pratiques écrites atypiques se sont développées, en particulier chez les jeunes. Les SMS, les chats, les forums, les mails, les réseaux sociaux et également les blogs constituent un lieu de pratiques linguistiques variées. Nous accordons ici une importance particulière aux pratiques écrites atypiques de jeunes entre 10 et 25 ans observables dans les blogs. En effet, les jeunes sont les usagers présentant le plus

de variation linguistique dans leurs pratiques écrites. La plateforme de blogs constituant notre corpus est skyrock.com, dans la mesure où il s'agit d'une des plateformes de référence chez les jeunes Français. Si les procédés graphiques sont les caractéristiques linguistiques les plus saillantes et les plus décrites dans les discours atypiques [1, c. 72], certains phénomènes tels que l'usage de lexiques particuliers et spécifiques aux jeunes ne méritent pas moins d'attention. C'est notamment sur ce point particulier que nous focalisons l'attention.

Les lexiques utilisés par les jeunes sont très variés: les lexiques spécifiques aux jeunes, originellement et habituellement utilisés à l'oral, de registres argotiques, populaires, familiers, voire vulgaires, les lexiques empruntés à différentes langues, ainsi que des lexiques particuliers comme les lexiques spécifiques d'Internet.

Les écrits atypiques ont souvent été qualifiés de parlécrits [1, c. 74] à cause des caractéristiques linguistiques relevant de l'oral observables dans ces écrits. Les langages argotiques ou populaires des jeunes sont habituellement oraux, en particulier au niveau du lexique, mais ces derniers les utilisent également dans leurs productions écrites dans les blogs, perçues comme étant libres et sans contraintes. Ainsi, voilà de nombreux exemples comme (1) à (6) présentant des termes et des expressions de différents registres et propres aux jeunes.

(1) vs me fete tro golri a dir ca franchemEn apré tu va mdir :ué c pk c + drole! (miskine va)... mé ya ke toua ke ca fé rir sal bouFon [...] brf ca a souven été di Ke lé gen Ki taiLLE Son le reflé dun MaL ETRE INTERIEUR dc alé come chui tigen jte less l exterioriSé é tkt OkUN COMENTAIr serA EFACER PR TON + GRD PLEZI RAGEU!!!!!! [...] MOI mM je c cke tu Vo é meskine ti vo pas grd chozzzzZZZ

(2) SiiSii 7 MeUuUf C Ma SoSs WouLLaH Jii Lm De tRo

(3) SiiSii Cte gO CrO Ma pOtO !! AbuSeR !! TmTc Ke MeMe Sii On svOi Plu TrOp!! MiiCii Pr TeS cOu'mS!! JtaiiMe Cré FoReuh Ma COuPiinueH n'a mOii !! GrO bOuSSa !! Fo kOn svOiiT ViiTeuH!! ZtMmEuH

(4) eN MoDe jTaPe La PoZzZ fAcOn jC Pa Koi La LoL WesH Le TiT TisSMé uN PtiT StyLeR NaN?

(5) zarma une tite pose ;)

(6) celui ki a fé 7 tof il voulé fère zarm ya D ouf laba alr ki a ril du tou lol

Constatons que de nombreux termes sont connotés «langage des jeunes des cités». Cependant, ils ne sont pas utilisés exclusivement par les jeunes des cités dans les blogs, ce moyen de communication contribuant à diffuser le lexique chez tous les types de jeunes, c'est-à-dire chez les jeunes de toutes origines sociales, voire ethniques, et de toutes influences culturelles. Les termes verlanisés ou certains emprunts au tsigane ou à l'arabe dialectal tendent ainsi à se démocratiser et à

se diffuser chez tous les types de jeunes. En outre, certains termes ou expressions comme: *sisi, bolos, swag, trop des barres, trop opé, tigen, en scrède, le seum (la rage), crew, ça passe crème (ou trop crème), ouf, tmtc (toi-même tu sais), en mode ..., rageux, mesquine, meuf*, etc. sont utilisés par tous les types de jeunes. En définitive, la fonction identitaire semble s'amenuiser dans les pratiques écrites des blogs. Les critères permettant de distinguer certaines communautés linguistiques sont difficiles à déterminer rigoureusement. Seul le langage des communautés connotées geek, présentant des spécificités langagières sur Internet, semblent pouvoir être clairement distingué du langage des jeunes tel que nous le connaissons ordinairement à l'oral [3, c. 26].

Cependant, nous pouvons noter que les jeunes se différencient entre eux principalement entre groupes d'amis ayant une culture commune, ce qui n'a que peu d'incidence du point de vue des usages linguistiques.

D'autre part, nous constatons certaines fonctions dans les discours présentant les lexiques spécifiques aux jeunes. Concernant la diversité et la concentration des lexiques habituellement utilisés à l'oral dans les écrits des blogs, c'est la fonction de proximité qui domine. Les lexiques instaurent en effet un style, une tonalité mettant au jour une proximité entre les scripteurs ayant une certaine culture partagée. Cette fonction de proximité pourrait être rapprochée de la fonction identitaire par cet effet de mise en confiance amicale. Des termes ou expressions comme: *tu gère, tro opé, sisi, tkt (ne t'inquiète pas)*, etc., marquent explicitement ce rapport particulier entre les scripteurs. Le lexique des jeunes n'est donc pas utilisé de manière aléatoire. Il est utilisé d'une façon particulière et contient une signification et une fonction bien précise en discours.

On peut relever plusieurs types d'emprunts. D'abord, les jeunes utilisent des xénismes, c'est-à-dire des termes empruntés à différentes langues sans modification graphique et insérés tels quels dans le discours comme dans les exemples (7) à (9).

(7) un jour un pote a di bolos c mieu pui c resté, je c ke now sa veu dir victim ou otre mé bon

(8) MoI eT mA bEsT eN MoDe MoNtAgE!!!!

(9) Tro BeLIE tKt C mAdE iN dUnOrD RePrEsEnTe JuSkA lA mOrT!!!!!! sIsI KiSs A tOi!!!

Outre les termes mis en relief, on peut fréquemment rencontrer: *ciao, bye, hoy, today, ou anyway*, par exemple. En somme, les xénismes sont souvent empruntés à l'anglais, à l'espagnol, ou à l'italien, à savoir les langues enseignées dans les écoles françaises. Il ya des emprunts francisés et insérés dans le discours comme en (10) et (11).

(10) 1ère semN i fesé pa tré bo [jusko samedi 9juillet].. ms on a mouv ke mm..

(11) Lookez, Lolez, faites c'que vous voulez!

Dans *mouv* (10) la graphie est francisée malgré l'absence de marquage du participe passé, et dans *lookez* (11), le terme anglais est francisé au contraire par l'ajout d'une désinence verbale. Enfin, des emprunts à l'arabe dialectal (*dawa*, *bled*, *kiff*, etc.), au tsigane (*marav*, *gadjo*, etc.), ou à certaines langues africaines (*go*, *gorette*), peuvent également être observés. Les emprunts présentent différentes fonctions en discours: la fonction économique dans le cas des xénismes plus courts que les séquences françaises correspondantes, la fonction stylistique car les termes empruntés instaurent un effet de relâchement, une tonalité particulière, un style «branché», et un effet de proximité engendré par la fonction stylistique. Plus occasionnellement, nous pouvons rencontrer des emplois ludiques de termes comme dans la séquence: *jtm for for for for forever*, où le scripteur joue sur la répétition de *for* utilisé dans le sens français.

Dans la diversité des lexiques utilisés par les jeunes, certains termes instaurant une tonalité spécifique méritent une attention particulière. Nous pouvons observer l'usage d'insultes ou de termes en apparence insultants, à savoir des insultes réelles (12) engendrant le plus souvent la désactivation du blog, et les insultes rituelles (13), c'est-à-dire des insultes vidées de leur sens et utilisées de façon méliorative. Notons que cet usage n'est pas nouveau dans les parlers populaires.

(12) jte creve twa et ta famille conard de mes 2 va, ma zinecou l ta fai du mal et alor falai pa sortir ek l (13) AILé BiZzZzZzZz Ma PtItE sAlOpE!! Mdr

D'autre part, nous pouvons observer l'utilisation d'appuis du discours, pour reprendre la terminologie de Gadet [1, c. 27], introduisant une dimension oralisante dans les écrits atypiques. Notons que l'utilisation de ces termes est observable dans les usages des différents moyens de communication cités supra.

(14) ben euh la C moi chafik é jordan en mode pose

Si ce cas n'est pas révélateur des usages argotiques dans les blogs, il contribue à montrer la diversité des lexiques utilisés dans les écrits atypiques.

Enfin, on peut rencontrer des lexiques spécifiques d'Internet ayant le plus souvent une base anglaise comme: *woot* (*cool*), *noob* (*nouveau*, *nul*), *pgm* (*progamer*, *bon joueur*), *plop* (*salut*), *yop* (*salut*), *pévéter* (*discuter en privé*), etc. Ces lexiques renvoient le plus souvent à des communautés de joueurs et/ou connotées geeks informatiques, et se démarquent clairement des termes argotiques, familiers, ou vulgaires habituellement utilisés à l'oral par tous types de jeunes.

Certains procédés et phénomènes formels sont identifiables dans les écrits atypiques des blogs. Après un bref rappel des procédés lexicaux décrits par Goudaillier [4, c. 82], il faut focaliser l'attention sur certains phénomènes d'affixations et de constructions de formes-mots néologisantes.

Dans les discours écrits dans les blogs, on retrouve tous les types de procédés lexicaux déjà connus tels que l'aphérèse comme: *blm*, *blème* pour «problème», *sky* pour «whisky», etc., ou encore l'apocope comme: *bif*, *beef* (*bifton*) pour «billet», *biz* pour «bisous» ou «business», *couz* pour «cousin(e)», etc. De la même manière, nous pouvons relever des reduplications après aphérèse, pour reprendre les termes de Gadet [2, c. 124], telles que *leurleur* (contrôleur), *zonzon* (prison), *zizir* (plaisir), etc.

Beaucoup de termes verlanisés sont également utilisés. Par exemple, *ouf*, *meuf*, *tof/tophe*, *tismé*, *tigen*, *golri*, etc. Notons que dans le cas de *tophe*, utilisé de façon minoritaire par rapport à la forme graphique *tof*, l'orthographe standard subsiste malgré la transformation du lexème. Nous pouvons également relever des apocopes de termes verlanisés comme *zink* /*zincou*, «cousin», *zarb(e)*/*zarbi*, «bizarre», etc.

D'abord observons des phénomènes peu fréquents de préfixation ludique en *z-* comme en (15) et (16). Dans la phrase transformée on peut trouver «une traduction» (15') afin d'éclairer l'analyse à suivre.

(15) *ze zilles zelle zon ztro zcool zdézolé zé ze ZZZZZZZZZZZZZZZZZ*
zui zune zabeille zarbi

(15') Ces filles elles sont trop cool. Désolé j'ai le
ZZZZZZZZZZZZZZZZ. Je suis une abeille bizarre.

(16) *je sui pa zune zopsédé zéxuel*

Il est important de préciser que si les séquences *zelle*, *ztro*, *zcool*, *zdézolé*, *zune*, et *zabeille* présentent une préfixation ludique, d'autres utilisations de *z-* consistent seulement à régulariser le jeu graphique sur toutes les séquences. Ainsi, certains *z-* se substituent à la consonne standard comme dans: *ze*, *zilles*, ou *zon* pour «ces», «filles», et «sont», et d'autres font partie intégrante du terme employé comme dans *zarbi*, qui est le verlan de «bizarre». Notons, par ailleurs, que certaines préfixations peuvent avoir à la fois une fonction ludique et une fonction de proximité entre le scripteur et le lecteur, comme dans *ze te naiime* pour «je t'aime», ou *tit narticle* pour «petit article», par exemple. Il s'agit en fait dans ce cas d'un procédé hypocoristique consistant à introduire des erreurs analogues à celles d'un enfant en apprentissage linguistique, à savoir une réanalyse telle qu'un enfant pourrait la réaliser.

Les termes néologisants sont encore peu nombreux, mais ils surgissent assez fréquemment en discours. Ils ont donc une place particulière dans l'analyse de la construction des lexiques observables

dans les blogs. Ils présentent des particularités morphologiques générales pour certains, alors que d'autres sont davantage caractérisés par les spécificités de représentations graphiques des séquences concernées.

D'abord on observe l'utilisation de multiples variantes lexicales de «bisou(s)» construites à partir du terme français complet «bisou» ou abrégé en «biz», et du terme anglais «kiss». Les variantes recensées dans le corpus sont les suivantes: *biz, kis, kiz, bizu, kisu, kizu, kizouille, zoubizou, zoubix, zibiboux, ziboux, zikoux*, etc. Les nouvelles manières d'écrire et de dire «bisous» sont observables à travers la fonction ludique. On dégage différentes combinaisons graphiques possibles pour signifier «bisous».

Par ailleurs, les pratiques d'écriture sur moyens modernes de communication font place à de nouveaux verbes tels que *dodoter* (dormir), *smser* (envoyer des SMS), *textoter* (idem), *msner* (discuter sur MSN), ou encore *facebooker* (aller sur facebook, se laisser influencer pour créer un compte facebook).

Plus spécifiquement aux moyens modernes de communication, les sigles tels que *svp*, *mdr*, et *ptdr* sont parfois écrits en toutes lettres de façons diverses. Voici quelques formes-mots recrées à partir de ces sigles.

- 1) *svp* > silvouplé, siouplé, siyouplé, sivouplé
- 2) *mdr* (mort de rire) > morderir(e), mordirir(e), mourdirir(e), mirdirir(e), emdèèr, emdээр
- 3) *ptdr* (pété de rire) > pétéderir(e)
- 4) *xpdr* (explosé de rire) > aucune forme non siglée.

Certaines séquences ne font que subir un procédé d'agglutination (mordirir, pétéderir) ou de transcription de la forme non siglée prononcée dans un oral ordinaire (siyouplé, sivouplé), d'autres sont affectées d'un procédé hypocoristique par alternance vocalique (mourdirir, mirdirir), et d'autres encore ont été créées à partir de la prononciation de la forme siglée (emdèèr, emdээр). Précisons que dans le cas de *mdr*, la variante *mordelol*, mélangeant les sigles *mdr* et *lol* en toutes lettres, est souvent utilisée dans les blogs. Dans ce cas, *lol* est lexicalisé au sein du sigle puisqu'il remplace stricto sensu «rire». Enfin, une remarque concernant le sigle *xpdr*, très fréquent dans les écrits atypiques, s'impose. Aucun cas de construction en toutes lettres n'a été observé, contrairement à *ptdr* qui présente un fonctionnement analogue. *Xpdr* présente donc une forme figée et unique. Le cas du sigle *lol* (laughing out loud) est particulier. Comme nous venons de l'évoquer, *lol* est lexicalisé à travers certains de ses usages. Ainsi, le phénomène se manifeste soit par des formes figées intégrées au discours, *lol*, soit par des formes morphographiquement marquées telles que *lole, loler, lelez*, etc.

En définitive, quelques remarques s'imposent à propos des formes néologisantes construites à partir des sigles *mdr*, *ptdr*, et *lol*. Concernant *morderir*, *pétéderir* et toutes leurs variantes, les formes-mots peuvent être utilisées de plusieurs manières:

- a) elles peuvent être utilisées en tant que sigles «classiques»;
- b) elles peuvent être utilisées en tant qu'adjectifs (conservation de la forme unique). Par exemple: *c pétéderir*;
- c) elles peuvent être intégrées au discours par rapport à «mort» ou à «pété». Par exemple: *il été pétéderir*.

Notons que *morderir* et *pétéderir* sont figés du point de vue de l'intégration morphologique. De plus, la combinatoire est réduite et contrainte comme nous pouvons le constater en (b) et (c). Dans le cas d'un usage impersonnel, la forme-mot est équivalente dans son ensemble à un adjectif, comme le montre la substitution de «drôle» à *pétéderir*, par exemple, alors que dans un usage personnel, les unités *pété* ou *mort* se rapportent généralement au pronom sujet. Par opposition, *lol* est davantage intégré morphologiquement et morphographiquement que *morderir* et *pétéderir*: construction d'un verbe en «-er», flexion, dérivation, combinaison avec d'autres morphèmes, etc. Par exemple, *lolage*, *loleuse*, *lolant*, *lolez*, etc. Et même lorsqu'il est utilisé dans sa forme siglée, sa combinatoire est moins contrainte syntaxiquement.

Comme conclusion on peut dire que les blogs présentent, sur le plan du lexique, une grande diversité d'usages qui ne se résument pas seulement à l'aspect graphique atypique et à la variation des représentations graphiques de séquences sonores. Le lexique argotique est utilisé de la même manière à l'écrit et à l'oral, mis à part quelques exceptions. Notons que les usages, bien qu'ils présentent des formes en concurrence et des alternances d'un scripteur à l'autre, suivent un schéma assez régulier. Seule la variation graphique peut poser des problèmes d'interprétation des séquences écrites. Le lexique remplit différentes fonctions essentielles à l'écrit, en particulier la fonction de proximité, la fonction stylistique, la fonction ludique. En définitive, les lexiques des jeunes constituent un facteur essentiel de la spécificité des discours écrits des blogs.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anis J. Chats et usages graphiques / J. Anis // Internet communication et langue française. – Paris : Hermès, 2000. – P. 71–90.
2. Gadet F. Le français populaire / F. Gadet // Que sais-je? – Paris : Presses Universitaires de France, 1992. – P. 25–29.
3. Gadet F. La variation sociale en français / F. Gadet. – Paris : Ophrys, 2007. – 135 p.

4. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! / J.-P. Goudaillier // Dictionnaire du français contemporain des cités. – Paris : Maisonneuve et Larose, 2001. – 304 p.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В.В. Специфические термины молодежи в письменной речи блогеров

В статье анализируется письменная речь франкоязычных блогеров, так называемый «язык городской молодёжи». Современные блогеры используют специфическую лексику: арготизмы, заимствования, трансформированные на французский манер. Особое внимание привлекает «фонетическое» написание слов французского языка, атипичные лексические единицы и синтаксические конструкции.

Ключевые слова: блогер, атипичные лексические единицы, арготизмы, заимствования, деривация.

SUMMARY

Fefeliva V.V. Specific Youth Terms in the Written Speech of Bloggers

The article deals with the written speech of French-speaking bloggers, the so-called “language of urban youth.” Modern bloggers use specific vocabulary: argotisms, borrowings, transformed in the French manner. Particular attention is drawn to the “phonetic” spelling of words in the French language, atypical lexical units and syntactic constructions.

Key words: blogger, atypical lexical units, argotisms, borrowings, derivation.

*L. A. Shtakina
(Gorlovka, RF)*

УДК 81'344+811.111+378.147

RHYTHM AS OPTIMALITY FACTOR IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Modern objectives for the research of language as a meaning-creating system in speech communication change the priorities for the development of studies in phonetics putting the interplay of sound and semantic spheres into proper focus as the most important functional entities of language.

The number of opportunities for oral communication in English has increased for the need to communicate effectively in various areas of interpersonal academic and professional exchanges. The new focus on

communication has called attention on correct pronunciation, which is being emphasized in the field of the English language teaching [4].

Ultimately, speech communication is a vital tool in helping people send and receive messages to achieve understanding. We develop strategies for creating an effect on our audience. We must admit, however, that studies in phonetics are enhanced by the quest of cognitive linguistics for a more profound knowledge of language in all types of mental processing.

It is a fact of common experience that the arrangement of different phenomena of objective reality is presented in the form of periodicity (rhythmicality).

Rhythm is a strong, regular, repeated pattern of movement or sound, marked by the regulated succession of strong and weak elements, of opposite or different conditions [8].

Rhythm as a phonetic (prosodic) phenomenon may play a crucial role in affecting the intelligibility of spoken message. Our view is that rhythm as a suprasegmental phonetic phenomenon provides a key to the interpretation of the utterance through the message transmitted.

It is also maintained that rhythm may be in a proper relation to text and context, linking all units of the whole together [2]. Thus, it is due to rhythm that a certain message could be communicated in pragmatically effective or less effective manner. Yet, we hope that a number of theoretical conceptions may be identified and cleared from the path of argument.

In spite of the fact that prosody represents the basic step in the first language acquisition it seems to be extremely important for the second language learners to consider rhythm as a prosodic phenomenon as well [6]. One of the reasons for this is that speakers of English may have difficulty in acquiring rhythmic patterns due to the fact that traditional materials, in-class explanation methods with the focus on the segmental inventory of the language system may not always be adequate. For most of the time, in-class practice is focused on the traditional discrimination of contrasting sounds, word pairs rather than rhythmic patterns of the verbal context.

According to G. M. Burdenyuk, the sense of rhythm is the ability to perceive and react to the rhythmical stimuli. Rhythm has the power to bring a human into any emotional state purposefully. It needs to be kept in teaching, studying, arranging the information, activities schedule [1].

There's an increasing tendency nowadays to invent new methods of foreign language teaching to intensify the implementation of efficient teaching techniques. So, intensification provides productivity, which means the student's achievement on all the stages of foreign language learning. But productivity is doomed to failure without considering

the laws of memory functions, the message delivery specifics. Intensification exposes a very high level of efficiency and insignificant energy costs.

Due to the rapidly increasing amount of information, the problem of learning and retaining information in memory appears. The memorization level depends on the level of instability of brain cells; the relationship between them is directly proportional. Thus, one of the ways of improving memorization is boosting of the excitability of the cortical neurons within the limits, which can be done by the rhythmic cerebral exposure. Memorization may also be achieved by learning logically arranged information, and the logically arranged information overgrows with the network of extra associations, which strengthen the process of memorization.

The nervous system of a human being is not only capable of adapting to changes of the external environment, but also acquiring the imposed rhythms under certain conditions. When a human being undergoes the rhythmstimulation, his nervous system generates a conditioned reflex and the mode of behaviour pattern in accordance with the given stimulus. Moreover, the nervous system of a human being is capable of retaining the imposed rhythm even after the stop of rhythmstimulation [9].

And so in addition, the brain is the mechanism of a very accurate calculation of time. It can measure time intervals between the stimuli and can prepare itself to perceive the next ones [7]. This means that word stress and utterance stress (contextual prominence) can be considered as the timing signals that the brain can not only measure, but can adopt one's articulation to the imposed rhythmic stimulus. In order to achieve required results by purposefully influencing a human being certain external conditions may be created.

Studies of effective performance strategies to promote active learning makes it necessary to focus on purposeful modelling of the language resources in teaching English to school students. We must admit, however, that school students should be involved in special activities, which further foster their imagination and emotional involvement in classroom performance.

Admittedly, rhythmic modelling of speech may be difficult for the learner to perceive and make sense of. The fact that learner of English may have no awareness of speech rhythmicity makes both teaching and learning a more challenging task. We hope that the approach under consideration will greatly enhance the study and acquisition of correct English pronunciation both at the segmental and suprasegmental level.

Foreign language teaching by no means presupposes fixation and log preservation of lexical and grammatical material in students'

memory. As practice shows, owing to numerous reasons large volumes of new language material are not mastered by the pupils under conditions of traditional teaching. That is why new methods should be developed to intensify the process of drill and create perfect conditions for memory work. One of them is rhythmopedia – a method of intensive presentation of foreign language information against rhythmostimulation background and its retention in memory and actualization during group-communication in class. The fact is, school students who learn English as their second language have enormous pronunciation problems, which can be of different nature. In order to improve their skills in speaking, English school students should be involved in special in-class activities which would broaden their horizon, imagination and emotional involvement in the process of learning.

It is reasonable to assume that rhythmic modelling based on syncopated jazz patterns is one of the rhythmopedic ways of teaching English pronunciation. This technique conditions the selection of key words for prominence, formation of accent patterns relevant for the meaningful processing, timing specifics through pausation and tempo, making the process of the message transmission and perception quickly running and effective with the focus on discourse structure.

According to David Brazil, in rhythm of discourse only syllables which are prominent because of their selective significance will be the focus of special speaker and listener attention. Prominent syllables need to be attended to both for their sounds and their significance as sense selectors. Sounds targeted with precision make up regular pulses of discourse rhythmicity [3].

Fairy tales with their rich arsenal of expressive linguistic devices should be widely used for teaching effective speech communication as an indispensable aid in terms of developing students' rhetoric techniques. The imagery effect of tales is gained through the dynamics of textual contrasts, modality and emotions.

Ultimately, tales are the most popular children's stories. What makes them be utterly sufficient for the opening phase of teaching English is their non-hierarchical syntax (coordination rather than subordination), short sentences or clauses, simple vocabulary, repetition rather than use of synonyms. The audience of young learners like all sorts of repetition as a means of anticipation of the text dynamics which makes their performance natural and interactive. The phonetic organization of fairy tales creates the stylistic effect of euphony, which implies sound harmony and melodious flow of phonation.

But the most functionally relevant feature of euphony is the rhythmicity created by the alternations of tone, loudness and tempo characteristics. And above all the English fairy tale, due to its

rhythmicality, becomes an expedient material for teaching practice. We should point out that discourse which affects listeners, which moves, delights and teaches has a rhetorical aim and exercises rhetorical language resources to perfection [5].

Deliberately strict rhythm serves as a means of creating the image of action dynamism so typical of this variety of expressive discourse. We must admit, however, that rhetoric studies through purposeful modelling of the language resources in teaching English to school students play an important role in the process of language acquisition creating excitement in the classroom.

Below are illustration samples of a fairy tale purposeful modelling. The discourse under consideration is “The Star Child” by Oscar Wilde. Here is an extract of the original version.

Example A (a traditional model)

Once upon a time, two woodcutters were going home after their day's work. They were tired and very, very cold, for it was winter and the snow lay deep on the ground.

As they came out of the wood into the open, the sky was black overhead. Suddenly they saw a flash like lightning.

“Make a wish!” said one woodcutter. “That’s a falling star - it brings good luck!”

“It fell into that bush over there,” said the other. “Maybe there is a pot of gold where it landed. The first to find it can have it!”

They both ran to the bush and looked about. There, lying on the white snow, they saw something that shone like gold. The first man to get there called out, “It’s a white coat with gold stars all over it”. He opened it to see what was inside, and there, fast asleep, was a baby boy. The man was disappointed, for he had been hoping to find a lot of money and be rich.

“I don’t want any more children,” he said. “As it is, we never have enough to eat. Let’s leave this child here.”

“We can’t do that, it will die of cold,” said the other man. He took it p in his arms, and carried it home. His wife opened the door, glad to see him again. When she saw that he had something in his arms, she asked, “What’s that?”

“I found it in the forest,” he said, showing her the sleeping child. “Take it away!” she cried. “We have our own children. How can we feed another one?”

“This is a star-child,” he replied, and told her how he had found it. “Take it away!” she said again. “We can’t keep it here.”

The woodcutter knew that his wife had a kind heart, and that she

only said “No” because they were so poor. So he waited. She turned her back on him and went over to the fire. The freezing wind blew through the open door, and she thought, “How can I send that child away on such a cold night?” Aloud she said, “Close the door...” [10].

Example B (a rhythmopedic model)

Story teller **Once upon a *time, two wood*cutters|
were going *home after *work|
They were *tired and *very,| *very cold§
It was *winter and *snow|| lay deep on the *ground||
As they came out of the woods into the open
they saw a *lightning | on the *black *sky.*

Woodcutter 1 - *Make a *wish!*

Woodcutter 2 - *Make *what?*

Woodcutter 1 - *Make a *wish!*

Woodcutter 2 - *What?*

Woodcutter 1 - *Make a *wish for a *goo:d *luck!|
That's a *falling star | it *brings good *luck!|*

Woodcutter 2 ** Oh, I* see, | but *where did it *fall?|
| *Where did it *fall?|
| *Where did it *fall?|*

Woodcutter 1 - *It fell into that *bush over there,|*

Woodcutter 2 - *I *can't *see it. |*

Woodcutter 1 - *It fell into that *bush over there,|*

Woodcutter 2 - **well,| maybe there's *gold where it
landed|*

Woodcutter 1 - *The *first to find it can *have it!|*

Both of them - *If there is *gold we can *have it!|*

Woodcutter 1 - *Let's *go! let's *go! let's *look ar*ound!|
- Let's *go! let's *go! let's *look ar*ound!'*

Woodcutter 1 - *There's *something | shining like *gold!|*

Woodcutter 2 - *Something with *stars all over!|
*right on the *snow,| it's a *white *coat! “Then|*

Woodcutter 1 - *let's look it *over!|*

Story teller	<i>They *wanted to *see, what was in *side, and *opened the *coat, *hoping for money they *thought of the *things they could have bought but they *saw “a *sweet *honey”! a *sweet, *sweet *baby boy! *fast a *sleep *baby boy! </i>
Story teller fate	<i>and *two men *started to *argue, de *ciding the the of the *boy</i>
Woodcutter 1	<i>- I *don't want any more *children, I *hope it sounds quite *clear I *don't want any more *children! “Let's *leave this child *here.”</i>
Woodcutter 2	<i>- We *can't do that, he will *die of *cold, If we *leave him here, he'll *die of *cold I'll *take him, and *carry him *home I'll *take him, and *carry him *home </i>
Story teller and	<i>He *took up the *boy in his *hands He *hurried not to be *late He *knocked many *times, ex *hausten *cold And *soon his *wife opened the gate</i>
Woodcutter's wife	<i>- My *goodness! What's *that? </i>
Woodcutter 2	<i>- It's a *boy, little *child! I've *found him in the *forest. </i>
Woodcutter's wife Well	<i>- *Take it *away! *We have our *own kids!</i>
Woodcutter 2	<i>- *let me be *honest:</i>
Woodcutter 2 *sky	<i>- It's a *star child, it fell from the - In a *white *coat shining with *gold </i>
Woodcutter's wife it here. We 're	<i>- *Take it a *way! We *can 't keep *poor and too *old.</i>

Woodcutter 2
away

- *How can I *send this child

*on such a *cold | *winter *night? |
I will *stand here, my darling, and *wait, |
I hope | you *change your *mind. |*

Woodcutter's wife

*- *Oh, all *right, | c*lose the *door |
it's *getting *cold. Now, *close the *door! |
*Look at this *pretty *darling! |
He's *what we 're *looking for! |||*

This rhythmic model is an illustration example of the verbal context restructured, with the focus on the characters key words, accentuation relevant for the character portrayal, specific time intervals that mark the cells of the rhythmic grid. This arrangement of the lexics exposes the efficient frequency of phonemic recurrence and the syllabic chains, provides for the appropriate vocalic and consonantal modification of the verbal context in terms of timing and production specifics.

Thus, great aid in this field of pronunciation teaching can come from rhythmic modelling. This methodology is sure to become increasingly popular among teachers of English. Nobody would want to deny the fact that teaching English through rhythmic modelling will help learners to get an awareness of the production specifics and a concrete idea of their progress. This method is sure to work well even with students who have difficulties perceiving and articulating sounds, both vowels and consonants alike. One will be able to feel a clear improvement in both actual segmental and suprasegmental proper contextual realization. This study, in line with other new technologies opens exciting perspectives for efficient teaching and learning. Thus, rhythmicality is viewed as a cognitively grounded way and a relevant technique for the meaningful discourse processing in the classroom.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурденюк, Г. М. Ритмопедия в обучении иностранным языкам. / С. В. Бурденюк. — Кишинеv: Штиница. — 1985 — 128 с.
2. Прокопенко, С. В. Смысловая функция ритма в тексте: 10.02.20 : дис. ... канд. филол. наук / Прокопенко Светлана Васильевна. — М. 1995. — 258 с.
3. Brazil, D. Designing an Integrated Pronunciation Course / D/ Brazil // Newsletter of the IATE FL Pronunciation Special Interest Group. — Kent G.B. N. 17. — 1996. — P. 12–17.

4. Busa, Maria Grazia. Teaching English Pronunciation: New Tools and Methods. / Maria Grazia Busa // Філологічні Науки (Мовознавство). – В.96(2). – Кіровоград. – 2011. – С. 228–232.
5. Dvorzhetska, M. P. Rhetorical Phonetics in Speech Communication / M. P. Dvorzhetska // Cognitive / Communicative Aspects of English. – Cherkasy. 1999. – P. 89–90.
6. Lieberman, P. The Acquisition of Intonation by Infants: Psychology and Neural Control / P. Lieberman // Intonation in Discourse. – London: Groom Helm, 1986. – P. 239–257.
7. Raddil-Veis, T. The Progress of Biological and Medical Cybernetics / Raddil-Veis T., Bogdanetsky Z., Bozhkov V. – Moscow., 1984 – 215 p.
8. The New Oxford American Dictionary. 3 ed. – Oxford : Oxford University Press Inc., 2010. – 585 p.
9. Ukhtomsky, A. A. A Dominant as a Work Concept of the Nerve Centres / A. A. Ukhtomsky. – Moscow., V.1. – 1980. – 258 p.
10. Wilde, O. The Happy Prince and Other Stories / O. Wilde. – Ladybird Books Longborough Leicestershire, England. – 1990. – 50 p.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А. Ритм как фактор оптимизации обучения иностранному языку.

В статье рассматривается проблема обучения английскому языку с использованием методики ритмического моделирования. Обосновывается роль ритма как супraseгментного явления и устанавливается специфика ритмопедического моделирования. Апробирована техника ритмизации разноуровневых единиц в процессе обучения английскому языку с учётом психо-физиологических особенностей речи и определён механизм ритмостимуляции. Разработана иллюстративная синкопированная модель англоязычного дискурса.

Ключевые слова: ритм, ритмостимуляция, дискурс, интенсификация, моделирование.

SUMMARY

Shtakina L. A. Rhythm as Optimality Factor in Foreign Language Teaching.

The article highlights the role of rhythmicality technique as an effective means of teaching English. As a suprasegmental phenomenon rhythm is considered with the focus on psycho-physiological specifics of speech. The mechanism of rhythmostimulation has been identified within the framework of the lingual units periodicity. The technique

of selecting key words for prominence proved to be relevant for the meaningful discourse processing. The illustrious rhythmic syncopated model has been worked out to prove the evidence of rhythmopedic modelling.

Key words: rhythm, rhythmostimulation, discourse, intensification, modelling.

*Н. А. Ясинецкая
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.44

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Термин «языковая личность» (нем. sprachliche Persönlichkeit) впервые появился в книге немецкого языковеда Й.Л. Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» (нем. Muttersprache und Geistesbildung) (1929). В отечественном языкознании его впервые использовал В.В. Виноградов в своей работе «О художественной прозе» (1930). Однако научное определение термина появилось только в 1980-х годах в трудах Ю.Н. Караулова, который определил его как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психические, и этические, и социальные и другие компоненты, но преломлённый через её язык, её дискурс» [6, с. 86].

Ю.Н. Караулов выделил три уровня в структуре языковой личности: 1) вербально-семантический (уровень освоения системы языка); 2) когнитивный (уровень сформированности картины мира); 3) прагматический (уровень мотивационных, целевых и оценочных проявлений речевой деятельности). Языковая личность человека характеризуется на основе анализа созданных им текстов с точки зрения использования системных средств данного языка для отражения окружающей действительности и для достижения поставленных коммуникативных целей [4]. Формируется языковая личность в процессе практического освоения и применения средств языка для создания собственной картины мира и общения с другими носителями языка.

В современной лингвистике стал популярным и широко распространился термин «профессиональная языковая личность», который Е.И. Голованова определяет как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отражённых в свойствах его сознания,

поведения и деятельности» [3, с. 188]. В ряде работ представлены результаты исследования языковой личности, в частности, журналиста (А.П. Седых, Л.М. Бузинова); юриста (Г.В. Кубиц); будущего инженера (Г.В. Елохова, Л.А. Романенко); футбольного комментатора (Н.И. Гацура, Н.Н. Руль). Переводческий дискурс постоянно пересекается с другими дискурсами, а коммуникативное поведение переводчика в юридическом, медицинском, политическом, образовательном, туристическом или техническом дискурсах имеет свои специфические черты [11, с. 92].

Разные аспекты языковой личности переводчика и её влияние на процесс и качество перевода анализируют Н.Н. Лавринова [10], Д. Робинсон [13], А.Б. Бушев [2], И.П. Ремхе [12], В.И. Карасик [5], Л.В. Кушнина [9]. Цель нашего исследования – проанализировать на материале английского и русского языков, как сопоставительное изучение узкоспециальной терминологии способствует формированию необходимых профессиональных качеств и компетенций современного переводчика и становлению его языковой личности.

Наряду с термином «языковая личность» в языкознании также функционируют термины «метаязыковая личность», «дискурсивная личность». Е.В. Аликина неотъемлемыми качествами метаязыковой личности переводчика называет мультилингвальность, поликультурность, социоцентричность, толерантность, элитарность, устойчивость установок и оценок, развитость и открытость системы экстралингвистических знаний, владение переводоведческой терминологией и тезаурусом переводоведческого дискурса, обладание переводческим мировоззрением, переводческую интуицию и переводческую эрудицию. Исследователь справедливо отмечает, что формирование метаязыковой личности переводчика следует рассматривать как дидактическую цель обучения переводу [1, с. 17].

Характеристики языковой личности переводчика непосредственно связаны с его общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями. Классик отечественного переводоведения В.Н. Комиссаров выделяет языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую (техника перевода) и личностную компетенции переводчика [7]. Формирование необходимых переводческих компетенций происходит планомерно и последовательно в рамках подготовки будущих переводчиков. Профессиональная компетентность переводчика – интегративная характеристика личности специалиста, которая объединяет в себе лингвистические, профессионально-специализированные,

общекультурные, психологические и информационные компетенции, что позволяет переводчику осуществлять профессиональную деятельность на высоком уровне [14, с. 2].

В эпоху ускоренного научно-технического прогресса и быстрого обмена информацией растёт потребность адекватного перевода большого объёма научно-технических материалов. Знания и навыки в сфере научного и технического перевода являются неотъемлемой частью подготовки будущих специалистов и необходимы для обеспечения их конкурентоспособности на современном рынке труда. Обладание достаточным объёмом знаний и уровнем компетенций в сферах практического применения лингвистических знаний позволит будущим переводчикам беспрепятственно решать профессиональные задачи в учреждениях и на предприятиях народного хозяйства, а также проводить научно-исследовательскую работу.

Неотъемлемыми составляющими мастерства переводчика научных и технических текстов являются сформированные навыки сопоставительного исследования терминов-слов и терминологических словосочетаний, определения их структурных, семасиологических и функциональных особенностей и использования приёмов перевода и редактирования научно-технических текстов. Сопоставительное изучение терминологии способствует расширению словарного запаса, экстралингвистических знаний, развитию переводческой эрудиции и переводческой интуиции, а также повышению культурной компетентности переводчика.

Терминами являются слова и словосочетания, обозначающие специфические понятия и объекты, которыми оперируют специалисты определённой области науки или техники [8, с. 109]. Сопоставительное изучение специальной терминологии происходит в рамках ряда базовых переводческих дисциплин по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика, а также на занятиях по практике устной и письменной речи, сравнительной лексикологии, сравнительной стилистике и сравнительной типологии. Понимание студентами принципов организации и функционирования, осознание сходств и различий терминологических систем сопоставляемых языков, знание этимологии, деривационных моделей, понимание внутренней (семантической) структуры и в целом осмысленное восприятие терминов позволит им стать высококвалифицированными специалистами, органично сочетающими широкий научный кругозор с подлинным мастерством переводчика и высоким уровнем профессиональной подготовки.

Среди общих и специальных терминов много подлинных интернационализмов, что облегчает их восприятие, понимание и перевод, например: *bronchitis* – бронхит, *logarithm* – логарифм, *modem* – модем, *parallelepiped* – параллелепипед, *rheme* – рема, *scanner* – сканер, *vector* – вектор. Их узнавание, понимание и перевод не вызывают трудностей даже у начинающих переводчиков, и с ними практически не возникает ошибок. Кроме того, терминологические системы английского и русского языков изобилуют интернациональными деривационными морфемами, например: *infra*–*инфра* (*infrared*–*инфракрасный*), *macro*–*макро* (*macromolecule* – макромолекула, *macroporous* – макропористый), *multi*–*мульти*– (*multivalence* – мультивалентность), *poly*–*поли*– (*polychromatic* – полихроматический), *super*–*супер*– (*superpolymer* – суперполимер), *hyper*–*гипер*– (*hyperactivity* – гиперактивность), *ultra*–*ультра*– (*ultrasonic* – ультразвуковой).

При сопоставительном анализе терминологии внимание следует уделить производным терминам, деривационные морфемы в составе которых могут иметь разные эквиваленты в другом языке, например: *equi*– (от *equal* «равный») – экви– (*equimolar* – эквимольный, *equivalent* – эквивалентный) и равно– (*equilateral* – равносторонний, *equivalent* – равнозначный). Приставке *sub*– (“under”, “below”, “beneath”; “slightly”, “imperfectly”, “nearly”) в русском языке соответствуют такие приставки как суб– (*subcontinent* – субконтинент, *subtropical* – субтропический, *subclass* – подкласс, *subtitles* – субтитры) и под– (*subordination* – подчинение, *subdivision* – подразделение), однако в названии оружия *submachine gun* приставка не переводится приставкой, а термин передаётся при помощи устоявшегося конкретизирующего эквивалента пистолет-пулемёт. Сформированные навыки предпереводческого анализа помогают выявить случаи структурных расхождений терминов и являются неотъемлемой составляющей профессиональной компетенции переводчика.

Сопоставительное изучение деривации терминов позволяет будущему переводчику не только понять как образуются термины в разных языках, но и улучшить свои навыки анализа и синтеза информации, что важно при работе с текстами на разных языках. Он учится быстрее и эффективнее находить необходимые соответствия и правильно интерпретировать значения терминов, что обеспечивает качество его переводов и помогает ему стать более компетентным специалистом в области перевода научно-технических текстов.

Термины, кажущиеся, на первый взгляд, соответствиями, могут иметь совершенно разные значения. В таком случае,

речь идёт о псевдоинтернационализмах, или межъязыковых омонимах, с которыми нужно быть предельно осторожным, например: англ. *scenery* (театральная декорация; физико-географическое описание местности) и рус. сценарий (*scenario*); англ. *ammunition* – боеприпасы, снаряды, патроны; подрывные средства и рус. амуниция – *accouterments* «совокупность вещей, составляющих снаряжение военнослужащего».

В других же случаях термин может иметь более одного значения в одном из языков и, соответственно, в разных контекстах переводиться по-разному. Эти контексты могут быть из одной сферы, например: *medicine* – медицина и лекарственное средство. Или из разных, например: *reduction* – редукция «уменьшение, упрощение строения или исчезновение органов в связи с утратой их функций в процессе эволюции», вправление (*reduction of a dislocation* – вправление вывиха) и снижение (*price reduction* – снижение цен). Другие примеры: *code* – код (*barcode* – штрих-код) и свод законов, кодекс (*criminal code* – уголовный кодекс); *elementary* – элементарный (*elementary particle* – элементарная частица) и начальный (*elementary school* – начальная школа (в США)). Изучение полисемии терминов помогает переводчику увидеть многообразие значений, которые могут быть заключены в одном и том же слове или выражении в разных языках, позволяет учитывать тонкости и нюансы исходного текста и передавать их в переводе.

Для того, чтобы правильно определить значения термина в контексте и правильно его перевести, требуется такие составляющие языковой личности переводчика как эрудиция и переводческая интуиция. Сопоставительное изучение полисемии терминов помогает переводчику развить свои аналитические способности, способствует расширению языковой компетенции переводчика, повышению качества его работы, формированию профессиональной и эрудированной языковой личности.

Стоит быть внимательным и в отношении отдельных компонентов терминологических словосочетаний, имеющих среди прочих соответствия, не подходящие к данному контексту, например: *frigid* – метеор. холодный, ледяной; мед. фригидный (с пониженным половым влечением); психол. неспособный к эмоциям; однако *frigid zone* – геогр. полярная зона, арктический / антарктический пояс. Многие терминологические словосочетания имеют устоявшиеся эквиваленты, и не могут просто переводиться дословно, например: *polar bear* – белый медведь, *North star* – Полярная звезда, *safety pin* – английская булавка. Так же как нельзя перевести покомпонентно *phrase-book* как фразовая книга. Эрудиция, переводческая догадка и тщательный переводческий

анализ помогут определиться с выбором способа перевода и необходимой трансформацией, в результате чего переводчик получит реальное искомое соответствие – словарь идиом. Развитость системы экстралингвистических знаний и открытость к новым знаниям обеспечивают успешное выполнение переводчиком поставленных профессиональных задач и способствуют развитию в профессиональном плане.

Сравнение терминов выявляет схожесть деривационных моделей и соответствия-кальки в двух языках: *hard disk* – жёсткий диск, *floppy disk* – гибкий диск, *the theory of relativity* – теория относительности, *decimal fractions* – десятичные дроби, *horse power* – лошадиная сила и некоторые различия в структуре, в частности, разное количество компонентов в составе терминологических соответствий, например: *the law of gravitation* – закон всемирного тяготения, а также выявить термины, которые имеют только описательные соответствия в другом языке: *software* – программное обеспечение, компьютерная программа, *hardware* – приборное / аппаратное / компьютерное оборудование.

Начинающему переводчику необходимо помнить, что структура ряда терминов или их компонентов в одном из языков может быть более сложной, чем в другом, например: *air defence* – противовоздушная оборона, *particle board* – древесностружечная плита, *water fowl* – водоплавающая птица, *hip joint* – тазобедренный сустав, *water pipes* – водопроводные трубы, *shallow seas* – мелководные моря. Или эквивалентом слова в одном языке является словосочетание в другом, например: пейзажист – *landscape painter*, портретист – *portrait painter*, натюрморт – *still life*. Знание этой особенности и межъязыковых соответствий поможет качественно осуществлять как письменный, так и устный перевод, требующий высокой степени концентрации на поставленной задаче и умения справиться с ней в максимально сжатый срок.

Определённые трудности вызывает и перевод метафорически мотивированных терминов. Там, где наука раньше удовлетворялась «сухим» изложением фактов, используя минимум художественных средств, теперь укореняются новые образные формы, одной из которых является метафора. Она является одним из важных элементов моделирования мира. Научная метафора ориентирована на структуры рационального созерцания. Прагматическая функция номинативной метафоры заключается в специфическом видении определённого объекта.

Реализация метафорического значения проявляется в рамках контекста, что обуславливает его реляционный характер.

Например, слово *skirt*, в научно-техническом контексте имеет следующие значения: 1) юбка (поршня или изолятора); 2) полый цилиндр; 3) плинтус; 4) кромка (купола парашюта); 5) гибкая завеса (воздушной подушки СВП); 6) нижнее звено (ректификационной колонны); 7) ограждение (защитное); 8) кайма; кромка; 9) обойма (ламповой панели); 10) декоративная планка / накладка. Сопоставительное изучение терминов-метафор способствует осознанию переводчиком различий в языковых картинах мира и обогащает его понимание лингвистических аспектов межкультурной коммуникации.

В составе разных терминологических словосочетаний одна и та же номинативная метафора будет переводиться по-разному, например: *actuator arm* – приводной рычаг; *bridge arm* – опора моста (железнодорожного), плечо моста (измерительного); *arm of a crane* – стрела крана; *anchor arm* – рог якоря; *illuminated arm* – крыло с зажжённым сигнальным огнём (семафора); *motional arm* – динамическая ветвь; *wash arm* – моющий душ (посудомоечной машины). Номинативные метафоры важны в процессе восприятия и усвоения новой информации; однако нередко при переводе метафоры теряются или заменяются другими из-за несовпадения языковых картин мира.

Переводческая интуиция, углубление знаний в той или иной специальной сфере, совершенствование умений, развитие навыков анализа и перевода в процессе профессиональной подготовки помогают переводчику правильно выбрать способ перевода и ситуационное соответствие. Сопоставительное изучение терминологии имеет большое значение для формирования языковой личности переводчика, поскольку позволяет ему углублённо изучить различные аспекты языка и культуры и способствует формированию языковой и профессиональной переводческой компетенций.

Языковая личность переводчика формируется в процессе обучения и совершенствуется по мере приобретения опыта работы. Она выявляется в культурно-языковом пространстве, в котором переводчик выступает посредником и, соблюдая этические нормы, обеспечивает успешное достижение коммуникативных и прагматических целей и задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликина, Е. В. Переводчик как метаязыковая личность [Электронный ресурс] / Е. В. Аликина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4 (34): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 15–18. – Режим доступа : www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/2.html.

2. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика / А. Б. Бушев. – Тверь : Лаборатория деловой графики, 2010. – 265 с.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : Учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
4. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томск. гос. ун-та. – Томск : ТГУ, 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
5. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2015. – 383 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 326 с.
8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 255 с.
9. Кушнина, Л. В. Формирование элитарной языковой личности лингвиста-переводчика в процессе обучения письменному переводу / Л. В. Кушнина // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – Т. 8. – № 29. – С. 24–32.
10. Лавринова, Н. Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности / Н. Н. Лавринова // Аналитика культурологии. – 2005. – Вып. 1 (3).
11. Новикова, Э. Ю. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет / Э. Ю. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 90–102.
12. Ремхе, И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – С. 262–264.
13. Робинсон, Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон ; пер. с англ. – СПб. : КУДИЦ-ПРЕСС, 2007 – 304 с.
14. Серебрякова, С. В. К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика / С. В. Серебрякова, А. А. Серебряков // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Сер. 3 : Педагогика и психология. – 2012. – Вып. № 3. – С. 96–101.

АННОТАЦИЯ**Ясинецкая Н. А. Формирование языковой личности переводчика при сопоставительном изучении терминологии**

В данной статье рассматривается понятие «языковая личность» и подходы к определению терминов «профессиональная языковая личность» и «языковая личность переводчика». Автор анализирует формирующиеся у студентов компетенции, знания, навыки и умения в ходе сопоставительного изучения терминологии. Раскрывается роль изучения таких аспектов как деривация терминов, деривационные модели, многозначность, метафоричность и устоявшиеся эквиваленты терминов-слов и терминологических словосочетаний в формировании языковой личности будущего переводчика.

Ключевые слова: языковая личность, профессиональная языковая личность, языковая личность переводчика, терминология, профессиональные компетенции, лингвистические компетенции, переводческие компетенции.

SUMMARY**Yasinetskaya N. A. Forming the Translator's Linguistic Personality via Comparative Terminology Studies**

The article discusses the concept of linguistic personality and approaches to the definition of the terms “professional linguistic personality” and “linguistic personality of the translator”. The author analyzes the competencies, knowledge, skills, and abilities that students develop through the comparative study of terminology. The researcher reveals the role of studying such aspects as the derivation of terms, derivational models, polysemantic nature, metaphoricity, and constant equivalents of terminological words and phrases for the linguistic personality of the future translator.

Key words: linguistic personality, professional linguistic personality, translator's linguistic personality, terminology, professional competencies, linguistic competencies, translator's competencies.

*А. М. Авксентьева
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'367:070

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГолоВКОВ
СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

На сегодняшний день заголовок как компонент заголовочного комплекса современных интернет-изданий является предметом

многочисленных научных исследований в виду того, что тексты масс-медиа играют огромную роль в мире и оказывают большое влияние на адресата.

Как известно, заголовок, включенный в заголовочный комплекс наряду с рубрикой, надзаголовком, подзаголовком, лидом, представляет собой первый элемент текстовой публикации, который неразрывно с ней связан, и дает первичное представление о ее теме и содержании предлагаемого текста. Он направлен на привлечение внимания читателей и обладает такими характеристиками как лаконичность, содержательность, эмоциональность, экспрессивность. **Для придания заголовкам** структурной компактности, **информативности, убедительности и логичности используются** различные лексические, грамматические, синтаксические и стилистические средства, рассмотрение которых является, на наш взгляд, актуальным. Вопрос использования различных синтаксических структур и конструкций в составе заголовочных комплексов представляется нам недостаточно изученным и требующим детального рассмотрения. Целью данного исследования является анализ синтаксических особенностей заголовочных комплексов современных информационно-новостных интернет-изданий в функциональном аспекте. Данная группа текстов была выбрана нами для исследования не случайно. Именно для информационно-новостных текстов характерны такие особенности, как информационная насыщенность, краткость, субъективность изложения. По мнению Т. Г. Добросклонской, «именно новостные тексты в силу чрезвычайной устойчивости своей макро-и микроструктуры, а также в силу высокой степени повторяемости и многократной воспроизводимости, можно считать базовыми текстами массовой информации» [5, с. 57].

Материалом исследования послужили заголовки и заголовочные комплексы интернет-версии ежедневного издания «Российская газета». Выбор указанного материала обусловлен развитием современных технологий и возможностью оперативного подключения к электронным сетевым ресурсам, что определяет высокую скорость получения информации и обеспечивает популярность сетевых новостных изданий.

Вопрос о синтаксическом статусе заголовка рассматривался многими исследователями, так как, согласно мнению А. С. Подчасова, потенциальные возможности заголовка зависят от его синтаксической структуры [10, с. 5]. В научной литературе представлено несколько классификаций, посвященных особенностям синтаксических структур, используемых в позиции заголовка. Так, И. В. Арнольд в четком соответствии с уровнем

структурой языка выделяет заголовок-слово, заголовок-словосочетание (глагольное, именное или адъективное), заголовок-предложение (сочинительное или подчинительное), заголовок-инфинитивный либо причастный оборот [2, с. 232]. Ю. В. Пешкова выделяет номинативные заголовки, заголовки-двусоставные предложения, заголовки-вопросы и эллиптические заголовки [9, с. 147].

В нашем исследовании мы опираемся на структурную типологию заголовков, предложенную А. С. Поповым, который различает следующие его типы: 1) номинативные, 2) предикативные (глагольные), которые реализуют номинативную и информативную функции, 3) побудительные, направленные на актуализацию воздействующей функции. Рассмотрим эту типологию применительно к нашему материалу исследования.

Номинативный заголовок представляет собой номинативное предложение. В словаре лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой номинативное предложение определяется как «односоставное предложение, в котором сказуемое выражается именительным падежом существительного или количественно-именным сочетанием» [36, с. 270]. Следует отметить, что односоставные заголовки, представленные только одним именем существительным в именительном падеже, нами не были выявлены. Этот факт позволяет предположить, что данная модель заголовка нетипична для информационно-новостных русскоязычных текстов, так как она не обладает информационной насыщенностью.

В заголовках анализируемых интернет-изданий последовательно используются заголовки-именные словосочетания. Данные конструкции – это два имени существительных или существительное и прилагательное: «Сельский туризм» («Российская Газета», 30 мая 2021), «Ключи от сейфа» («Российская Газета», 12 декабря 2023), «Собственное имя» («Российская Газета», 05 декабря 2023). Использование таких заголовков позволяет кратко и лаконично проинформировать читателя о теме статьи, реализуя таким образом номинативную и информационную функции.

Предикативный, или глагольный заголовок, выраженный полным двусоставным предложением, является более характерной структурой для англоязычных и русскоязычных публикаций. Он позволяет в полном объеме описать ситуацию, ставшую предметом новости. Так, согласно мнению Н. Е. Бахарева, «в то время как заголовки-словосочетания лишь обрисовывают тематику и проблематику всего текста, заголовки-предложения

подробно информируют читателя» [4, с. 8]. В качестве примера, содержащего подобную синтаксическую структуру, рассмотрим следующий заголовок: «Цифра приносит плоды» («Российская Газета», 30 мая 2021). Следует отметить, что такой тип заголовков представлен глаголами изъясительного наклонения настоящего времени третьего лица единственного или множественного числа. Данная конструкция не только обеспечивает реальность сообщаемой информации, но, называя события, подчеркивает их актуальность, которая не утрачена к моменту создания публикации. Обратимся к следующему примеру, который иллюстрирует данную особенность: «Слова Зеленского о Второй мировой войне переходят все границы» («Российская Газета», 30 января 2020). Проанализированное полное двусоставное предложение – это, как правило, простое предложение, которые отличается краткостью, выразительностью и эксплицитностью. В свою очередь, сложные предложения реже используются в качестве заголовка. Они употребляются в тех случаях, когда необходимая информация, выносимая автором в заголовки, не укладывается в рамки монопредикативной конструкции. Например: «Власти Оклахомы установили премию в 3 млн долларов тому, кто поймает йети» («Российская Газета», 30 мая 2021).

Также отметим, что в заголовках может использоваться несколько предложений: «Прощание с жизнью на воде. Начало счастливой жизни на суше обитателей джонок из провинции Фуцзянь» («Российская Газета», 31 мая 2021). По мнению Х. О. Рахимова, «наращивание синтаксической структуры заголовка от слова к предложению и сложному синтаксическому целому связано со стремлением снятия полисемии – чем объемнее становится структура заголовка, тем больше усиливается его информативность» [12, с. 133]. Однако другие исследователи отмечают, что сложные предложения и последовательность простых занимают много места и требуют больше усилий при чтении, являются более расплывчатыми, менее экспрессивными, в них трудно вычленить главное [6, с. 85]. Вслед за М. Ю. Казак, мы считаем, что современные масс-медиа характеризуются упрощением синтаксических конструкций, употреблением простых и, как правило, нераспространенных предложений [7, с. 69]. Громоздкость сложных предложений в составе заголовочных комплексов обуславливает их низкую частотность.

Как было сказано выше, в составе заголовочных комплексов используются конструкции побудительного характера, которые реализуют воздействующую функцию. А. С. Попов называет эти заголовки побудительными и отмечает, что «высокой

степенью выразительности обладают также заголовки, имеющие форму побудительных предложений, а также побудительные предложения, включающие обращения, так как эти конструкции рассчитаны на непосредственное воздействие на читателя» [11, с. 97]. Например, «Алло, Европа! Там тоже дети!», «На север!» («Российская Газета», 27 мая 2021). Однако следует отметить низкую частотность заголовков-восклицаний в масс-медийном информационно-новостном интернет-дискурсе. Данная особенность указывает на то, что для данного рода текстов характерно употребление нейтрального стиля изложения. В тоже время ограниченное употребление побудительных предложений усиливает их воздействующий эффект, делает заголовок уникальным и броским.

Ещё одним способом воздействия на читателей является употребление в составе заголовков вопросительных предложений, что позволяет создать иллюзию общения адресанта и адресата. При этом наиболее частотными являются заголовки, представленные специальными, общими и риторическими вопросами. Например, «Что подарят за укол?» («Российская Газета», 03 июня 2021).

Помимо актуализации номинативной, информативной и воздействующей функции заголовков, которые различает А. С. Попов, мы выделяем рекламную и оценочную функции, реализуемые с помощью определенных синтаксических структур.

Как известно, рекламная функция – это функция привлечения внимания читателей. Д. Э. Розенталь отмечает, что «одним из основных эффектов привлечения внимания читателей к публикации является использование эллиптических заголовков, а также заголовков, которые обладают некоторой эллиптичностью» [13, с. 209]. Широкое распространение эллиптических заголовков среди заголовков масс-медийных текстов обусловлено тем, данные конструкции являются лаконичными и содержательными, используя при этом наименьшее количество языковых средств, что позволяет выделить наиболее важные элементы сообщения. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией Н. В. Ярцевой находим следующее определение: «эллипсис – это пропуск в речи или тексте подразумеваемой речевой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции» [8]. Таким образом, экономия языковых средств в заголовке достигается за счет пропуска тех слов, которые могут быть логически восполнены из текста или известны читателю.

Среди эллиптических моделей заголовков русскоязычного интернет-издания «Российская газета» следует отметить пропуск сказуемого или его компонента. Так, в заголовке «Мир в ожидании» («Российская Газета», 30 мая 2021) мы

видим отсутствие сказуемого. Подобные синтаксические модели *позволяют обеспечивать компрессию информации и выдвигают на первый план семантически значимые компоненты.*

Кроме того, функцию привлечения внимания в заголовках может выполнять парцелляция. Она заключается в «членении структуры предложения на несколько интонационно-обособленных частей в целях создания определенных эффектов» [1, с. 68]. При этом отдельные части заголовка следуют друг за другом после паузы, которая обозначается точкой или двоеточием. В заголовках такого типа парцеллированная часть передает уточняющую или дополнительную информацию. Данный прием встречаем в следующем заголовке: «Даниил Медведев снова поскандалил со зрителями. На этот раз в Париже» («Российская Газета», 02 ноября 2023). Приведенный пример показывает, что парцеллированная часть заголовка обладает лаконичностью и содержит основную семантику высказывания.

Оценочная функция заголовка направлена на формирование определенных оценочных стереотипов. Выражение положительного или отрицательного отношения к сообщаемой информации реализуется при помощи синтаксических повторов и инверсии: «В офисном здании на северо-востоке Китая прогремел взрыв» («Российская Газета», 03 июня 2021), восклицательных предложений, риторических вопросов.

Следует отметить, что в некоторых случаях одна синтаксическая структура в заголовке реализует несколько функций. Эта особенность обусловлена тем, что важной характеристикой заголовка является его полифункциональность, которая подчеркивается многими исследователями (Н. А. Кожина, Э. А. Лазарева, В. С. Мужев, Л. А. Ноздрина). Так, благодаря инверсии в заголовке «Во Флориде до четырех увеличилось число жертв крушения пожарного вертолета» («Российская Газета», 27 мая 2021), акцентируется внимание на количестве пострадавших и подчеркиваются трагические последствия называемого события. Тем самым реализуется оценочная и номинативная функции данной структуры.

В свою очередь, эллиптическое построение заголовка и наряду с одновременным использованием вопросительного и восклицательного предложения в заголовке «Проблемы? В реестр!» привлекает внимание (то есть реализует рекламную функцию) и позволяет сформировать отношение к вопросу создания реестра проблем, с которыми сталкиваются российские бизнесмены.

Таким образом, синтаксическая структура заголовков масс-медиа зависит от выполняемых ими функций, среди которых следует отметить номинативную, информативную, воздействующую, рекламную и оценочную функции. В ходе анализа выявлено, что номинативная и информативная функции реализуются благодаря употреблению односоставных именных предложений, которые кратко информируют читателя о теме статьи, и полных двусоставных предложений, с помощью которых подробно описывается определенная ситуация. В свою очередь, сложные предложения и последовательность простых в составе заголовков являются менее употребляемыми, что иллюстрирует упрощение синтаксических конструкций в современных масс-медиа. Заголовки, выраженные побудительными, восклицательными и вопросительными предложениями, направлены на реализацию воздействующей функции, в то время как рекламная функция реализуется с помощью эллиптических и парцеллированных конструкций, которые позволяют выделить наиболее важные элементы сообщения, и фокусируют на себе внимание. Синтаксические повторы, инверсия, модальность направлены на формирование определенных оценочных стереотипов и реализацию оценочной функции. Кроме того, полифункциональность заголовка обуславливает способность одной синтаксической структуры реализовывать несколько функций одновременно. Однако эта проблема требует детального рассмотрения, что и будет сделано нами в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка) / О.В. Александрова – Москва: Высшая школа, 1984. – 212 с.
2. Арнольд, И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999. – С. 222-238.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва, 1969. – 608 с.
4. Бахарев, Н.Е. Структурно-функциональное развитие заголовков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Е. Бахарев. – Алма-Ата, 1971. – 26 с.
5. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов : опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – Москва, 2005. – 286 с.
6. Житенева, Л.И. «Газетность» – примета стиля // Русская речь. – М., 1984. – С. 85-89.

7. Казак, М.Ю. Язык газеты: Учебное пособие / М.Ю. Казак. – Белгород : ИД Белгород, 2012. – 120 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/592a.html> (Дата обращения 24.06.2023).
9. Пешкова, Ю. В. Взаимосвязь синтаксической структуры и функций заголовков немецких новостных текстов / Ю.В. Пешкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011. – №1. – С.147–150.
10. Подчасов, А.С. Функционально-стилистические особенности газетных заголовков : на материале российских и британских газет второй половины 1980 – 1990 годов. Синтаксический аспект : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подчасов. – Москва, 2001. – 187 с.
11. Попов, А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие / А.С. Попов // Разв. синтаксиса совр. рус. яз. – Москва, 1966. – С. 95–126.
12. Рахимов Х.О. О заголовочном комплексе в художественных репортажах / Х.О. Рахимов // Сборник науч. трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 141 : Лингвистика текста. – М., 1979. – С. 129–137.
13. Розенталь Д.Э. Стилистика газетных жанров / Д.Э. Розенталь. – Москва, 1981. – 230 с.

АННОТАЦИЯ

Авксентьева А. М. Синтаксические особенности заголовков современных масс-медиа: функциональный аспект

Статья посвящена рассмотрению синтаксических особенностей заголовка как компонента заголовочного комплекса современных масс-медиа в функциональном аспекте. В предпринятом исследовании описывается использование различных синтаксических структур и конструкций в составе заголовочных комплексов современных информационно-новостных интернет-изданий. Материалом для исследования послужили заголовки и заголовочные комплексы интернет-версии ежедневного издания «Российская газета».

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, синтаксическая структура, функция, масс-медиа.

SUMMARY

Avksenteva A. M. Syntactic Peculiarities of Modern Mass-media Headlines: Functional Aspect

The article touches upon the syntactic peculiarities of modern mass-media headlines with an emphasis put on their functions. The research

deals with the usage of different syntactic structures in the headlines and headline complexes of the modern daily internet-versions of quality press. The basis for the research is headlines taken from the daily internet-version of quality press “The Russian Newspaper”.

Key words: headline, headline complex, syntactic structure, function, mass-media.

О. И. Баранова
(г. Горловка, РФ)

УДК 81'246.2.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕССОВ УПОДОБЛЕНИЯ ЗВУКОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цель нашей статьи – показать особенности процессов ассимиляции и аккомодации в английском и русском языках. Как уже известно, в связной речи звуки, взаимодействуя в составе слова и на стыке слов, оказывают влияние или подвергаются влиянию соседних звуков, в результате чего изменяются их артикуляционные черты. Процессы эти многочисленны и многообразны, поэтому при обучении иностранному языку следует в первую очередь обратить внимание на наиболее типичные для изучаемого языка явления. Целесообразным представляется также обучение фонетическим процессам, типичным для изучаемого языка, в сравнении с аналогичными процессами, характерными для родного языка. Кроме того, важно обратить внимание учащихся на процессы, встречающиеся в изучаемом языке, но чуждые для родного, равно как и на отсутствие в иностранном языке взаимодействия звуков в тех звукосочетаниях и позициях, в которых в родном языке звуки оказывают взаимное влияние, изменяя артикуляционные черты друг друга.

Для выявления вышеупомянутых особенностей в английской связной речи в сравнении с русским языком были подвергнуты аудитивному анализу 50 диалогов серии «Говори правильно» К. Мортимера. Данные диалоги принадлежат к жанру учебных диалогов, на материале которых обучают не только навыкам диалогической речи, но и произносительным навыкам английского языка. В процессе работы над диалогами выяснилось, что анализируемые диалоги принадлежат к неофициальному непринуждённому и неофициальному фамилльярному подстилям, причем первая группа диалогов составила около 52% от общего числа ассимиляций и аккомодаций как в английском,

так и в русском варианте диалогов, а вторая – примерно 48%. Как оказалось, диалоги, относящиеся к неофициальному непринуждённому подстилю, содержат 52% от общего числа ассимиляций и аккомодаций, как в английском, так и в русском варианте диалогов, а вторая группа – 48%. Это объясняется тем, что в диалогах, предназначенных для обучения нормативному произнесению, не встречаются случаи необязательной ассимиляции, появление обязательной ассимиляции, как и аккомодации, обусловлены звуковой структурой диалогов и фонетическими закономерностями, маркирующими английский и русский языки. Как в английском, так и в русском языке в анализируемых диалогах встречаются лишь контактная консонантическая ассимиляция. По направлению преобладает регрессивный тип ассимиляции, который обладает большей степенью рекуррентности как в английском, так и в русском языке – 65% и 73% соответственно. Вторым по частотности является прогрессивный тип ассимиляции, обладающий в английском языке малой степенью рекуррентности – 21,5%, а в русском языке минимальной степенью рекуррентности – 16% от общего числа ассимиляций в русском варианте диалогов; затем следует взаимная ассимиляция, обладающая в обоих языках минимальной степенью рекуррентности – 13,5% и 11% соответственно.

В английском варианте диалога встречается 43 случая ассимиляции, в том числе 34 – регрессивной, 4 – прогрессивной и 5 – взаимной. В русском варианте встречается лишь 12 случаев ассимиляции, в том числе 10 – регрессивной и 2 – взаимной. Анализируемый диалог подтверждает также тот факт, что ассимилятивные процессы в английской связной речи по сравнению с русским языком обладают большей степенью рекуррентности.

По степени уподобления преобладает частичная ассимиляция. В английском языке этот тип обладает максимальной степенью рекуррентности и составляет 98% от общего числа; в русском языке – средней степенью рекуррентности (49,5%). Промежуточная ассимиляция в английском языке обладает минимальной степенью рекуррентности (2%) в отличие от русского языка, где этот тип обладает средней степенью рекуррентности и составляет около 47%. Полная ассимиляция в английском языке встречается очень редко, а в русском языке составляет 3,5% от общего числа (минимальная степень рекуррентности). Так, в вышеприведённом диалоге в английском варианте все ассимиляции являются частичными, а в русском из 12 лишь 3 относятся к промежуточному типу.

По времени как в английском, так и в русском языке максимальной степенью рекуррентности обладает контекстуальная ассимиляция (около 99%), причем среди регрессивных и взаимных ассимиляций большой степенью рекуррентности обладает собственно контекстуальный подтип, а среди прогрессивных ассимиляций – контекстуально-исторический. Что касается исторической ассимиляции, то в английских диалогах этот тип представлен лишь двумя словами – *question* и *feet*.

Среди всех артикуляционных черт наиболее часто ассимилятивному воздействию подвергается способ артикуляции звуков.

Ассимиляции, влияющие на способ артикуляции звуков, обладают большой степенью рекуррентности в английском языке (65% от общего числа ассимиляций), в русском языке данный тип обладает малой степенью рекуррентности (33%).

В английском языке наиболее рекуррентными являются случаи появления бокового, носового и особенно фрикативного взрывов, а также потеря взрыва при соположении двух смычно-взрывных согласных, например: *That terrible black cat outside; that modern model; Good night, Betty; carrots perhaps*.

В большей части английских диалогов встречаются также случаи потери аспирации глухими взрывными согласными, следующими за звуком [s], например: *Mr Sparrow, just, stay, passed*. Интересно заметить, что в русском языке в сочетании [тс] происходит слияние рекурсии первого согласного и экскурсии второго, вследствие чего смычный заменяется аффрикатой, то есть возникает сочетание [цс] либо просто [ц], например: [пъпрва\`аць] *поправляться*, [нрав\`иць] *нравится*. Ассимиляции по способу артикуляции в русском языке также часто имеют место в сочетаниях [дн], [тн], [бм], [пм], [нд], [кт], [нр], например: [кто] *кто*, [сва\`боднъ] *свободно*, [нравиць] *нравится*. Ассимиляции, влияющие на место артикуляции звуков в английском и русском языках обладают минимальной степенью рекуррентности – 20% и 17% соответственно. В английском языке этот тип ассимиляции наиболее часто встречается в сочетаниях переднеязычных альвеолярных согласных с межзубными [θ], [ð], например: *is this, at the, in that, and there, don't think, till they*.

В русском языке наиболее подвержены ассимиляции по месту артикуляции звуков дорсальные [т], [д], особенно в сочетании с боковым [л] и какуминальными [ш], [ж], [р]: трое, тот же. Ассимиляции, влияющие на работу голосовых связок и силу артикуляции звуков, в английском языке обладают минимальной степенью рекуррентности и составляют 14% от общего числа

ассимиляций, в то время как в русском языке соответствующий тип ассимиляции составляет около 31%, то есть обладает малой степенью рекуррентности, например: *весь день, в красном, подходит*.

В английском языке наиболее распространённым является оглушение сонорных [m], [l], [w], следующих за [t], [p], [s], [k], как в словах *please, question*, а также оглушение сонанта [r] в сочетании с глухими согласными. Степень оглушения [r] зависит не только от глухих согласных, воздействующих на него, но и от позиционных условий. Так, в ударном слоге после [t, p, k] сонант [r] оглушается полностью, например: *try, prey*; в другой позиции он оглушается лишь частично, например: *at rest, pronounce*.

Как уже указывалось, типичной для английского языка является также ассимиляция, влияющая на положение губ при произнесении согласных. Для этого языка характерно уподобление согласных [t], [k], [s], [d] следующему за ними губно-губному сонанту [w], например: *twenty, that's why*.

В отличие от английского языка, для которого палатализация не является характерной (английские согласные могут подвергаться палатализации лишь в результате аккомодации – воздействия гласного переднего ряда), в русском языке ассимиляция по твердости-мягкости, результатом которых является палатализация согласных, составляют 19% от общего числа ассимиляций, то есть обладают минимальной степенью рекуррентности.

При обучении английскому литературному произношению следует уделять должное внимание взаимной ассимиляции, тем более что некоторые случаи, наиболее типичные, можно встретить в любом диалоге, принадлежащем разговорному стилю. Наиболее распространёнными являются ассимиляции, имеющие место на стыке редуцированных форм вспомогательных глаголов *is, has* и местоимений *it, that, what, it's, that's, what's*.

В целом, проведённый количественный анализ действия ассимилятивных тенденций в современном английском языке в сравнении с русским языком свидетельствует о том, что ассимилятивные процессы в рассматриваемых языках имеют как общие черты, так и существенные различия. С одной стороны, и в английском, и в русском языке общее число ассимиляций в анализируемых диалогах при соблюдении норм орфоэпии определяется звуковой структурой данных диалогов и характерными для описываемых языков фонетическими закономерностями соединения звуков-фонем в составе больших фонетических единиц. В данных языках преобладает регрессивная консонантическая контактная контекстуальная ассимиляция. Как

известно, образование оттенков согласных фонем в потоке речи связано с комбинаторным воздействием соседних звуков и (в меньшей степени) с позиционными условиями. В русском языке позиция взаимодействующих звуков оказывает гораздо большее влияние на результат взаимодействия согласных, так как в русском языке вообще позиционные модификации и чередования фонем более распространены и имеют большее значение.

Несмотря на то, что в процентном соотношении и в английском, и в русском языке преобладает частичная ассимиляция – 98% и 49,5% соответственно, в английском языке большинство ассимиляций приводит к аллофонной модификации (те же 98%), а в русском языке промежуточные и полные ассимиляции (47% и 3,5% соответственно, то есть 50,5% от общего числа) приводят к живым межфонемным чередованиям.

Наиболее распространенным звуко сочетанием можно считать сочетание одного или нескольких согласных и гласного. Проведённый количественный анализ действия процессов уподобления в английских и русских учебных диалогах показал значительное количественное преобладание процессов аккомодации над ассимилятивными процессами. Так, в английских диалогах от общего числа уподоблений ассимиляция составляет 28%, а аккомодация 72%, то есть ассимиляция обладает малой степенью рекуррентности, а аккомодация – большой. В русских вариантах диалогов соотношение несколько иное: ассимиляция составляет всего 16%, а аккомодация – 84%, то есть первая обладает минимальной степенью рекуррентности, а аккомодация – максимальной.

Процессы аккомодации в английском и русском языках отличаются по многим другим параметрам. Так, в английском языке характер согласного звука, как правило, существенно зависит от последующего и менее от предыдущего гласного, что объясняется явлением предвосхищения артикуляции. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о преобладании в английском языке регрессивного типа аккомодации (62%, большая степень рекуррентности). Для русского языка также характерна тесная связанность согласного с последующим гласным и, наоборот, слабое примыкание согласного к предшествующему гласному. Но для русского языка более характерным является влияние согласного на гласный, поэтому здесь преобладает прогрессивный тип аккомодации (68,2%, большая степень рекуррентности).

С другой стороны, процессы уподобления в русском языке, являясь комбинаторными, во многом зависят от позиционных условий. Для процессов аккомодации в русском

языке особенно важно расположение взаимодействующих звуков. По отношению к ударному слогу. Так, процессы аккомодации, имеющие место в ударном слоге, составляют 87% и обладают максимальной степенью рекуррентности, в то время как аккомодации в безударной позиции составляют всего 13% (минимальная степень рекуррентности).

Обобщив результаты аудитивного и количественного анализа действия процессов уподобления звуков в английском и русском языках можно сделать следующие выводы: процессы уподобления в английском и русском языках имеют ряд общих черт, а именно:

1) общее число данных фонетических процессов при соблюдении норм орфоэпии определяется звуковой структурой диалогов и характерными для описываемых языков фонетическими закономерностями соединения звуков - фонем в составе больших фонетических единиц;

2) по количественным показателям в обоих языках процессы аккомодации значительно преобладают над ассимилятивными процессами;

3) как в английском, так и в русском языке преобладает прогрессивная консонантическая контактная контекстуальная ассимиляция.

Действие процессов звукового уподобления в английском и русском языках имеет ряд существенных различий:

1) в русском языке позиция взаимодействующих звуков оказывает гораздо большее влияние на результат взаимодействия звуков, так как в русском языке вообще позиционные модификации фонем распространены и имеют большее значение;

2) в английском языке большинство ассимиляций приводит к межаллофонным чередованиям, в отличие от русского языка, где результатом более половины ассимилятивных процессов являются межфонемные чередования;

3) в отличие от английского языка, где аккомодация является, как правило, либо прогрессивно, либо регрессивно направленной, для русского характерен также взаимный тип аккомодации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурая, Е. А. фонетика современного английского языка. Теоретический курс / Е. А. Бурая, Н. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. – М., 2006. – 150 с.
2. Витлин, Ж. А. Современные проблемы обучения грамматике иностранных языков / Ж. А. Витлин // Иностранные языки в школе. – 2000. – №5. – С. 22.

3. Грязнова, Н. А. Ассимиляция / Н. А. Грязнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 48.
4. Даниэль Джоунз. Словарь английского произношения / Джоунз Даниэль. – М., 1965. – С. 15–19, 31–32.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Особенности действия процессов уподобления звуков в английском и русском языках.

Статья посвящена процессам уподобления звуков в английском и русском языках.

Ключевые слова: регрессивная ассимиляция, прогрессивная ассимиляция, взаимная ассимиляция, орфоэпическое произношение.

SUMMARY

Baranova O. I. The Peculiarities of Assimilation and Accommodation Processes in English and Russian

The peculiarities of assimilation and accommodation processes in English and Russian are analysed in the article as well as the influence of these processes on the developing of RP.

Key words: regressive articulation, progressive assimilation, double assimilation, RD.

*А. В. Дзис
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.373.21(075)

МОТИВЫ НАИМЕНОВАНИЯ И ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ АДРЕСНЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРЛОВКИ

Годонимы являются одним из наиболее распространённых разрядов топонимов, а вопрос наименования и переименования занимает особую роль и способствует развитию изучения данного подкласса имён собственных.

Цель статьи – описание процесса наименования и переименования линейных адресных объектов города Горловки, а также их мотивов.

Материалом исследования являются факты наименования и переименования линейных адресных объектов г. Горловки, полученные из Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Наименование линейного адресного объекта (первонаименование, имя, название) – это компонент термина-

описания, обозначающего некоторые категории, оним' [5, с. 88]. Годонимия определённого города формируется в процессе строительства и архитектурной застройки. Исходя из архивных данных, застройка города Горловки начинается в послевоенное время (примерно с 1947 г.). Активное же наименование линейных адресных объектов наблюдается в 1952-1954 гг. Несмотря на то, что застройка г. Горловки берёт начало приблизительно в 50-х гг. XX в., мы также находим информацию о наименованиях линейных адресных объектов в архивных документах, датированных 1981 г. Например, Решением Горловского горисполкома №212 от 27.05.1978 г. наименованы ул. Луи Пастера, ул. Нины Сагайдак и ул. Руданского, а Решением Горловского горисполкома №365 от 18.11.1981 г. – ул. Магистральная.

Наименование и переименование линейных адресных объектов носит исторический, культурный и политический характер. Основу переименования линейного адресного объекта, как и наименования, составляет его мотив. Так, одним из мотивов наименования линейных адресных объектов г. Горловки выступает отвод земельного участка под индивидуальное строительство на определённой территории (данный мотив отображён в названии Решения Горловского горисполкома №468 от 12.09.1953 г. «Об отводе земельного участка под индивидуальное строительство на посёлке шахты Румянцева»). Вышеуказанным Решением в Никитовском районе г. Горловки наименованы ул. Маяковского, ул. Павлова, ул. Поперечная, ул. Свердлова, ул. Советская, ул. Школьная. К примерам наименования линейных адресных объектов с вышеуказанной мотивацией также относится Решение Горловского горисполкома №466 от 12.09.1953 г. «Об отводе земельного участка под индивидуальное строительство на посёлке 4-5 «Никитовка»». Вышеуказанным Решением в 1953 г. наименованы ул. Богдана Хмельницкого, пер. Витебский, ул. Кренкеля, ул. Любы Шевцовой.

Целесообразно отметить, что нередко в период застройки города в случае строительства социально или культурно значимого объекта возникала необходимость изъятия излишков земельной площади у граждан. Это один из мотивов наименования линейных адресных объектов г. Горловки. Так, Решением Горловского городского Совета депутатов трудящихся №106 от 03.02.1954 г. «Об отрезке излишков земельной площади у граждан, проживающих в посёлке Зайцево и квартале, ограниченном улицами Калинина и Артёма» «вновь образованную улицу именовать именем Александра Невского» [7]. В свою очередь, Решением Исполкома Горловского городского Совета депутатов трудящихся №206 от 22.04.1953 г. «Об изъятии излишков

площади земельных участков у индивидуальных застройщиков в кварталах 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128 и 129 пос. шахты им. Калинина» вновь образованные улицы именовать ул. им. Ермака, ул. им. Спартака и ул. им. Ивана Федорова.

Термин переименование зафиксирован Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» и обозначает замену данного имени объекта другим [5, с. 110]. Н. В. Подольская при написании словарной статьи обращает внимание на то, что действующий термин не может быть использован в отношении к классу антропонимов (в этом случае необходимо употреблять термин смена имени) [5, с. 122]. В свою очередь, термин переименование встречается в работах Р. В. Разумова и С. А. Попова. Исследователи, вслед за Л. В. Голомидовой, отмечают, что переименование – это процесс искусственной номинации, при котором одно собственное имя заменяется другим под влиянием экстраономастических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти [6, с. 196].

В отношении номинации внутригородских объектов (годонимия г. Горловки не является исключением) существует ряд различий между процессами наименования и переименования. По мнению А. К. Матвеева, процесс переименования является вторичной номинацией объекта и имеет ряд специфических черт, представляя собой сложный, до конца не решённый вопрос. Переименование, основываясь на уже созданных данных, «имеет дело с ранее названным историческим фактом топонимической системы». Именно поэтому процедура вторичного наименования линейного адресного объекта «более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований» [2, с. 101].

Ещё одним мотивом переименования в г. Горловке выступает **упорядочивание наименований улиц города**, а также **устранение (замена) одноимённых названий улиц**. В этом случае в Решении о переименовании соблюдена следующая схема: лексема «повторную» + номенклатурный термин + годоним + переименовать в + номенклатурный термин + годоним [4, с. 401]. Например, «повторные ул. Шахтная переименовать в ул. Шахтная-1 и ул. Шахтная-2», «повторные ул. Подлесная (одна из которых находилась у совхоза им. Кирова) переименовать в ул. Днепровская и ул. Московская», «повторную ул. Свердлова переименовать в ул. Станиславского» (Решение Горловского горисполкома

№459 от 12.09.1953 г. «Об упорядочивании наименований улиц в Центральном-Городском районе г. Горловки»).

В г. Горловке также были линейные адресные объекты с вышеуказанным мотивом, но не включающие лексему повторный. Такие линейные адресные объекты также были переименованы органами городской власти. Например, Решением Исполкома Горловского городского Совета депутатов трудящихся (Решение Исполкома ГГСДТ) №126 от 06.03.1974 г. «Об упорядочивании наименования улиц города Горловки» были переименованы следующие линейные адресные одноимённые объекты:

№	Район	Прежнее наименование	Переименование
1	Центрально-Городской	ул. Больничная	ул. Армянская
	Никитовский	ул. Больничная	ул. Бурденко Н. Н.
2	Никитовский	ул. Крылова И.А.	ул. Галилея Г.
	Калининский	ул. Крылова И.А.	ул. Маршала Соколовского В. Д.
3	Никитовский	ул. Чайковского П.И.	ул. Черкасова Н. К.
	Никитовский	ул. Чайковского П.И.	ул. Вагнера Рихарда
4	Калининский	ул. Чехова А.П.	ул. Андерсена Х. К.
	Никитовский	ул. Чехова А.П.	ул. Ереванская
5	Калининский	ул. Минская	ул. Каблукова И. А.
	Никитовский	ул. Минская	ул. Истринская
6	Калининский	ул. Алтайская	ул. Красикова
	Никитовский	ул. Алтайская	ул. Белянкина Д. С.
7	Калининский	ул. Киевская	ул. Кулагина Н. М.
	Никитовский	ул. Киевская	ул. Котельникова Г. Е.
8	Калининский	ул. Хабаровская	ул. Минусинская
	Никитовский	ул. Хабаровская	ул. 26 Бакинских Комиссаров
9	Калининский	ул. Пролетарская	ул. Академика Павловского Н. Н.
	Никитовский	ул. Пролетарская	ул. Космонавта Пацаева
10	Калининский	ул. Новая	ул. Павелецкая
	Никитовский	ул. Новая	ул. Борисоглебская

Отдельного внимания заслуживает мотив номинации, представляющий собой коллективную просьбу жителей увековечить память горловчан, воевавших и исполнявших интернациональный долг. Так, в архивных документах 1990 г. зарегистрированы обращения граждан с просьбой переименовать ул. Матюшенко в ул. Авдеева (**Авдеев Владимир Николаевич**), «учитывая просьбы жителей посёлка Воробьёвка, а также ходатайство исполкома Калининского районного Совета народных депутатов и с целью увековечивания памяти горловчан, погибших при исполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан» (Решение ИК ГГСНД № 189 от 18.09.1990 г. «О переименовании улицы Матюшенко»). В случае таких обращений к Решению исполнительного комитета прилагаются заявления от жителей, протокол их собрания, а также краткая биография лица, в честь которого хотят переименовать улицу. К числу таких переименований относим: ул. Целиноградская в ул. Харчевникова О.Л. в пос. Шевченко (**Харчевников Олег Леонидович** – горловчанин, майор, заместитель командира эскадрильи по политической части, погибший при выполнении интернационального долга) (Решение ИК ГГСНД от №213 16.08.1989 г. «О переименовании улиц города»); ул. Хацапетовская в ул. В. В. Бараха (**Барах Виктор Васильевич** – горловчанин, лейтенант, погибший при выполнении интернационального долга 13.02.1984 г., посмертно награждён орденом «Красное Знамя»), ул. Спортивная в ул. Д. М. Насырова (**Насыров Даниил Минсултанович** – горловчанин, лейтенант, погибший при исполнении интернационального долга и посмертно награждённый орденом «Красное Знамя»); пер. Арсеньева в ул. А. И. Попова (**Попов Александр Иванович** – старший лейтенант, награждён посмертно орденом Красной Звезды) (Решение ИК ГГСНД №53 от 02.03.1989 г. «О переименовании некоторых улиц города»).

Стоит также отметить, что мотивом переименования линейных адресных объектов выступает **решение уполномоченных органов, приуроченные к памятным датам и событиям**. Так, Решением Горловского горисполкома №122/1 от 04.05.1985 г. «О переименовании некоторых улиц и скверов города с 40-летием Победы советского народа в ВОВ 1941-1945 годов» были переименованы ул. Трудовая в ул. *Шумского А. Д.* и ул. *Металлургическая* в ул. *Гильмутдинова Г. Г.* (Калининский район); ул. *Колхозная* в ул. *Оленина А. М.* и ул. *Загородная* в ул. *Ванцина П. А.*

Итак, наименование и переименование линейных адресных объектов Горловки – актуальная и важная тема исследования, а описанные нами мотивы наименований и переименований

являются определяющей лингвокраеведческой составляющей. Актуальной задачей считаем изучение процесса коммеморации и вопроса урбанонимического мартиролога на материале годонимии современной Горловки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. – Т. 14. – №3. – С. 185–203.
2. Голомидова, М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства / М. В. Голомидова // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 11–30.
3. Матвеев, А.К. Тенденции и практики в современной урбонимии. – Текст : электронный // <http://onomastics.ru> : [сайт]. – URL : http://onomastics.ru/sites/default/files/VO_2009_7/Matveev%20Onomastics7-11.pdf (дата обращения: 02.02.2024).
4. Пивень, А.В. Мотивы переименования линейных адресных объектов города Горловки / А. В. Пивень // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – С. 399–403.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
6. Разумов, Р.В. Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990-2000-е гг. как особая социокультурная практика / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 4 (23). – С. 196–204.
7. Решение Горловского городского Совета депутатов трудящихся № 106 «Об отрезке излишков земельной площади у граждан, проживающих в поселке Зайцево и квартале, ограниченном улицами Калинина и Артёма» // ГГУДОАД ДНР. – Ф. 106. – Оп. 1. – Д. 46а. – Л. 502.

АННОТАЦИЯ

Дзис А. В. Мотивы наименования и переименования линейных адресных объектов Горловки

Рассматриваются годонимы города Горловки в контексте наименования и переименования. Предмет исследования – годонимы города Горловки; объектом выступили

зарегистрированные в Государственном архиве Донецкой Народной Республики факты и мотивы наименования и переименования линейных адресных объектов Горловки. Определено, что наименование линейного адресного объекта отлично от переименования, а факт наименования и переименования определён его мотивом, который возможно проследить и описать с помощью архивных документов.

Ключевые слова: годоним, линейный адресный объект, наименование, переименование, Горловка, архивный документ.

SUMMARY

Dzis A. V. Motives of Names and Renames of Linear Address Objects of Gorlovka

The godonyms of Gorlovka are considered in the context of naming and renaming. The subject of the study is the godonyms of Gorlovka; the object is the facts and motives of naming and renaming linear address objects of Gorlovka registered in the State Archive of the Donetsk People's Republic. It is determined that the name of a linear address object is different from renaming, and the fact of naming and renaming is ascertained by its motive, which can be traced and described using archival documents.

Key words: godonym, linear address object, name, renaming, Gorlovka, archive document.

*Р. С. Малахов
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'272(045)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Манипулятивный потенциал имени собственного обусловлен большим разнообразием инструментов воздействия на реципиента. Автор может подвергать имя собственное неким графическим изменениям, например, отказ от капитализации как способ передачи пейоративной коннотации номинативной единицы. Кроме того, автор текста массовой коммуникации может прибегать к искусственному отождествлению референтов, фактически не связанных между собой, для воздействия на читателя с помощью фейковых ассоциативных коннотаций между соответствующими именами. Ассоциативные коннотации довольно часто используются для диффамации стран, политиков либо каких-либо значимых фигур мирового общества.

После начала СВО telegram-каналы, которые подконтрольны украинской стороне конфликта, начали всё чаще использовать отказ от капитализации как вербальную технологию для создания манипулятивного контента для своих читателей. В качестве примеров мы можем привести публикации telegram-канала «Новый канал» и telegram-канала «Труха Украина»:

« на росії горить другий ринок за добу. Після згорілого вчора ростовського речевого ринку сьогодні спалахнув московський» / « в россиі горит ещё один рынок за сутки. После сгоревшего вчера ростовского вещевого рынка сегодня вспыхнул московский» [2] (перевод наш – Р. М.).

В первой публикации мы можем увидеть пример использования топонима *Россия* с отказом от капитализации. В этом случае авторы намеренно делают отклонение от грамматических норм для того, чтобы выразить отрицательное отношение к стране на данном telegram-канале. Кроме того, написание топонима *Россия* с маленькой буквы может служить вербальной технологией для создания образа «слабой страны».

«рф настолько сильно прикрывает в.о. Севастополь РЭБом, что это видно из космоса.

Во время атак украинских дронов оккупанты включают мощные средства РЭБ, которые создают «засветы» на спутниковых SAR-снимках, – Defense Express.

Доверия к ПЭВЭО у русни нет » [6].

Во второй публикации, мы можем заметить, что топоним *Россия* и вовсе используется в виде аббревиатуры для усиления эффекта образа «слабой страны». Отказ от капитализации, как правило, служит неким комментарием автора манипулятивной публикации, функцией которого является воздействие на эмоции реципиентов информации. Эта вербальная технология используется для того, чтобы снизить значимость страны в глазах получателей информации.

Одним из немаловажных инструментов является создание ассоциативных коннотаций для диффамации политиков. Как мы знаем, антропоним *Гитлер* является именем нарицательным, которое содержит отрицательную коннотацию. Антропоним *Гитлер* мы связываем с тяжелыми событиями Второй мировой войны, где данная политическая фигура показала немыслимую жестокость. В связи с этим, антропоним *Гитлер* стал ассоциироваться с жестокостью, фашизмом и нацизмом.

Большинство telegram-каналов, которые подконтрольны украинской стороне, пытаются создать некую когерентность между антропонимом *Гитлер* и *Путин*. Для того, чтобы достичь эту цель, используются различные инструменты, такие как:

создание мифологизированных фактов, отказ от капитализации, использование абсурдных параллелей, упоминание политика исключительно в негативном ключе и в негативных событиях.

Наглядный пример использования подобных вербальных технологий для манипулирования мы можем увидеть на примере публикации telegram-канала «Труха Україна»:

«84 роки тому почалася Друга світова війна: проводимо паралелі між діями гітлера та путіна.

- Методи війни, якими путін вбиває українців, збігається з гітлерівським: ракети та бомби полетіли на Україну о 4 ранку, як в 1939 на Польщу. Без оголошення відкритої війни.

- Німецький диктатор казав, що хотів миру, але через відчуття загрози змушений розпочати війну, те саме й чуємо від нового російського вирока. гітлер нищив євреїв, путін влаштовує геноцид українців.

- гітлер будував свою ідеологію на вищій арійській расі. Сьогодні путін будує ідеологію, що росія – велика держава.» / «84 лет назад началась Вторая мировая война: проводим параллели между действиями Гитлера и Путина.

- Методы войны, которыми путин убивает украинцев, сходится с гитлеровскими: ракеты и бомбы полетели на Украину в 4 утра, также как в 1939 на Польшу. Без объявления открытой войны.

- Немецкий диктатор говорил, что хотел мир, но из-за чувства угрозы был вынужден начать войну, тоже самое мы слышим от нового российского урода. гитлер уничтожал евреев, путин устраивает собственный геноцид украинцев.

- гитлер строил свою идеологию на верховной арийской расе. Сегодня путин строит идеологию, что россия – великая держава.» [7] (перевод наш – Р. М.).

В отличие от остальных примеров, в этой публикации мы можем заметить отсутствие упоминания топонима Россия, однако, оно есть в виде метонимии, выраженной антропонимом *Путин*. Когда автор говорит антропоним Путин, автор имеет в виду не только политика, но и целую страну. В связи с этим мы можем сказать, что целью данной публикации является диффамация топонима *Россия* через антропоним *Путин*. Как мы можем заметить, в данной публикации антропоним *Гитлер* и *Путин* используются без капитализации; делается это для того, чтобы наделить данных политиков дополнительной общей чертой. Кроме того, в публикации мы можем увидеть создание абсурдных параллелей, которые автор выдаёт за нечто неопровержимое.

В этой публикации мы можем заметить также и использование оскорбительного словосочетания *российский*

урод, которое употребляется в публикации для того, чтобы апеллировать к эмоциям адресата. С помощью данного словосочетания автор старается призвать читателей не сдерживаться в проявлении эмоций, так как даже один из официальных telegram-каналов Украины (а не просто рядовой пользователь Интернета) позволяет себе подобные высказывания.

Подводя итоги, мы можем сказать, что манипулятивный потенциал имени собственного заключается в большом разнообразии инструментов воздействия на целевую аудиторию на всех уровнях языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикейкина, Н. О манипулятивном функционировании имен собственных / Н. О. Бикейкина // Юрислингвистика. – 2006. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-manipulyativnom-funktsionirovanii-imen-sobstvennyh-1> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Новый канал. – Текст : электронный // telegram.org : [социальная сеть]. – URL: <https://t.me/novytv/59280> (дата обращения 22.01.2024).
3. Современный русский язык: Система основных понятий : учеб. пособие. В 2 ч. / М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. ун-т ; под общ. ред. Л. Б. Селезневой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, – 1999. – 21 см.
4. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик. – М. : Изд-во Москов. ун-та ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
5. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.
6. Труха Украина. – Текст : электронный // telegram.org : [социальная сеть]. – URL: <https://t.me/truexanewsua/83239> (дата обращения 22.01.2024).
7. Труха Украина. – Текст : электронный // telegram.org : [социальная сеть]. – URL: <https://t.me/truexanewsua/79293> (дата обращения 22.01.2024).
8. Шайгородский, Ю. Ж. Политика: взаимодействие реальности и мифа : моногр. / Ю. Ж. Шайгородский. – Киев : «Знання» України , 2009. – 400 с.
9. Aarts, Bas (2011). Oxford Modern English Grammar. Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0-19-165047-5.

10. Burridge, Kate (November 2002). "New Standards in a Glorious Grammar: Review of The Cambridge Grammar of the English Language by Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullum (eds)". Australian Book Review. Wiley (246): 62–63.
11. Greenbaum, Sidney (1996). The Oxford English Grammar. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-861250-6.

АННОТАЦИЯ

Малахов Р. С. Имя собственное как манипулятивный элемент в текстах массовой коммуникации

Актуальность данного исследования обусловлена использованием новых вербальных технологий для манипулирования, которые включают среди прочих и такой инструмент, как имена собственные. Цель исследования – рассмотреть особенности изменения имени собственного для оказания определенного воздействия на целевую аудиторию. В работе были проанализированы публикации на предмет использования имени собственного как манипулятивного элемента в социальной сети telegram. По итогам исследования были выявлены вербальные технологии для манипулирования.

Ключевые слова: имя собственное, манипуляция, отказ от капитализации, вербальные технологии.

SUMMARY

Malakhov R. S. The Proper Name as a Manipulative Element in Mass Communication Texts

The relevance of this study is due to the use of new verbal technologies for manipulation, which include among others such a tool as proper names. The purpose of the study is to examine the peculiarities of changing the proper name in order to have a certain impact on the target audience. The paper analysed publications on the use of proper names as a manipulative element in the social network telegram. As a result of the research, verbal technologies for manipulation were identified.

Key words: proper name, manipulation, refusal to capitalization, verbal technologies.

*В. С. Меживая
(г. Донецк, РФ)*

УДК 81-13

ОБРАЗОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В современном русском языке атрибутивные композиты находятся в фокусе внимания многих ученых, так как

представляют собой постоянно пополняющуюся группу языковых единиц, требующих комплексного подхода к их описанию и дальнейшей классификации. Изучением образования сложных слов занималась лингвисты Э.А. Балалыкина, О.В. Блюмина, А.А. Горбов, М.Т. Гурчиани, Г.С. Доржиева, Н.В. Дьячок, Л.П. Крысин, Е.С. Кубрякова, Л.В. Соснина, В.И. Теркулов, Н.М. Шанский, а также зарубежные ученые, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, М. Докулил. Несмотря на интерес ученых-филологов к проблеме образования новых слов, многие аспекты словосложения все еще являются неизученными. Например, нет единого понимания, как следует обозначать данное языковое явление. Помимо термина «сложное слово» при изучении словообразования также используется определение «композит», которого мы придерживаемся в нашей работе. В композите наблюдается семантико-структурная целостность и его составные части являются относительно самостоятельными.

Актуальным является и вопрос о самой атрибутивности, поскольку это понятие семантическое. Сложность его квалификации состоит в том, что существует целый ряд моделей атрибутивных композитов и зачастую понятие атрибутивности сводится лишь к представлению о члене предложения. А.А. Шахматов рассматривал атрибутивные отношения в предложении как определение. В то время как Л.В. Соснина полагает, что «специфика атрибутивных отношений такова, что в функции определения мы наблюдаем не только имена прилагательные, но и имена существительные» [8, с. 13].

Цель исследования – проанализировать способы образования атрибутивных композитов в разноструктурных языках. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью данного вопроса, отсутствием теоретических положений, посвященных изучению атрибутивных композитов. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка описания сложных слов на материале русского, английского, немецкого и французского языков. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из интернет-источников и Национального корпуса русского языка.

Приведем примеры использования атрибутивных композитов в русском языке: зеленые глаза / зеленоглазый, круглое лицо / круглолицый, темная кожа / темнокожий, кривые ноги / кривоногий, длинные волосы / длинноволосый, долгая шея / долгошей, желтое лицо / желтолицый, босые ноги / босоногий, черные брови / чернобровый: И вижу – ох до чего же знакомый – зеленоглазый прищур, улыбку сатира, челюсть, бойцовский вперед двинутую (Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе, 2003;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); У нее были красивые руки, тонкие щиколотки, зеленые глаза и блестящий лоб (Сергей Довлатов. Чегодан, 1986; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

На современном этапе развития русской словообразовательной системы одним из продуктивных способов образования новых слов является словосложение. Л.В. Соснина считает «весьма перспективным в последние десятилетия способ образования новых слов путем сочленения двух новых существительных – бизнес-клуб, фильм-концерт, президент-отель, конгресс-холл» [8, с. 67]. Данный метод используется не только с целью лексической экономии, но и способствует пополнению словаря русского языка новыми словами. Многие ученые исследуют мотивы образования композитных атрибутивных наименований. Впервые о необходимости изучения мотивов появления новых слов заявила Е.С. Кубрякова. Вслед за Е.С. Кубряковой, В.С. Васьунин считает, что «мотивом является причина, побуждающая говорящего употребить в процессе речи для обозначения того или иного явления или предмета именно композит, а не другую конструкцию, например, словосочетание» [1, с. 22]. По мнению В. Фляйшера «мотивом композитообразования может служить отсутствие необходимого наименования. Еще одним мотивом образования композитов является экономия места, например, заголовки газетных статей или подписи под рисунками» [11, с. 14]. Полагаем, что мотивом является появление новых изобретений, профессий, социальных сетей, создание новых учреждений, которые должны быть наименованы и обозначены в толковых словарях русского языка новейшего периода.

Атрибутивные композиты часто встречаются в современных источниках массовой информации, публицистике, интернет-сайтах и в научной терминологии. По мнению М.Т. Гурчиани «основная причина этого заключается в большом росте понятий и их усложнении, что обусловлено прогрессом науки, развитием и усложнением предметов техники. [3, с. 5]. Однако употребление сложных слов не ограничивается только научно-технической сферой. Они используются также и в художественной, официально-деловой и разговорной речи. В эпоху глобализации мы наблюдаем ускоренный процесс развития технологий, использование социальных сетей, применение цифровых технологий во многих сферах трудовой и образовательной деятельности. Все это естественным образом оказывает свое воздействие на интенсивное развитие языка. В результате появляются новые реалии, которые должны быть обозначены и встроены в словообразовательную систему русского языка новейшего периода. Н.В. Яценко пишет:

«Появление новых реалий и понятий обуславливает потребность в новых обозначениях, а значит, способствует образованию в языке новых слов, за счёт которых происходит обогащение словарного состава языка» [10, с. 68]. Кроме необходимости в создании новых наименований, Е.Ю. Бережных считает, что «существует потребность в экспрессивизации речи (т.е. повышении выразительности), в смысловой концентрации (передаче определенного смысла минимальными средствами)» [2, с.1].

С точки зрения происхождения компонентов, которые выполняют функцию определения и входят в состав композита, в своем исследовании мы выделили 5 типов атрибутивных композитов.

1. Исконно русские композиты, взятые методом сплошной выборки из произведений художественной литературы и произведений фольклорного жанра. Атрибутивные композитные наименования также были отобраны из русских народных сказок и поэзии. Важно отметить, что данная группа композитов не имеет иностранное происхождение. Использование атрибутивных композитов в художественных произведениях помогает разнообразить текст, усилить эмоциональную окраску и лучше передать настроение автора. Например, жар-птица, буй-ветер, конек-горбунок, курочка-ряба, свет-братец, Баба-яга, скатерть-самобранка, сон-трава, грусть-тоска, Змей-Горыныч, ковер-самолет, царь-пушка, царь-девица: И вот во сне гигантский золотой сазан, коренастый, будто *конек-горбунок*, и с веющими ушами, плавниками, хвостом – точно как у золотой рыбки из детской книжки, – плавал взад-вперед по горнице, тычась в руки, в ухо, в плечи, целуя в щеки, в глаза: как медленная бабочка в гаснущую лампу. (Александр Иличевский. Воробей (2004) // «Новый Мир», 2005; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Считаем важным упомянуть атрибутивные композиты, которые не имеют иноязычного оригинала, т.е. появились в русском языке не в результате заимствования, а построенные носителями русского языка по усвоенной модели. Выделим следующие композитные атрибутивные наименования: гумпомощь, Молотов-коктейль, бич-пакет, сидидомец, бобёр-тв, плагиат-список, таксист-бомбила. Приведем пример: Или тот же «Суп куриный с вермишелью», называемый в народе бич-пакетами. (Татьяна Ефремова, Дикий берег, 2015; Карта слов; <https://kartaslov.ru/>).

2. Англо-русские композиты, состоящие из двух компонентов, первый из которых представляет собой

атрибутивную часть английского происхождения с полностью кириллическим оформлением, второй компонент является исконно русским словом. Необходимо отметить, что в письменной реализации предпочитается дефисное написание, но в ряде случаев наблюдается слитное. Например: аутрич-работа, кантри-певец, онлайн-кинотеатр, промо-акция, скайп-беседа, рок-музыкант, веб-разработчик, блог-сообщество, видеообращение, интернет-площадка, арт-новость, поп-звезда, онлайн-лекция, экспресс-груз, вип-зона: Командующий силами быстрого реагирования НАТО в Европе генерал-лейтенант Майкл Джексон, обладатель дворянского титула, очень не любит, когда его путают с американской поп-звездой (Сергей Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Интересными для исследования представляются языковые явления, состоящие из двух компонентов (на кириллице и латинице). Первым компонентом является аббревиатура или буквенно-цифровой комплекс, оформленный латинской графикой, а последним – существительное на русском языке, так называемое «основное слово», которое имеет грамматический род, тип склонения и форму множественного числа. Например, *Vir-персона*, *3D-фильм*, *IT-компания*, *MP3-диск*, *PIN-код*, *PR-компания*, *IQ-тест*, *Web-пропаганда*: *Web-пропаганда* включает в себя много больше составляющих, чем обычная (Вера Васильева. Держите форму, а содержание подтянется // «Рекламный мир», 2000.03.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Также нами были выявлены случаи, когда сокращения могут содержать буквы английского происхождения во второй части композита: дым- *FREE*, *petro-FM*, *муз-Zone*, *бельё-invisible*: При ходьбе по ней возникало неясное чувство полета, и было приятно и важно, что можно снять обувь и лихо и незаметно потанцевать на полу под забытую и щемящую музыку радио «*Petro-FM*», несущуюся из плеера (В.А. Харченко. Домик-пряник // «Волга», 2016; Карта слов; <https://kartaslov.ru/>).

Несмотря на внимание лингвистов к подобным словам, многие аспекты в теории вопроса остаются спорными. В.П. Изотов впервые обозначает их термином слова-«кентавры» и дает следующие определение: «Слова-«кентавры» – это сложные слова, первая часть которых – иноязычная и пишется при этом латиницей, а вторая русская или также иноязычная, но пишется кириллическим шрифтом» [4, с. 76]. По мнению Д.А. Цогоевой «термин «слова-кентавры» доступен для понимания, но вместе с тем его возможно использовать для обозначения любого типа

слов, в которых присутствуют кириллические и латинские буквы независимо от их положения в слове или природы происхождения» [9, с. 63].

Появление подобных языковых явлений происходит в результате влияния английской словообразовательной системы. Мы находим ряд несоответствий с системой русского языка и общепринятыми литературными нормами. Прежде всего, отмечается отклонение от графической нормы. Согласимся с мнением Л.П. Крысина о том, что «слова, принадлежащие русскому языку, должны изображаться на письме кириллическим шрифтом». [5, с. 576]. Также не установлены орфографические нормы, согласно которым мы должны оформить написание гибридного слова: через дефис, раздельно или слитно.

Несмотря на то, что гибридные слова или иначе слова-«кентавры» находятся на стадии изучения, мы все чаще встречаем их в современных русских текстах, периодических журнальных и газетных изданиях массового характера, инструкциях и руководствах, устно-разговорной речи молодёжи. Также наблюдаем тенденцию, когда слова, изображенные латинскими буквами, превращаются в кириллические и пишутся строчными буквами, например, *pin* – пин, SIM-карта – сим-карта, *PR* – пиар: ***SIM-карта*** для мобильного телефона – как штамп о регистрации в паспорте российского гражданина (Сергей Потресов. SIM-SIM, откройся. Операторы мобильной связи нашли новый источник доходов // «Известия», 2002.02.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Телефон у замороженного киллера был краденый, ***сим-карта*** тоже чужая, он считал, что предусмотрел все и «обставился» по высшему разряду (Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3. Англо-английские композиты, в которых оба композита не ассимилированы. Данная группа сложных слов была отобрана из «Словаря композитов русского языка новейшего периода» по критерию отсутствия оригинала в русском языке. Здесь наблюдаем случаи, когда английские словосочетания не поддаются адекватному переводу и являются заимствованными из английского языка или калькированы, т.е. собственно иноязычные композиты: аутсайсер, аэрофитнес, байк-пати, барби-стайл, бэби-бум, видеодиск, видеоплеер, гигабайт, гипермаркет, дабл-декер, деливери-клуб, интернет-маркетинг, кардиоаэробика, кикбоксинг, лабрадор-ретривер, лав-стори, легоклуб, ленд-лиз, маппет-шоу, масс-маркет, мейнстрим, минивэн, нейтив спикер, ноутбук, онлайн-банкинг, офис-менеджер, пауэрлифтинг, пейнтбол, ралли-рейд, реалити-шоу, саунд-трек,

скрин-шот, тайм-менеджер, теле-шоу, тест-драйв, файр-шоу, фаст-фуд, флеш-моб, хэнд-мейд, чайлд-фри, чизбургер, экаунт-менеджер. Приведем примеры: Уже сейчас никого не удивит ёмкостью жёстких дисков в сотни гигабайт (А. Перов. Флэш-память: физика, применение и перспективы // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Индия стала интересовать Россию только как поставщик чайного сырья, прежде всего для производства недорого чая категории масс-маркет, который занимает на российском чайном рынке порядка 60-70%. (Лилия Москаленко. Чаепитие по-военному (2004) // «Эксперт», 13.12.2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Наиболее распространенной моделью образования сложных существительных в английском языке является модель существительное + существительное. Подобного рода композитные наименования встречаются в заголовках газет, названиях, в сфере компьютерных технологий, научно-технических текстах, а также в переводных текстах из языка оригинала.

4. Французско-русские композиты. Русский язык испытывает влияние со стороны французской лексической системы еще с 18 века. Это оказало свое влияние на словообразовательную систему и привело к появлению сложных слов: пресс-атташе, премьер-министр, гала-концерт, пресс-секретарь, капиталист-рантье, форс-мажор, меланж-акт, мишлен-гид, метрдотель, карт-бланш, консьерж-сервис, папье-маше, прет-а-порте, ориентир-буссоль, сан фасон, рашель-машина, тату-визаж, цивилькураж, Фуа-гра, шапокляк, юмор нуар, премьер-лига: Премьер-министр в очередной раз читает сообщение о своей скорой отставке, а бывший губернатор Санкт-Петербурга – впервые о собственном перемещении в премьерский кабинет. (Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 2003.08.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); С периодичностью раз в полтора-два года случается медийный форс-мажор: несколько недель кряду одна за другой приходят новости о катастрофах, каждая из которых требует подачи на первых полосах (Руслан Хестанов. Играем в кости // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Характеризуя композиты французского происхождения, М.Т. Гурчиани пишет: «В лексической системе русского языка наблюдается значительное количество французских композитов, заимствованных русским языком в разное

время, что свидетельствует о продуктивности этого способа словообразования в русском языке новейшего периода» [3, с. 62].

5. В ходе проведенного анализа образования сложных слов, содержащих иноязычные элементы, были отмечены композиты немецкого происхождения. М.Т. Гурчиани в своей исследовательской работе пишет, что «словосложение является ведущим способом образования новых слов в немецком языке» [3, с. 63]. Дж. А. Сафарова утверждает, что «в начале XXI в. количество сложных слов резко возросло, и темпы этого процесса позволяют говорить о возникновении нового феномена как в немецком, так и русском языках, – гибридного словообразования» [7, с. 84]. Наиболее продуктивными типами являются двухкомпонентные композиты с атрибутивным компонентом: блиц-опрос, генерал-адмирал, автобан, штаб-капитан, бундесбанк, конференц-зал, гештальт-терапия, **плац-парад, маркшейдер, мунц-метал, люмпен-интеллигенция**, натурпродукт, полтергейст, ландшафт, катедер-социализм, **курс-маклер, термовюлер, фальшборт, фаустбол, флашток, форшмак, Шрот-эффект, Штрих-код**, киндер-сюрприз: Генерал-адмирал предписывал дать «полный простор действиям командира и предоставить ему нападать на все... принадлежащее неприятелю» (Игорь Андреев. Вечное ожидание минной атаки // «Родина», 1996; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Кругом серо-коричневый гористый ландшафт с проплешинами мха и верблюжьей колючки (Валентин Никитин. Время сладкого янтaka // «Дальний Восток», 2019; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Изучение образования сложных слов в разноструктурных языках позволяет установить, что на современном этапе они продолжают активно пополнять словарный состав русского языка. Новые словообразовательные модели атрибутивных композитов русского, английского, французского и немецкого происхождения в русском языке новейшего периода выполняют коммуникативную функцию и приобретают социокультурную значимость. В результате исследования приходим к выводу, что активность подобных слов приводит к появлению экспрессивно-оценочных окрашенных номинаций, образующих словообразовательные модели. Таким образом, сложные слова, состоящие из двух компонентов, участвуют в словообразовательном процессе и успешно ассимилируются в русский язык новейшего периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вашунин, В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке / В.С. Вашунин. – М.: ВШ, 1990. – 159 с.
2. Бережных, Е.Ю. Словообразование как регулярный способ создания новых слов и значений в современном английском языке (на материале СМИ) / Е.Ю. Бережных // Russian Linguistic Bulletin, 2022. – Вып. 4. – С. 1–4.
3. Гурчиани, М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода. – Дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01. / М.Т. Гурчиани. – Казань, 2009. – 215 с.
4. Изотов, В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография / В.П. Изотов. – Орел: ОрлГУ, 1998. – 149 с.
5. Крысин, Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» / Л.П. Крысин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – Вып. 4. – С. 575–579.
6. Кубрякова, Е.С. Коммуникативная лингвистика и новые задачи словообразования / Е.С. Кубрякова // [сб. научн. тр.]. / Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза. – М., 1982. – Вып. 186. – С. 87–92.
7. Сафарова, Дж. А. Композиты-германизмы в современном русском языке: особенности и функционирование / Дж. А. Сафарова // Вестник Московского государственного областного университета, 2018. – Вып. 3. Русская филология. – С. 83–90.
8. Соснина, Л.В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты. – Дисс. ... д-р. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л.В. Соснина. – Донецк, 2017. – 429 с.
9. Цогоева, Д.А. Место понятия «слова-кентавры» в изучении двуграфичных новообразований в русском языке XXI века / Д.А. Цогоева // Филологические науки. East European Scientific Journal. – 2022. – Вып. – С.62–64.
10. Ященко, Н.В. Сложные имена существительные новообразования с заимствованными элементами в современной немецкой прессе и их передача на русский язык / Н.В. Ященко // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. – Вып. 2. – С. 68–72.
11. Fleischer, W. Zur Doppelfunktion der Wortbildung-Benennungseinheit und syntaktische Parallelkonstruktion / W. Fleischer // Wissenschaftliche Zeitschrift der pädagogischen Hochschule Ernst Schneller. – Zwickau, 1982. – S. 84–93.

АННОТАЦИЯ

Меживая В.С. Образование атрибутивных композитов в разноструктурных языках

В статье проанализированы особенности образования атрибутивных композитов, в составе которых присутствует компонент иностранного происхождения. Целью работы является изучение и анализ теоретического и практического материала по проблеме образования атрибутивных композитов в русском языке. При проведении исследования были рассмотрены сложносоставные слова с первым компонентом в роли определения, сохраняющим оригинальную графику. Основными методами исследования являются компонентный анализ, который предполагает разложение значения структуры единиц на дифференциальные семантические признаки и метод контекстуального анализа для выявления актуального значения слова. Корпус исследования представлен атрибутивными композитами, взятыми методом сплошной выборки из произведений художественной и публицистической литературы и средств массовой информации новейшего периода. Отбор материала также осуществлялся из современных языковых словарей XXI века (Габдреева 2012, Ефремова 2006, Комлев 2006, Крысин 2000, Кузнецов 2001, Складарская 2006, Ушаков 2008). Установлено, что развитие словосложения является продуктивным способом пополнения современного русского языка новыми словами. Полученные результаты могут быть использованы в рамках изучения таких дисциплин, как общее языкознание, лексикология, а также в частных лингвистических дисциплинах в вузах, при подготовке специалистов в области филологии.

Ключевые слова: атрибутивные композиты, словообразование, словосложение, сложное слово, наименования, композит, реалии, компонент.

SUMMARY

Mezhivaya V.S. Formation of Attributive Composites in Different Structural Languages

The article deals with the peculiarities of the attributive composites formation, which include a foreign language component. The objective is to study and analyze theoretical and practical material on the problem of the attributive composites formation in the Russian language. During the study, compound words were considered with the first component as a definition, preserving the original graphics. The main research methods are component analysis, which involves decomposing the meaning of the unit structure into differential

semantic features and the contextual analysis method to identify the actual word meaning. The study corpus is represented by attributive composites taken by the continuous sampling method from the fiction and journalistic literature and mass media of the latest period. The material selection was also carried out from modern language dictionaries of the 21st century (Gabdreeva 2012, Efremova 2006, Komlev 2006, Krysin 2000, Kuznetsov 2001, Sklyarevskaya 2006, Ushakov 2008). It has been established that the development of word formation is a productive way of replenishing the modern Russian language with new words. The results obtained can be useful in the study of such disciplines as general linguistics, lexicology, as well as in private linguistic disciplines in universities during the train specialists in the field of philology.

Key words: attributive composites, word formation, composition, compound word, denominations, composite, realities, component.

*Н. В. Повторуха
(г. Горловка, РФ)*

**УДК 811'373.001.4:006.915: 811.112.2:811.161.2.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ
МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО
И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

1. В современной лингвистике находят отражение проблемы метрологии – науки о мерах и весе [8, с. 418]. Как известно, развитие науки и техники способствовало тому, что было сделано много изобретений и открытий в разных отраслях науки, в частности, физике. Они были названы преимущественно в честь исследователей [14, с. 147], нем. *Ampere* ‘ампер’ (Андре-Мари Ампер (1775 – 1836) – французский физик и математик, создатель основ электродинамики).

В ономастике – науке об именах собственных – метрологическая терминология (далее – МТ) представлена эпонимами – наименованиями единиц измерения по фамилиям учёных [7, с. 36], напр.: нем. *Siemens* ‘сименс’, укр. вольт. Следует также отметить, что в точных науках они являются исключительно эпонимическими единицами (далее –

ЭЕ). Объект данной работы – ЭЕ в системе метрологической лексики (далее – МЛ) в немецком и украинском языках. Материалом служат 340 ЭЕ (168 в немецком языке и 172 – в украинском), отобранных путём сплошной выборки из толковых и специализированных словарей [5, 8, 19, 21], а также из художественных произведений немецких и украинских писателей второй половины XX – первой половины XXI вв. общим объёмом 10000 страниц. Цель работы – установление общих и отличительных черт ЭЕ в немецком и украинском языках. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) установить инвентарь исследуемых единиц; 2) охарактеризовать основные периоды становления и развития МТ; 3) рассмотреть функциональные особенности ЭЕ в системе МЛ сопоставляемых языков.

В работе используются описательный и сопоставительный методы.

Языковеды рассматривают ЭЕ как часть научно-технической терминологии [6, 9, 10]. В лингвистике отсутствуют исследования, посвящённые сопоставительному изучению ЭЕ в МЛ на материале немецкого и украинского языков, что и обусловило её актуальность. Ф.А. Циткина отмечает, что сопоставительное изучение внутренних и внешних отношений в структурах разноречивых терминологий помогает глубже проникнуть в сущность специфики каждой терминологической системы [15, с. 136].

2. Принимая во внимание, что становление метрологии как науки происходило постепенно, с учётом таких экстралингвистических факторов, как научно-технический прогресс и развитие международных торговых отношений, можно выделить два основных этапа, которые в хронологическом порядке отражают появление МЛ в исследуемых языках:

1) донаучный – с древних времен до 1795 (до введения Метрической системы мер). Лексика этого периода выходит из употребления и является устаревшей, напр.: нем. *Zoll* ‘veraltete Längeneinheit unterschiedlicher Größe (2,3 bis 3 cm)’ [19, с. 1862] дюйм ‘устаревшая единица длины различной величины (2,3 – 3 см)’, укр. гони ‘українська старовинна народна міра довжини від 60 до 120 сажнів’ [8, с. 191] *гоны* ‘украинская старинная народная мера длины от 60 до 120 сажней’;

2) научный – с 1795 (после введения Метрической системы мер) до наших дней, включающий разные системы единиц измерения (табл. 1):

Таблица 1

Системы единиц измерения научного периода

№ п/п	Название систем единиц измерения	Год принятия	Единицы измерения			
			Основные	Допол- нительные	Произ- водные	Вспомо- гательные
1.	Метрическая система мер (SI)	1795	ампер, кандела, кельвин, килограмм, метр, моль, секунда	радиан, стерадиан	герц, джоуль, ньютон, паскаль, сименс, фарад	диоптрия, минута, парсек
2.	Система К.Ф. Гаусса	1832	миллиметр, миллиграмм, секунда	-	-	-
3.	Система СГС	1881	грамм, сантиметр, секунда	дина, эрг, пуаз, стокс	-	-
4.	Система МКС	1901	килограмм, метр, секунда	ампер, вар, вебер, вольт, вольт-ампер, генри, кельвин, кулон, люмен, ом, сименс, тесла, фарад	-	-
5.	Система МТС	1919	метр, секунда, тонна	киловатт, килоджоуль	пьеза, стен	-
6.	Система МКГСС	1932	килограмм- сила, метр, секунда	-	-	-

Второй – научный – период репрезентирован терминами – словами или словосочетаниями специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемыми (принимаемыми, заимствуемыми и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [3, с. 472]. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, для термина характерны такие признаки: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность [11, с. 30], ср.:

(1) нем. *Klingen tut's nicht besonders, weil 30,9 Hertz ist eh kein Ton mehr in dem Sinn, können 'S sich vorstellen, wo schon das...* [22,

S. 16] ‘Звучит это не совсем, ведь тридцать и девять десятых герца – звук скорее воображаемый, можете представить, уж если это...’ [12, с. 26].

Как следует из приведённого примера, ЭЕ нем. *Hertz* ‘герц’ выражает в литературном языке не стилистическую нейтральность, а экспрессивность.

Одним из способов образования кратных и дольных единиц является принятая в Метрической системе мер SI десятичная кратность между большими и малыми единицами [16, с. 34]. Десятичные кратные и дольные единицы образуются путём использования приставок и множителей от 10^4 до 10^{-24} (см. табл. 2):

Таблица 2

Приставки SI и множители для образования десятичных кратных и дольных единиц

Приставки SI							
Кратные единицы				Дольные единицы			
Множитель	Название	Обозначение		Множитель	Название	Обозначение	
		нем.	укр.			нем.	укр.
10^1	дека-	da	дк	10^{-1}	деци-	d	д
10^2	гекто-	h	г	10^{-2}	санти-	c	с
10^3	кило-	k	к	10^{-3}	милли-	m	м
10^6	мега-	M	М	10^{-6}	микро-	μ	мк
10^9	гига-	G	Г	10^{-9}	нано-	n	н
10^{12}	тера-	T	Т	10^{-12}	пико-	p	п
10^{15}	пета-	P	П	10^{-15}	фемто-	f	ф
10^{18}	экса-	E	Е	10^{-18}	атто-	a	а
10^{21}	зетта-	Z	З	10^{-21}	zepto-	z	з
10^{24}	йотта-	Y	Й	10^{-24}	йокто-	y	й

С развитием научной мысли постепенно появлялись новые приставки: в 1793 г. – деци-, санти-, милли-; в 1795 г. – дека-, гекто-, кило-; в 1873 г. – мега-, микро-; в 1926 г. – пико-; в 1927 г. – гига-, нано-; в 1933 г. – тера-; в 1964 г. – фемто-, атто-; в 1975 г. – пета-, экса-; в 1990 г. – зета-, йота-, зепто-, йокто- [4, с. 123–126].

В проанализированном материале зафиксировано употребление приставки *dezi-* (нем. *Dezibel* ‘децибел’).

(2) *Dieses Schmetter, dieses brutale Hinschlagen, circa 102 Dezibel* [22, S. 26] ‘Этот грохот, с каким они швыряют ящики, рёв мотора, примерно сто два децибела’ [12, с. 38].

В сопоставляемых языках одна ЭЕ научного периода, а именно единица измерения температуры градус [Цельсия] может частично опускаться, ср.:

(3) нем. ... das Eisen, das aus dem Mischer in den Konverter und in die Kokille fließt, hat eine Temperatur von 1300 bis 1700 Grad [18, S. 246] ‘Железо, которое течёт из смесителя в конвертер и кокиль, имеет температуру от 1300 до 1700 градусов’ [Бёлль. В Рурской области]

(4) укр. Чоло потягне градусів так на тридцять вісім [2, с. 161].

3. Как отмечает А.В. Суперанская, эпонимы – имена людей, взятые за основу для других, производных имён или названий [14, с. 22]. В данной работе ЭЕ рассматриваются как наименования единиц измерения по фамилиям учёных, сделавших открытия и внёсших большой вклад в разные области науки, напр.: нем. *Siemens* ‘сименс’, укр. фарад.

По мнению Л.Г. Акуленко, меры и единицы измерения относятся ко вторичной номинации [1, с. 166]. В основе таких ЭЕ в системе МЛ лежит метонимический перенос по модели «фамилия учёного → единица измерения», напр.: нем. *Weber* → *Weber*, укр. Ом → ом. При этом метонимия является одним из способов расширения лексического значения слова.

ЭЕ функционируют как омофоны – лексемы, у которых одинаковое звучание, но разное графическое выражение, при этом имя собственное становится нарицательным, или аппеллятивом, т.е. происходит деонимизация, как подчёркивает В. Фляйшер [20, с. 6].

ЭЕ в системе МЛ могут употребляться в виде аббревиатур, а именно:

а) буквенных аббревиатур (акронимов), т.е. образований из начальных звуков слов и названий начальных букв, напр.: нем. *V* < *Volt* >, укр. В < вольт >;

б) звуковых аббревиатур, состоящих из начальных звуков слов исходного словосочетания, которые прочитываются как одно слово, напр.: нем. *var* (← *v*(olt)*a*(mpere) *r*(eaktiv)) вар ‘вольтампер реактивный’, укр. фер (← *ф*(ізичний) *е*(квівалент) *р*(ентгена));

в) неинициальных аббревиатур (апокоп), которые образуются путём отсечения отдельных фонем или групп фонем в конце слова, напр.: нем. *Gal* ‘гал’ для обозначения единицы в честь Галилея, укр. тор – в честь Торричелли;

г) аббревиатур, состоящих из начальной части слова (слов) и целого слова, напр.: нем. *Akohm* (← *ak*(ustisches) *Ohm*) ‘аком’, укр. мехом (← мех(анічний) ом).

Н.М. Шанский указывает в этой связи, что аббревиация и сложение сокращённых основ – принципиально различные способы

словопроизводства. Поэтому, аббревиатуры типа га (← гектар) нельзя, по мнению учёного, толковать как сокращённые слова, поскольку элементы, составляющие эти лексические единицы, являются не условными представителями исходных целых, а передают составляющие их части (ср. г – *гект*, а – *ар*) [17, с. 290];

ЭЕ-термины функционируют как заимствования рассматриваются как интернационализмы, поскольку встречаются более, чем в трёх неродственных языках. Лингвисты, рассматривая употребление фамилий в терминах, отмечают, что «каждый язык приспосабливает термины-интернационализмы к своей структуре свойственным ему способом» [13, с. 60]. Это касается, в первую очередь, фонетической адаптации ЭЕ, заимствованных, в частности, из немецкого языка, что выражается в следующем:

- в соответствии с правилами правописания, в украинском языке отсутствует удвоение согласных, напр.: нем. *Gauss* ‘гаус’;
- немецкий дифтонг [ai] передается в украинских терминах как [ej], напр.: нем. *Einstein* ‘ейнштейн’;
- звонкому [z] в немецком языке обычно соответствует глухой [s] в украинском, напр.: нем. *Siemens* ‘сименс’.
- отсутствие в украинском языке ряда немецких звуков, которые передаются в нем другими звуками, наиболее близкими к соответствующим немецким:
 - немецкий звук [œ] передается звуком [ɛ] в украинском языке, напр.: нем. *Röntgen* ‘рентген’;
 - немецкий глухой звук [h] соответствует звонкому [ɦ] в украинском языке, напр.: нем. *Hertz* ‘герц’;
 - ассимиляция в немецком языке [t ts] → [ts], напр.: нем. *Hertz* ‘герц’.

4. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) отличительной особенностью ЭЕ в сопоставляемых языках является тот факт, что они функционируют как термины исключительно в МЛ второго, научного периода.

2) в основе исследуемых лексем, относящихся ко вторичной номинации (метонимия), лежит антропонимический перенос по модели «фамилия учёного → единица измерения»;

3) немецкие термины-заимствования в системе метрологической лексики представлены эпонимами, которые функционируют как омофоны и аппелятивы;

4) ЭЕ в системе МЛ могут употребляться сокращенно, как в виде акронимов, так и апокоп;

5) адаптация немецких терминов-ЭЕ, являющихся интернационализмами, происходит в украинском языке на фонетическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко, Л. Г. Поле неопределенно малого количества в немецком и русском языках / Л.Г. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках / Акуленко В. В., Швачко С. А., Букреева Е. И. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 160–172.
2. Андрухович, Ю. Московіада: роман / Ю. Андрухович // Рекреації. – К.: Вид-во «Час», 1997. – С. 113–256.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Бурдун, Г.Д. Единицы физических величин / Г.Д. Бурдун, В.А. Баракуца. – Х.: Изд-во при Харьк. гос. ун-те «Вища школа», 1984. – 208 с.
5. Вакуленко, М.О. Фізичний тлумачний словник / М.О. Вакуленко, О.В. Вакуленко. – К.: Видавн.-поліграф. центр «Київський університет», 2008. – 767 с.
6. Вахрамеева, В.В. Эпонимные термины в английских подъязыках науки и техники: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Вахрамеева. – Омск, 2003. – 144 с.
7. Введенская, Л.А. От собственных имен к нарицательным / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – М.: Просвещение, 1989. – 143 с.
8. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1425 с.
9. Волкова, І.В. Лексико-семантична характеристика сучасної української фізичної термінології (на матеріалі спеціалізованих видань 90-х рр. XX ст.): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / І.В. Волкова. – Х., 2002. – 20 с.
10. Володина, М.Н. Теория терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
11. Гринев-Гриневич, С.В. Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
12. Зюскинд, П. Контрабас / П. Зюскинд. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 15–112.
13. Карпіловська, Є. Прізвище в терміні / Карпіловська Є., Кочерга О., Мейнарович Є. // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. – К., 2007. – Вип. VII. – С. 59-65.
14. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.
15. Циткина, Ф.А. Терминология и перевод: к основам сопоставительного терминоведения / Ф.А. Циткина. – Львов: Вища шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. – 159 с.
16. Цюцюра, В.Д. Метрологія та основи вимірювань: навч.

- посібник / В.Д. Цюцюра, С.В. Цюцюра. – К.: Знання-Прес, 2003. – 180 с.
17. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – Москва: URSS, 2010. – 290 с.
 18. Böll, H. Im Ruhrgebiet / H. Böll // Schriften und Reden. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. – S. 222–250.
 19. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. – 5., überarb. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003. – 1892 S.
 20. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 2., durchgesehene und ergänzte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – 382 S.
 21. Meyers Physik-Lexikon / hrsg. von der Fachredaktion für Naturwissenschaften u. Technik des Bibliographischen Instituts. – Mannheim; Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut Mannheim, 1973. – 864 S.
 22. Süskind, P. Der Kontrabaß / P. Süskind. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1984. – 95 S.

АННОТАЦИЯ

Повторуха Н.В. Функциональные особенности эпонимических единиц в системе метрологической лексики в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и украинского языков)

Статья посвящена изучению особенностей эпонимических названий, обозначающих единицы измерения в немецком и украинском языках. Значительная часть лексем появилась после введения метрической системы мер (СИ). Метрологические термины рассматриваются с учётом хронологии.

Ключевые слова: эпоним, антропонимический перенос, аппелятив, интернационализм, заимствование, омофон, термин.

SUMMARY

Povtorukha N.V. Functional Peculiarities of Eponymic Units in the System of Metrological lexis in Comparative Aspect (on the Material of the German and Ukrainian Languages)

The article is devoted to the studying of eponymic names meaning measurement units in the German and Ukrainian languages. Considerable part of lexemes emerged the implementation of the metric system (SI). Metrological terms are studied according to their chronology.

Key words: eponyme, antroponymic transfer, appellative, loan, internationalism, omophone, term.

*А. В. Понкратенкова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'271:316.356

ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ

В настоящее время особое внимание уделяется сохранению культурных и нравственных ценностей, поэтому 2024 год объявлен Годом семьи. Именно в семье в первую очередь формируются личностные качества человека, происходит его социализация, прививаются нравственные устои и передаются традиции из поколения в поколение.

Безусловно, основным способом передачи различной информации является семейная коммуникация – часть повседневного общения (согласно классификации В.И. Карасика, семейный дискурс относится к бытовому (обиходному) дискурсу).

В соответствии с концепцией М.М. Бахтина высказывание как речевой жанр (далее – РЖ) – важнейшая единица речевой и коммуникативной деятельности. Последние десятилетия немало лингвистических исследований посвящено изучению РЖ (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, М.Ю. Федосюк), в том числе в различных сферах человеческой деятельности: Е.П. Корзенкова, Т.А. Ладыженская, Н.В. Ладыженская – коммуникация в педагогике; Е.Ю. Алешина, Ж.В. Зигманн – политический дискурс; И.В. Анненкова, Л.Р. Дускаева – дискурс массмедиа и журналистики; Ф.Л. Косицкая и М.В. Матюхина – медицинский дискурс. Особенности семейной коммуникации характеризовали А.Н. Байкулова, А.В. Занадворова, В.В. Звягинцева, Я.Т. Рытникова, однако отсутствуют работы, посвященные обобщенному анализу РЖ семейного дискурса, чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

Данная работа посвящена анализу этикетных речевых жанров, функционирующих в семейном дискурсе.

В исследовании мы опираемся на определение речевого этикета, сформулированное А.Г. Балакаем: «Речевой этикет понимается как система языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией» [2, с. 3].

Рассматривая роль этикета в повседневности, Н.И. Формановская отмечает: «Этикет определяет всё наше поведение. Это не только правила, которыми мы пользуемся

за столом или в гостях, это вообще все нормы наших взаимоотношений. При помощи таких с детства усвоенных правил мы регулируем наши взаимодействия с окружающими, устанавливаем или обнаруживаем в общении отношения типа «старший – младший – равный» [8, с. 7]. Исследователь рассматривает речевой этикет как функционально-семантическое поле единиц доброжелательного общения в ситуациях знакомства, приветствия, прощания, благодарности и т.п.

Н.И. Формановская выделяет наиболее важные функции для понимания роли речевого этикета в нашем общении:

1. Контактустанавливающая (социативная, фатическая) функция реализуется, когда говорящий привлекает внимание собеседника, подготавливает его к сообщению информации. «Обслуживает речевой контакт собеседников» [8, с. 14].

2. Апеллятивная (призывная) функция служит для обращения к собеседнику, привлечения его внимания, призыва собеседника к общению.

3. Функция ориентации на собеседника (конативная) – в общении учитываются социальные роли собеседников: «... конативная функция тесно связана с понятием вежливости» [8, с. 15].

4. Функция волеизъявления (волюнтативная) реализуется в коммуникативных ситуациях просьбы, приглашения, разрешения, совета, предложения.

5. Эмотивная функция «связана с выражением эмоций, чувств, отношения к человеку» [8, с. 16].

Отметим, что все вышеуказанные функции реализуются в речи одновременно или поочерёдно в зависимости от цели и ситуации общения, а также отношений коммуникантов.

Т.В. Тарасенко указывает, что выделение этикетных РЖ «обусловлено существованием в обыденном сознании и речи (а также в профессиональной, научной, официальной и политической речи) таких категорий, как «благодарность», «поздравление» и т.д. Их осмысление позволяет говорить о том, что высказывания и тексты, определяющиеся как достаточно фиксированные языковые реакции на стандартные ситуации социального общения, осознаются как лингвистический объект, обладающий специфическими свойствами, и при этом могут быть описаны в терминах теории речевых жанров...» [6, с. 4].

Также исследователь рассматривает РЖ с точки зрения их содержания и ситуации, в которой они воспроизводятся: «... это две группы этикетных жанров, которые разделены по принципу: событие / реакция на событие. Первая группа – это этикетные жанры –события, или декларативы (экспрессивы по

Серлю), которые не только информируют о положении дел в действительности, но и фактом своего существования изменяют указанное положение дел (по мнению М.Ю. Федосюка, это жанры-фикции, так как многие из них реализуются посредством вторичных письменных жанров, например, «Я назначаю тебя директором» реализуется в РЖ приказа); вторая группа этикетных жанров – жанры, которые можно представить как коммуникативную реакцию на диктумную ситуацию; жанровое время которых всегда настоящее, а событийное время может быть либо прошедшим, либо будущим» [6, с. 8]. Так, Т.В. Тарасенко определяет следующие группы этикетных РЖ: 1) событие и 2) реакция на событие, временная перспектива которых перфектная или футуральная.

1. Этикетные РЖ – декларативы, событие (приветствие, прощание, объявление, называние).

2. Этикетные РЖ – реакции:

2.1. С футуральной перспективой (просьба, предложение, совет, требование, призыв, приглашение, обещание, отказ, согласие, угроза);

2.2. С перфектной перспективой (благодарность, извинение, поздравление, соболезнование) [6, с. 8].

М.Ю. Федосюк все этикетные РЖ относит к эмотивным, поскольку они направлены на поддержание или улучшение эмоционального состояния адресата [7, с. 78].

В этом исследовании мы рассматриваем этикетные РЖ, поддерживающие отношения коммуникантов на определенном уровне, т.е. являющиеся фатическими (В.В. Дементьев, Т.Г. Винокур). Согласно типологии РЖ семейного дискурса к данной группе относим РЖ приветствие, прощание, а также реплики, сообщающие об акциональных намерениях коммуниканта (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова).

Учитывая классификацию, предложенную Т.В. Тарасенко, данные РЖ мы относим к этикетным РЖ – декларативам (событиям).

Рассматриваемые РЖ функционируют в соответствующих коммуникативных ситуациях, а именно: РЖ приветствие осуществляется при встрече или, что более характерно для семейного общения, происходящего в основном в домашней обстановке, – при возвращении / приходе одного из членов семьи. Также РЖ приветствие может осуществляться во время ответа на телефонный звонок.

Толковый словарь содержит такое определение приветствия: ‘Обращение (слова, жест, движение) при встрече, выражающее дружелюбие, доброжелательство’ [5, с. 971].

Приветствие является зачином коммуникативного акта и выражается типичными этикетными формулами: *привет* (разг. ‘форма дружеск. приветствия при встрече с приятелями, близкими знакомыми, родственниками, равными или младшими по возрасту, положению’ [1, с. 403]), *добрый день / вечер* (‘формы вежл. приветствия при встрече, соответственно: утром, днём, вечером’ [1, с. 143]), *здравствуйте* (‘самая употребительная форма приветствия при встрече, знакомстве, обращении по телефону, в письме’ [1, с. 190]).

Часто в семейном дискурсе при приветствии используется тактика вопроса, провоцирующая на более развёрнутый ответ: – *Доброе утро // Как спалось?* Отвечая, адресант может поддержать оппонента и выбрать тактику продолжения разговора: – *Хорошо // Как заснула на одном боку / так и проснулась на нём; – Та // Всё ночь что-то снилось / Куда-то шли // Ю. что-то там говорила* // – здесь коммуникант поддерживает стратегию кооперации и желает поделиться переживаниями. Также адресант может выбрать тактику ответа на вопрос, не продолжая разговор: – *Нормально* [спалось]; или проигнорировать вопрос, ответить, выбрав тактику шутки: – *Утро добрым не бывает; Хорошо но мало*. Тактика прекращения разговора: 1: *Как дела на работе?* 2: – *Как обычно!* – в зависимости от тона и интонации говорящего может расцениваться как грубый ответ (стратегия конфронтации).

Отметим, что отдельную группу составляют приветствия в качестве ответа на телефонный звонок. В семейной речи используются нейтральные формулы: *алло (аллэ), слушаю, да*, а также шуточные – в ситуациях, когда звонит другой член семьи: *у аппарата; Кремль на связи*. Также возможны приветствия конфронтационного характера, когда говорящий не может дозвониться до собеседника (*зачем вам телефоны?; звоню / как в трубу / рельсу*); или в качестве упрёка используется шуточное замечание: *тебе / как в Кремль / не дозвонишься!* Подобные этикетные единицы подчёркивают близкие отношения коммуникантов и высокую эмоциональность семейного общения. Можем выделить особенности приветствий среди коммуникантов, проживающих в ЛНР и ДНР, например, ответ на звонок в виде вопроса: – *Как дела? У вас тихо?* Выбор тактики возмущения, направленной на сторонние объекты: – *Связь кошмарная // не дозвонишься!* или жалобы: – *У нас такой грохот // мы все испугались*.

Как видим, РЖ приветствие в семейном дискурсе представлен различными речевыми формулами. Учитывая родственные связи, близкие отношения, коммуниканты могут использовать

шутливые приветствия или ответы на приветствия, а также реплики конфронтационного характера.

РЖ прощание предполагает завершение коммуникации и уход одного / всех коммуникативных партнёров (членов семьи). Прощание, прощаться – ‘обменяться рукопожатием, словами приветия и т.п. при расставании с кем-л.’ [5, с. 1039].

Прощание обычно выражено стилистически нейтральными или просторечными лексемами: пока (‘прост. форма дружеск. или фамильяр. прощания’ [1, с. 369]), бай-бай (как сокращение от англ. *goodbye*; ‘разг. шутл. молодёжн. форма прощания’ [1, с. 30]).

Члены семьи в качестве прощания могут использовать пожелания удачи, хорошего дня: *ни пуха; с Богом, аккуратно там, аккуратно через дорогу*, что воспринимается как вербализация тактики заботы.

Отдельной группой РЖ прощания выступают пожелания, которыми обмениваются коммуниканты, собираясь спать, среди них встречаются общепринятые формулы: *доброй (спокойной) ночи* (‘форма доброжелательного прощания на ночь’ [1, с. 144]), а также фразы с элементами речевого творчества: – *Сладких снов от «АВК» и «Клуб желе»* (в пожелании фигурируют фирмы, изготавливающие кондитерские изделия, что наполняет его мягким, понятным для адресата юмором). Пожелания перед сном часто сопровождаются признаниями в любви: *люблю тебя до Луны и обратно* (обращение матери к ребёнку), – *Я тебя не люблю, а обожаю* (фраза из современного музыкального хита, которую повторяет ребёнок), что, безусловно, указывает на гармоничные отношения в семье.

Отметим, что частью прощания в семье являются экстралингвистические особенности, выраженные поцелуем, объятием, благословением (мать перекрещивает детей). Как видим, РЖ *прощание* в семейном дискурсе выражается при помощи различных этикетных формул, а также нетипичных речевых средств, подчеркивающих шутливый характер общения, и фраз, направленных на поддержание стратегии кооперации в семье.

Особенностью речевого этикета семьи является наличие реплик, сообщающих об акциональных намерениях коммуникантов.

В «Словаре лингвистических терминов» дается такое определение: «акциональность (действие)» – ‘логико-синтаксический тип семантики простого предложения, представленный преимущественно глагольными предложениями: двусоставными и односоставными (...) В общем значении действия, связанном с глагольным типом предложений (...)’ [3, с. 27].

О таких репликах-сообщениях говорят М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в монографии, посвященной городской коммуникации: «...в ситуациях домашнего общения довольно активно используются реплики-сообщения о своих акциональных намерениях. Ср.: *Пойду посуду помою* //». Обычно само действие непосредственно следует за репликой. Подобное речевое поведение имеет этикетную природу. Реплика упреждает возможный «невежливый» вопрос собеседника (типа *Ты куда пошел?*). Действие «молчком» в присутствии другого лица также представляется невежливым» [4, с. 243]. Авторы подчеркивают, что такие реплики характерны именно для «домашней» обстановки. Часто воспроизводятся в коммуникативной ситуации «вся семья в сборе», когда особенно грубо будет выглядеть молчаливый уход.

Анализируя данный РЖ, видим, что реакция на подобные сообщения может быть различной: 1: – *Пойду собак покормлю* // 2: – *Помочь?* (адресант выбирает тактику предложения помощи); 1: – *Чайник поставлю* // *Будете чай?* 2: – *Будем* // *Ой / захвати воды / пожалуйста* // (реакцией на акциональное сообщение является согласие и просьба); также в семье один из присутствующих может взять на себя выполнение озвученного действия: 1: – *Так* // *Я мыть посуду* // *Сколько можно сидеть* // 2: – *Сиди* // *Я щас помою* // – после реплики-сообщения адресат также использует тактику риторического вопроса, подчёркивая, что бездействие длится долго, а адресант сообщает о намерении самостоятельно выполнить работу. Помимо собственно этикетной функции, данные реплики-сообщения могут иметь бытовой характер: – *Я в магазин собираюсь* // *Что покупать?* Реплика может быть направлена на будущее действие и также сопровождаться вопросом: – *Завтра буду делать заказ* // *Вам что-то нужно?* Отметим, что в семейном общении реплики-сообщения об акциональных намерениях коммуникант также может использовать, если не хочет, чтобы ему мешали: – *Я пошла поговорю по телефону*; – *Я звонить тётке Л.* – подразумевается, что члены семьи должны вести себя тише; – *Пойду поставлю тесто* // *Не кричите тут!* – тактика просьбы в качестве напоминания, что от громких звуков тесто может «опасть»; – *М. будет играть* [на фортепиано] // *Сделайте тише* // – в данном случае мать сообщает об акциональных намерениях ребёнка и использует тактику просьбы, обращаясь к другим членам семьи.

Как видим, в семейном общении реплики, сообщающие об акциональных намерениях, могут выполнять различные функции, однако всегда в их основе – кооперативная стратегия коммуникантов.

В семейном дискурсе этикетные РЖ, поддерживающие отношения коммуникантов на определенном уровне, представлены РЖ приветствие, прощание и репликами, сообщающими об акциональных намерениях. Данные РЖ реализованы при помощи нейтральных и просторечных лексем, общепринятых и «семейных» этикетных формул. Их функционирование в семье отмечено наличием экстралингвистических особенностей. Характерным для этикетных РЖ является поддержание стратегии кооперации, однако в семейной коммуникации возможно использование этикетных формул конфронтационного характера. Перспективным для нашего исследования является анализ этикетных РЖ, улучшающих отношения коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай, А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Балакай, А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Балакай Анатолий Георгиевич. – Орел, 2002. – 40 с.
3. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
4. Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
5. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.
6. Тарасенко, Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... к. филол. наук: 10.02.01 / Т. В. Тарасенко; науч. рук. В.А. Разумовская. – Красноярск, 1999. – 19 с.
7. Федосюк, М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» / М.Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 73–94.
8. Формановская, Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении) / Н.И. Формановская. – Изд. 3-е. – М.: Знание, 1989. – 160 с.

АННОТАЦИЯ

Понкратенкова А.В. Этикетные речевые жанры семейного дискурса, поддерживающие отношения коммуникантов

В статье рассматриваются этикетные речевые жанры семейного дискурса, поддерживающие отношения коммуникантов на определенном уровне. Автор анализирует стратегии и тактики, которые используют члены семьи в пределах речевых жанров приветствие, прощание, а также реплики, сообщающие об акциональных намерениях участников коммуникативного акта. В работе определены особенности функционирования данных жанров в семейном общении.

Ключевые слова: речевые жанры, семейный дискурс, приветствие, прощание, акциональные намерения.

SUMMARY

Ponkratenkova A.V. Etiquette Speech Genres of Family Discourse Supporting the Relations of Communicants

The article examines the etiquette speech genres of family discourse that support the relations of communicants at a certain level. The author analyzes the strategies and tactics used by family members within the speech genres greeting, farewell, as well as replicas informing about the action intentions of the participants in the communicative act. The paper defines the features of the functioning of these genres in family communication.

Key words: speech genres, family discourse, greeting, farewell, action intentions.

*А. М. Решетарова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СЕНДАП-КОМИКА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В отечественной филологии термин *речевой портрет* появился практически одновременно с термином *языковая личность*. Выделение данного термина было спровоцировано актуализацией антропоцентрического подхода к описанию языковой личности, объединившего достижения нескольких смежных наук и выдвинувшего в центр внимания личностные характеристики человека, влияющие на процессы порождения и восприятия ним речи.

Впервые термин *языковая личность* появился в исследованиях В.В. Виноградова в 30-х годах XX столетия. Позднее этот

термин изучался Г.И. Богиным, А.Б. Бушевым, С.Г. Воркачёвым, В.И. Карасиком, Ю.Н. Карауловым и др. Однако дальнейшие исследования учёных привели к выделению и нескольких других терминов, к примеру, *словарная личность* (Карасик, 1994), *коммуникативная личность* (Красных, 1998), *речевая личность* (Прохоров, 1999), *речевой портрет* (Желтухина, 1999).

Первое употребление термина *речевой портрет* принято связывать с именем М.В. Панова, выдвинувшего в середине XX в. идею фонетического портрета. Научные поиски в области фонетики позволили учёному вывести жанр фонетических портретов (фонетический портрет М.В. Ломоносова, фонетический портрет А.С. Пушкина и др.), который получил широкую популярность в лингвистическом сообществе, сформировав к концу столетия целое направление, которое исследует языковую личность именно с точки зрения описания её речевого портрета.

Учёными предпринимались попытки построения не просто фонетического, а речевого портрета (см. например, работы М.В. Китайгородской, Л.П. Крысина, Т.М. Николаевой и др.) или социолингвистического портрета (термин Т.М. Николаевой), в котором был бы компонент, отражающий тактику речевого поведения.

В настоящее время существует несколько определений термина *речевой портрет*. К примеру, С.В. Леорда называет *речевым портретом* «воплощённую в речи языковую личность» [13]; Т.П. Тарасенко *речевой портрет* определяет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [18]; в исследованиях Г.Г. Матвеевой данный термин рассматривается как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определённых намерений и стратегий воздействия на слушающего» [14]. При изучении речевого портрета учёные выделяют гендерные, психологические, возрастные, социальные, этнокультурные и лингвистические характеристики личности и отмечают, что отличительной чертой речевого портрета является фиксированное речевое поведение, которое становится бессознательным при типичных и/или повторяющихся обстоятельствах коммуникации. Также лингвисты отмечают, что речевой портрет может быть как индивидуальным, так и коллективным. В своём исследовании мы будем опираться на определение, предложенное Г.Г. Матвеевой.

На сегодняшний день многие учёные разделяют мнение, что построение коллективного речевого портрета личности позволило

бы выявить речевые характеристики социума, частью которого данная личность является, и обобщить присущие данному социуму явления. Однако есть и те, кто подчёркивает индивидуальность и уникальность речевого портрета отдельно взятой личности. Среди объёма изученной научной литературы следует отметить исследования данной проблематики, выполненные отечественными учёными: Ю.С. Алышевой, Е.А. Бабушкиной, М.Н. Гордеевой, О.Н. Варламовой, С.В. Леорды, С.О. Макеевой, С.В. Мамаевой, Г.Г. Матвеевой, Ю.Б. Павловой, Т.П. Тарасенко и др. Среди работ зарубежных лингвистов для нашего исследования определённый интерес представляют труды М. Бухольца (M. Bucholtz), Б. Нортон (B. Norton), Дж. Эдвардса (J. Edwards) и др.

Как уже упоминалось выше, учёными неоднократно предпринимались попытки типологизировать подходы к изучению портретирования личности, унифицировать особенности языка и речи, которые следует учитывать при составлении речевых портретов. Одна из таких попыток принадлежит Е.Н. Иванцовой [8]. Автор выделяет социолингвистические, лингво-исторические, коммуникативные, риторические и генезисные портреты. Лингвисты признают, что единого алгоритма построения речевого портрета не существует, что позволяет каждому исследователю использовать свой собственный подход. Не выработан также единый взгляд на механизмы исследования и на то, какие особенности речи следует подвергать анализу. Е.Н. Иванцова отмечает [8], что чаще всего исследователи создают фрагментарные речевые портреты, предполагающие выборочную характеристику наиболее ярких особенностей речи какой-либо личности.

Актуальность исследования речевого портрета стендап-комика в русской лингвокультуре заключается в популярности стендап-комедии среди широких масс населения. Популярность шоу, в свою очередь, позволяет отнести стендап-комиков к группе так называемых инфлюенсеров – лидеров мнений и законодателей моды, языковой в том числе. Следовательно, изучение речевого портрета стендап-комика позволит выявить некоторые характеристики русскоязычного социума, в частности, распространение «модных» слов и окказионализмов.

Целью нашего исследования является изучение коммуникативного поведения стендап-комика, в том числе и его речевой портрет как совокупность коммуникативных особенностей личности, детерминирующих ее уникальность или узнаваемость, в частности. Другими словами, мы применяем метод портретирования (выявляем и исследуем речевой портрет)

для описания представителя современной стендап-комедии как коммуникативной личности, продуцирующей юмористический дискурс. При этом алгоритмы составления речевого портрета интересны нам не столько с орфоэпической точки зрения, сколько в качестве одного из аспектов описания коммуникативной личности стендап-комика – его сценической речи как средства создания сценического образа.

Так, вслед за Л.П. Крысиным [11], при описании речевого портрета стендап-комика мы подвергаем анализу две основные составляющие: особенности языковых единиц (фонетические, лексико-семантические) и особенности речевого поведения (формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра).

Как отмечает Л.В. Бондарко, когда общение происходит на родном языке, восприятие и передача информации осуществляются при использовании единого лингвистического кода в рамках единой языковой системы [3]. В условиях неюмористической коммуникации фонетическая вариативность речи регулируется данной системой, не нарушая общепринятой нормы её реализации, то есть носитель языка быстро расшифровывает воспринимаемую им информацию. Однако в юмористической коммуникации, если комик имитирует акцент, это приводит к необходимому эффекту – смеховой реакции. При этом, опираясь на Большой толковый словарь С.А. Кузнецова, под *акцентом* мы понимаем 1. Невольное искажение звуков какого-л. языка лицом, для которого этот язык не является родным; 2. Особый характер произношения, свойственный тому или иному языку, диалекту [12]. Приёмом искажённого произношения (акцентом) комики пользуются как самым простым способом создать образ с необходимыми качествами: для копирования речи противоположного пола, пародирования речи разных возрастных групп (детская речь, молодежная, старческая) или речи людей с характерным акцентом. Для примера рассмотрим отрывок (1) из монолога Павла Воли «Футбол переоценён» (от 28 мая 2021 года) [4], в котором комик имитирует северно-русское произношение (оканье):

(1) Вы понимаете? «Да» – две буквы! 115 миллионов за две буквы! Кирилл и Мефодий за 33 буквы, знаете, что получили? Благодарим! [*благодарим*] Отвяжите [*отвяжыт'ь*] и покормите [*покормит'ь*], *всё, спасибо* [*спос'ибь*] большое [*бол'уо'ь*].

Также широко используется имитация акцентов в шутках над национальными стереотипами. В качестве примера приведём так называемый кавказский акцент. В действительности такого акцента не существует, а лексема кавказский используется в качестве обобщающего бытового наименования смеси

фонетических особенностей, присущих речи носителей различных языков Кавказского и Закавказского регионов. Появление этого обобщения вызвано тем, что носители русского языка, как правило, не различают на слух армянский, азербайджанский, грузинский и др. акценты, которые сливаются в некий обобщенный образ. Так, для воссоздания акцента персонажей нерусского происхождения комик выбирает несколько произносительных особенностей и преувеличивает их. Например, применяются приёмы утрированного аканья (напр. дарагой [дараго́]), харашё [хара́ш'о]), опущения фонемы [j] (напр. па'эхали [пА'эхАл'и]), недостаточная мягкость согласных (напр. адын [ады́н], двэрь [двэ́р']) или твёрдость шипящих (напр. куший [ку́ш'ий]), замена губно-зубной фонемы [в] губно-губной фонемой [w] (напр. дауай [дауáj]).

Другой пример (2): фраза, произнесённая резидентом Камеди (Comedy Club – далее СС) Г. Харламовым, вызывает смеховую реакцию публики только за счёт интонационного оформления. Комик делает на словах *Дагестан* и *жёсткий* ударения, подчёркивая несоответствие ныне существующей реальности привычному для всех укладу. Произнеся данную фразу с экспрессией, комик апеллирует к политической жизни страны и произошедшим изменениям.

(2) Дагестан – курорт! Медведев – жёсткий! Жёсткий, прикинь?! [19]

Кроме того, в данном диалоге разыгрывается ситуация личного общения между Г. Харламовым и Т. Батрутдиновым. Данный эффект достигается за счёт фамильярного обращения к партнеру с использованием прозвищ (Батр, Харл, Гар) и привнесения разговорных элементов (прикинь). БТС С.А. Кузнецова даёт следующие определения лексеме прикинуть: (разг.) 1) приблизительно определить вес, длину, количество и т. д. чего-л.; 2) что и чего. Добавить, прибавить; 3) что. Накинув, приложив или надев что-л., примерить [12]. Отмеченная в анализируемом примере семантика лексемы *прикинь* не отражена в БТС. В свою очередь, Словарь русского арго В.С. Елистратова определяет лексему прикинуть так: «представлять себе, воображать» [6]. Элемент прикинь в анализируемом фрагменте диалога употреблён в значении, которое соответствует значению, приведённому в словаре В.С. Елистратова.

Юмористический эффект может строиться на применении диафоры (3). В энциклопедическом словаре-справочнике А.П. Сковородникова диафора толкуется как «риторический приём (в иной трактовке – стилистическая фигура), представляющий собой повтор одного и того же слова или

словосочетания в узком контексте в разных, хотя и не резко контрастирующих значениях» [17].

(3) В конце концов, можно пошутить про Кадырова. – Вот тут ты правильно формулировку выбрал, конечно. В конце концов. ‘От, прям в самом конце концов можно, наверно, будет и пошутить.

В приведённом примере смеховая реакция аудитории достигается благодаря многозначности наречия в конце концов. Новый толково-образовательный словарь русского языка даёт три определения данной лексеме: 1) В результате всего, после всего; 2) В конечном счёте, в итоге; 3) Употр. как вводное словосочетание, заключая или обобщая сказанное [7]. В конце концов, можно пошутить про Кадырова – в данном фрагменте наречие в конце концов использовалось Т. Батрутдиновым во втором словарном значении ‘в конечном счёте’. Во втором фрагменте От, прям в самом конце концов можно, наверно, будет и пошутить Г. Харламов строит шутку на использовании лексемы конец в прямом значении, определяемой как «последний момент чего-л. протекающего во времени; примакающий к нему период времени» [12].

В стендапе одним из часто употребляемых стилистических средств порождения юмористического эффекта является каламбур. Энциклопедический словарь-справочник А.П. Сковородникова определяет каламбур как «разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, антонимия и паронимия (в широком смысле, включая паронимизию)» [17]. Рассмотрим пример (5), демонстрирующий каламбур, основанный на омонимии (лексема *предлог* в данном случае используется как грамматический термин, наименование части речи, а не в том значении, которого требует контекст ситуации: повод к чему-л., вымышленная причина [12]):

(5) *Российскому дипломату отказали в политическом убежище под странным предлогом «из-под».* [9].

Отметим также, что монологи комиков изобилуют инвективами. Большой толковый словарь С.А. Кузнецова определяет инвективу (лат. *invectivus* – ‘бранный’, ‘ругательный’) как «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь, выпад» [12]. Употребление бранной лексики отечественными стендап-комиками может быть объяснено их попытками равняться на западных коллег, в период, когда жанр стендап-комедии только начинал своё становление в России. Однако корпус английского языка содержит гораздо меньше лексических единиц подобного толка в отличие от

русского языка. Таким образом, переизбыток обценной лексики в англоязычном стендапе нашими комиками воспринимался как своего рода маркер протеста и заменялся более обширным спектром грубых выражений.

Подводя итог, отметим, что характерной особенностью речевого портрета стендап-комика можно считать применение фонетических и стилистических средств при создании образа персонажа. Также имеет место тенденция сочетать использование различных языковых средств для достижения юмористического эффекта. Русскоязычной стендап-комедии присуще использование фонетических и лексико-стилистических языковых средств (каламбур, диафора, эпитет и др.). Выявленные черты сложились в общую картину в результате влияния разнонаправленных объективных и субъективных факторов при формировании исследуемой коммуникативной личности. Перспектива дальнейшего исследования нами видится в сопоставительном изучении особенностей речевого поведения, в частности, в анализе источника прецедентных феноменов, а также выразительных средств языка и речи, на которых строится языковая игра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алышева, Ю. С. Речевой портрет В.В. Путина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2012. Вып. 2 (16). – С. 171–174.
2. Алышева, Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2012. – 21 с.
3. Бондарко, Л. В. О фонологических восприятиях, обеспечивающих речевую коммуникацию // Фонология. Фонетика. Интонология: материалы к IX Междунар. конгр. фонетических наук. – М., 1979. – С. 54–58.
4. Воля, П. «Футбол переоценён» – Сайт – электронный. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=cAA3ToBD0us&t=578s> (дата обращения : 28.12.2023).
5. Герасименко, И. А. Речевой портрет Валентина Распутина (на материале рассказа «Изба») // Восточнославянская филология. – Литературоведение. Вып. 5 (29). / ОО ВПО «Горловский ин.-т иностранных языков». Редкол.: С. А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – С. 191–199.
6. Елистратов, В. С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – Сайт – электронный. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения : 25.10.2023).

8. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». – 2008. Вып. 3 (4). – С. 27–43.
9. Импровизация. 4 сезон, 9 выпуск – Сайт – электронный. – URL : <https://rutube.ru/video/f9642effa69f3d5ebec925aa9696d209/> (дата обращения : 28.12.2023).
10. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Б. и., 1995. – 127 с.
11. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытки речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. № 1. – С. 20–25.
12. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов, – СПб., 2000, – 1536 с.
13. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. фил. наук 10.02.01. – Саратов, 2006. – 22 с.
14. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Матвеева. – СПб., 1993. – 322 с.
15. Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М., 1991 – С. 73–75.
16. Панов, М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Изд. 2-е, стереот. – М.: Едиториал УРСС, – 2002. – 456 с.
17. Сковородников, А.П. Ключевые слова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. – С. 231–232.
18. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук / Т. П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 26 с.
19. Харламов, Г. «О чём шутить» [Электронный ресурс] / Г. Харламов, Т. Батрудинов. – Сайт – электронный. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=f4XHEqhYFkA> (дата обращения : 25.12.2023).
19. Bucholtz, M. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach / M. Bucholtz, K. Hall // Discourse Studies. Vol. 7. № 4-5. 2005. – 585614 p.

20. Edwards, J. Language and Identity: An introduction. – Cambridge, 2009. – 324 p.
21. Norton, B. Identity and Language Learning: Extending the Conversation. – Bristol, UK: Multilingual Matters, 2013. – 216 p.

АННОТАЦИЯ

Решетарова А.М. Особенности речевого портрета стендап-комика в русской лингвокультуре

Статья посвящена изучению речевого портрета стендап-комика в русской лингвокультуре. Основное внимание уделено фонетическим и стилистическим особенностям речевого поведения стендап-комика.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, речевой портрет, стендап-комедия, юмористический дискурс, фонетические особенности, стилистические особенности.

SUMMARY

Reshetarova A. M. Speech portrait of a stand-up comedian in Russian linguistic culture

The article speculates on the speech portrait of a stand-up comedian in Russian linguistic culture. The main attention is paid to the phonetic and stylistic features of the speech behaviour of a stand-up comedian in the linguistic culture.

Key words: linguistic personality, communicative personality, speech portrait, stand-up comedy, humorous discourse, phonetic features, stylistic features.

*Е. В. Соловцова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.37:81.367.625(045)

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ КОМИССИВНОЙ ИНТЕНЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)

Современная лингвистика характеризуется особым вниманием к коммуникативно-прагматическим аспектам языка, что в значительной мере обусловлено доминантной антропоцентрической парадигмой. Определение особенностей функционирования перформативных глаголов в газетном дискурсе представляет особый интерес для прагмалингвистических

исследований, поскольку газетные тексты отражают события внеязыковой (социальной) действительности и характеризуются направленностью на адресата, выступая инструментом формирования общественного мнения и распространения информации. Перформативные глаголы выражают интенцию адресанта и являются средством осуществления влияния на адресата, что определяет **актуальность** данной работы.

Изучением вопроса перформативности и специфики канонических перформативных предикатов активно занимаются как отечественные (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, И. М. Кобозева, Е. А. Красина, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, Л. А. Романова, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов), так и зарубежные (Э. Бенвенист, А. Вежбицкая, Д. Вундерлих, П. Грайс, Э. Кошмидер, Дж. Лайонз, Б. Фрейзер) учёные.

Перформативность реализуется в коммуникативном контексте перформативного высказывания, ядро которого образует глагол, обозначающий действие, совершаемое говорящим в момент произнесения этого глагола, то есть это высказывание, эквивалентное поступку [6, с. 344].

В предлагаемом исследовании во внимание принимается прямое, эксплицитное выражение комиссивного речевого акта, то есть использование перформативного глагола в канонической грамматической форме (первое лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога).

Цель представленной работы – исследовать семантические и синтаксические особенности функционирования комиссивных перформативных глаголов в газетных текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Речевые акты комиссивной интенции выделяются в различных классификациях, однако могут иметь разные номинации: комиссивы (К. Бах, Д. Вундерлих, Дж. Остин, А. А. Романов, Дж. Сёрль), промиссивы (Г. Г. Почепцов), обещания (Ю. Д. Апресян). Открытым является вопрос определения компонентного состава анализируемой интенционально-семантической группы перформативных глаголов.

Иллокутивная цель перформативных глаголов, эксплицирующая **комиссивную интенцию**, состоит в том, что говорящий берет на себя обязательство совершить определенное действие. Комиссивные предикаты близки по значению к ассертивным, которые также направлены на информирование: говорящий посредством иллокутивного акта комиссивной интенции сообщает о своей готовности выполнить конкретное

действие, тем самым создается ситуация, тождественная осуществлению речевого действия (при соответствующем употреблении предиката в перформативном значении).

Определение лексико-семантических групп комиссивных глаголов в предлагаемом исследовании базируется на принципах, положенных в основу классификаций Дж. Сёрля и Ю. Д. Апресяна: при характеристике перформативных высказываний принимаются во внимание взаимодействие интенции продуцента непосредственно со значением высказывания и иллокутивным эффектом, направленным на реципиента (принципы классификации Дж. Серля), а также лексико-грамматические особенности перформативных глаголов (основной принцип таксономии перформативов, принятый Ю. Д. Апресяном). Критерием перформативности является анализ употребления глагола в контексте, классификация по тематическим группам основывается на главных особенностях перформативных высказываний: равносильность действию, интенциональность, недлительность и т. д., что в целом позволяет говорить о семантико-грамматической дифференциации комиссивных перформативных глаголов.

Исследование специфики функционирования перформативных комиссивных глаголов основано на системном подходе: лексемы рассматриваются в рамках лексикосемантических групп, объединяющих «слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется одна общая категориальная сема (архисема)» [4, с. 11].

Нами выявлены три лексико-семантические группы перформативных глаголов комиссивной интенции: перформативные глаголы и глагольно-именные обороты собственно обещания (1), клятвы (2), гарантии, поручительства и обязательства (3).

Перформативные глаголы собственно обещания являются ядром класса комиссивов. Они выражают наиболее общее значение, присущее всем членам интенционально-семантической группы, а также характеризуется максимальной степенью экспликации интенционального смысла. Компонентами периферии являются лексемы, интенциональное содержание которых осложнено дополнительными значениями и эмоционально-экспрессивными оттенками. Интенции, характерные для периферийных единиц каждой группы, способны образовывать ядро других лексико-семантических подгрупп.

К группе перформативных глаголов и глагольно-именных оборотов собственно обещания относятся следующие единицы: давать обещание, давать слово / честное слово, заверять, обещать,

обещаться. При этом при замене перформативного глагола глагольно-именным оборотом глагол выполняет функции глагола-компенсатора (обещать – давать обещание; давать – компенсатор): **Заверяю**, что правительство РФ предпримет все усилия, чтобы каждый проект состоялся и был успешным» [В первый день ВЭФ подписали соглашений на 1, 2 триллиона рублей // Lenta.ru, 06.09.2017]; **Заверяю** вас, что, помимо административной и даже уголовной ответственности, доска позора им обеспечена [Памфилова рассказала о «сюрпризах» для провокаторов на выборах // Парламентская газета, 2021.07.14]; Я вам **обещаю**, что мы завершим работу до того, как истечет срок нашего мандата [Пенс подтвердил начало строительства стены на границе с Мексикой // Московский комсомолец, 01.03.2019]; Я **даю слово**, что всем будем помогать, всех будем регистрировать и ни кому придираяться не будем [Оппонент Евгении Чириковой на выборах в Химках вышел из «Яблока» // Lenta.ru, 24.08.2012]; Я **даю слово**, что на эту гору никто не зайдет, пока мы не найдем компромиссное решение [Глава Башкирии приостановил геологоразведку на горе Куштау // Ведомости, 2020.08.16]; Я **даю обещание** жителям побережья Мексиканского залива, что ВР выполнит свои обязательства по отношению к ним [М. Табак. Обама подтвердил согласие ВР выделить \$20 млрд на компенсации // РИА Новости, 17.06.2010]. Перформатив обещать характеризуется нейтральной силой иллокутивного воздействия по сравнению с синонимичными перформативами клясться, гарантировать, имеющими большую степень интенсивности действия и формирующими ядро лексико-семантических групп перформативных глаголов клятвы, гарантии, поручительства и обязательства.

Перформативные глаголы и глагольно-именные обороты клятвы представляют вторую по количественному составу группу глаголов комиссивной интенции, выявленных нами в ходе анализа текстов газетного подкорпуса НКРЯ: давать зарок/клятву, **зарекаюсь**, клясться, присягать: Я уважаю коренных американцев, и, **клянусь**, поэтому никогда не сменю название своей команды [«Расистское» название. Клуб НФЛ «Вашингтон Редскинз» требуют переименовать // Vesti.ru, 29.06.2020]; **Зарекаюсь** впредь показываться в первом корпусе в таком виде [А. Загорская. Как я шокировала «политех» колготками в сеточку // Комсомольская правда, 2008.06]; Я, Матвеев Алексей Витальевич, торжественно **присягаю** на верность своей Родине – Российской Федерации [А. Матвеев. Уходили в запой «партизаны» // Комсомольская правда, 2006.02]; **Даю клятву**, что никогда не опозорю ни Всевышнего, ни отца [Ростовского

священнослужителя привлекли к следственным действиям // Коммерсант, 2013.10.26].

Перформативные глаголы клясться, обещать и глагольно-именной оборот давать слово в большинстве случаев предполагают экспликацию адресата, который заинтересован в совершении субъектом говорения определенного действия: **Клянусь тебе, дорогой читатель**, что данный фельетон построен на самых правдивых и отборных фактах нашей жизни [Ж. Олег. Клянусь, в натуре! // Труд–7, 2000.07.15]; Я вам **даю слово**, что по каждому своему действию я персонально отчитаюсь перед вами [С. Федоров. Полосатый жезл уже не прокормит // Труд–7, 2005.07.20]; Дорогие читатели, я **обещаю вам**, что буду продолжать следить за судьбой Саши и исполнением данных нам обещаний о помощи ей [Я. Танькова. Кому отдать старые вещи и ненужные игрушки // Комсомольская правда, 2007.03.05]; Ведь скоро ты встретишь того самого человека, с которым тебе этого по-настоящему захочется, **обещаю тебе**, всегда так бывает [В. Левенталь. Две полосы // Известия, 2012.09.27]. Зафиксированы также высказывания, в которых интенция направлена на самого адресанта: А себе я **даю клятву**, что больше никогда не стану освещать океанские волны [Л. Репин. Один в лодке. Не считая соковыжималки // Комсомольская правда, 2012.10.19].

Следует отметить, что облигаторным компонентом для комиссивных высказываний является объект клятвы/обещания, поскольку эксплицитно называет то действие, которое говорящий должен выполнить в будущем.

Перформатив клясться во многих ситуациях употребления предполагает апелляцию к главным человеческим ценностям (жизнь, дети, семья и т. д.) или же высшим силам как свидетелям клятвы или же в качестве ее залога. Ввиду активного употребления многие подобные сочетания стали устойчивыми: «Завязалась словесная перепалка, но никто его руками не трогал и в грудь не бил. **Клянусь Господом Богом, детьми своими клянусь!**» – уверяет Мукан [Г. Петелин. Избитый топ-менеджер «дочки» «Газпрома» обвинил оппонента в клевете // Известия, 2013.02]; **Клянусь богом**, если бы жил один и у меня не было четверых детей, я довольствовался бы однокомнатной квартирой [М. Марголис. «Я-то ваши ноты возьму, а вы мои – вряд ли» // Известия, 2012.07]; **Клянусь здоровьем моего сына**, что больше не буду претендовать на пост президента [Премьер Словакии поклялся, что не будет участвовать в президентских выборах // РИА Новости, 08.12.2017].

Актантное место залога клятвы могут занимать объекты, которые представляют особую ценность непосредственно для говорящего, однако при этом не входят в общепринятую систему общественных ценностей, что способствует возникновению комического эффекта и является результатом сознательного несоблюдения норм лексической сочетаемости. В подобных случаях перформативные глаголы клятвы употребляются с нетипичными для данной ситуации объектными распространителями: Кризис пройдет как бы стороной. **Клянусь директором банка!** [«Пакуль тоўсты ссохне, худы здохне!» // Комсомольская правда, 2008.11.29]; Я **клянусь памятью восьмого альбома Кая Метова**, на прошлой неделе сказал, что парня, который приехал из Испании делать грозненский «Терек» грозным чемпионом, ждет крах [О. Кушанашвили. Если уж Малахов пошел на баскетбол... // Советский спорт, 2011.01.17].

В целом для перформатива клясться характерны различные контекстуальные сочетания: от обыденного мамой клянусь до официального клянусь соблюдать Конституцию и законы: **Мамой клянусь, приду на выборы и проголосую за любого!** [В. Ворсобин. «Русский шпион» в Грузии // Комсомольская правда, 13.11.2007]; Да у меня, ежели хотите знать, брат в депутатах второй год ходит! **Мамой клянусь!** [А. Мешков. Оборотень // Комсомольская правда, 2014.01.07]; **«Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, законы и уставы Ленинградской области, честно и добросовестно выполнять обязанности губернатора, служить процветанию и благосостоянию населения Ленинградской области», – торжественно произнес Александр Дрозденко** [О. Рогозин. «Волшебник» Чуров сделал Дрозденко губернатором // Известия, 2012.05.28]; **Клянусь при осуществлении полномочий сотрудника войск национальной гвардии: уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы** [У росгвардейцев появится собственная присяга // Парламентская газета, 2020.07.07].

Перформативный глагол клясться функционирует в основном как усиление обещания (‘усиленно уверять кого-либо в чем-либо’ [2]) и может употребляться непосредственно с глаголом обещать / обещаться (периферийный синоним) в рамках одного предложения. Данные глаголы выражают тождественную иллокутивную цель, отличаются степенью интенсивности (иллокутивной силой): **«Обещаюсь** и клянусь служить по долгу верховного правителя, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспевании государства», –

сказал артист по поводу своей работы [М. Иванова. В Доме кино покажут фильм «Страсти по Владиславу» // Известия, 2012.11.06]; «Я ниже поименованный, **обещаю и клянусь** <...> верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови <...> телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем» [В. Голубев. Новобранцы 128-го призыва // Труд–7, 2002.11.29].

Перформатив клясться в газетном дискурсе может употребляться как междоменная фразеологическая единица (в значении «ей-богу»), синтаксически оформленная как самостоятельная вставная конструкция, выражающая восклицание-клятву, эмоциональное усиление высказанной мысли: Официанты тут, видно, недокормленные. И вообще без комплексов. Некоторые даже (**клянусь!**) доедали за клиентами [Л. Захаров. Московский общепит: травиться подано // Комсомольская правда, 2014.06.19]; Обед в более или менее приличном ресторане обходился уже в 50 [долларов], к счету автоматически добавлялись 10 процентов за ужасный сервис и (**клянусь!**) несколько гривен за включенный магнитофон [Г. Сапожникова. Крым: дорого, грязно... прекрасно! // Комсомольская правда, 2007.09.05] или как компонент вставной конструкции, выполняющий функцию эмоционального убеждения адресата сообщения в истинности предлагаемой ему информации: И на фоне экстрасенсов (**клянусь**, это был не фотомонтаж, потому что фото были сделаны на телефон) мы видели лица и очертания людей, которые там погибли [Е. Ливси. Мехди Эбрагими Вафа: «Кризис продлится до середины лета» // Комсомольская правда, 2008.11.28]; Прихлебывая то чай из термоса, то сердечные капли из аптечного пузырька, Бородинский разом и руководил съемкой, и проигрывал вместе со мной предстоящую сцену (**клянусь**, это у него получалось лучше, чем у меня), и срочно переписывал, шлифовал диалог сценария, который сам же написал [Маленький гигант большого экрана // Труд–7, 2004.02.03].

Распространенным является употребление в газетном подкорпусе НКРЯ перформативного глагольноименного сочетания давать слово в модификации даю слово офицера, указывающей на социальный статус продуцента высказывания: Но я даю слово офицера, что вина не останется без наказания» [А. Стейнерт. Задавили и оболгали // Lenta.ru, 2017.06.17]; Я даю слово боевого офицера, что Надежда Петровна получит как моральную, так и материальную поддержку! [О. Петрова. Отец жертвы буровой платформы «Кольская» Игоря Ребика: «Сына вытащили живого, но волной его разбило о борт ледокола!» //

Комсомольская правда, 2011.12.29]; Даю слово офицера: с 20 по 31 декабря даже пешеходы будут передвигаться быстрее, чем автотранспорт, не говоря уже о метро [К. Благодаров. Новый год страшнее, чем конец света // Комсомольская правда, 2001.12.20]; *Даю слово офицера, я сделаю все, что в моих силах* [Кобзев обратился к жителям Иркутской области и дал слово офицера // Lenta.ru, 2020.09.10]. Следует отметить, что в некоторых примерах сочетание *даю слово офицера* использовано иронично. Эта ироничность как раз и обусловлена тем, что некто, не являясь офицером, присваивает его статус. Здесь отмечается «присвоенный статус», но все-таки статус.

Номинаций иных социальных и профессиональных статусов в газетных текстах НКРЯ отмечено не было.

Следующая группа комиссивных глаголов по количеству выявленных единиц в газетном подкорпусе НКРЯ – глаголы и глагольно-именные обороты гарантии, поручительства и обязательства: брать обязательство, гарантировать, давать обязательство, *обязываться*, ручаться: Все поправки внесём и отработаем с экспертным сообществом, я **гарантирую** [Госдума доработает федеральный закон о виноделии // Парламентская газета, 2020.02.25]; Я лично вам **гарантирую** отсутствие любых расходов, не связанных с проектом [Е. Шишкунова. «Если человеку требуется просто кредит в Сбербанке, ему не нужно к нам обращаться» // Известия, 2011.10.20]; *Гарантирую, что чемпионат Европы в Петербурге пройдёт на высочайшем уровне, наши городские власти сделали всё для того, чтобы именно так это прошло* [Матвиенко: «Иностранцы после визита в Россию на матчи Евро-2020 не будут верить фейкам о стране» // Парламентская газета, 2021.06.04]; **Ручаюсь**: узнаете массу интересного, и это обязательно пригодится в работе [А. Насибов. Как стать хорошим пресс-секретарем // Труд7, 2008.12.02]; Поступая в ряды Российской армии, иностранный гражданин будет давать обязательство вот такого содержания: «Я (фамилия, имя, отчество) **даю обязательство** соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов» [«Служу Советскому Союзу!..» // Комсомольская правда, 2003.10.21].

Особенностью употребления данных перформативных глаголов является абсолютная уверенность адресанта в совершении описываемого действия. Большая часть указанных единиц употребляются в официальной сфере.

Перформатив обязываться, как правило, не имеет конкретного адресата. В ряду рассматриваемых лексем перформатив обязываться является наиболее социализированным речевым

актом, совершение которого часто предполагает подписание документов: *Я обязуюсь, мы скорректируем соответствующие положения, будет звучать недвусмысленно и понятно, что просветительская деятельность в образовательной организации, организации науки и культуры осуществляется на основании договора* [Постановление о просветительской деятельности доработают с учётом замечаний // Парламентская газета, 2021.04.29]; *«Я обязуюсь взаимодействовать со следствием, чтобы защитить свое честное имя», – сказал Михаил Абызов* [Р. Дорофеев. Суд арестовал Михаила Абызова на два месяца // Коммерсантъ, 2019.03.27]; *Обязуюсь* всеми силами способствовать процветанию города и повышению благосостояния его жителей [*Беглов хочет сделать власть в Петербурге более открытой* // Парламентская газета, 2019.09.18].

При характеристике перформативных глаголов анализируемой интенционально-семантической группы важно отметить, что их пропозиции характеризуется направленностью в будущее, что в значительной степени обусловлено семантикой комиссивных предикатов: *Обещая, что за ночные дежурства с двадцати процентов мы поднимем до пятидесяти* [В. Колбасин. «Нервы не выдержат». В Ростовской области увольняются врачи-инфекционисты // Аргументы и факты, 2020.03.28]; *Клянусь, в следующий раз обязательно всех спасу!* [Как «АиФ. Доброе сердце» помог семье маленького героя Максима Богдана? // Аргументы и факты, 2020.04.11]; *Гарантирую – матчи чемпионата мира покажут на центральных каналах* [А. Гусев. Закрытый показ // Lenta.ru, 07.04.2017].

Эксплицитная перформативная модель предложений комиссивной интенции реализует следующую перформативную формулу: X (адресант) говорит Y (адресат), что выполнит определенное действие, в котором Y заинтересован. Употребление конкретного перформативного глагола данной группы определяется степенью готовности говорящего выполнить обещанное действие, что проявляется, соответственно, в выборе продуцентом высказывания соответствующей силы иллокутивного воздействия. Перлокутивный эффект комиссивных речевых актов не является облигаторным: ввиду направленности действия, описанного в пропозициональном содержании высказывания в будущее, реализация намерения адресанта возможна за рамками речевого акта (автореферентность и самоверифицируемость речевого акта).

Таким образом, предикатно-актантная рамка комиссивных глаголов характеризуется следующей структурой: субъект

обещания/клятвы/гарантии – *кто* выполняет действие соответствующей интенциональной направленности; адресат – *кому* обещают; перформативный глагол в классической грамматической форме как ядерный компонент предложения; содержание обещания/клятвы/гарантии (пропозиция (Р)), т. е. объект цели): *Я* (субъект обещания) *вам* (адресат) **обещаю**, что свет в моем окне в рабочем кабинете на 10-м этаже будет гореть до поздней ночи (пропозиция) [Михаил Дегтярев оценил обстановку в Хабаровске // Парламентская газета, 2020.07.21].

Следует отметить, что облигаторными компонентами комиссивного высказывания являются перформативный глагол, эксплицирующий действие, и лексема, обозначающая продуцента высказывания. При этом важно обозначить тот факт, что субъект обещания зачастую не реализован формально в поверхностной структуре предложения, а реализуется лишь в форме флексии перформативного глагола [3, с. 412]: **Обещаю**, что в следующий раз программа будет выглядеть лучше. [А. Никитина. «Это хороший пинок под зад» // Lenta.ru, 09.09.2019]; **Обещаю**, что мы усилим внутренний контроль, чтобы не допускать таких инцидентов, будем внимательнее формировать наборы [В Кургане инвалидам по зрению вручили просроченные новогодние подарки // РИА Новости, 10.01.2020].

Формой выражения объектива при перформативных комиссивных глаголах чаще всего выступает инфинитивная группа и придаточное предложение: **Обещаю** защищать Ирак от любого внешнего вмешательства и не позволить превратить страну в арену для сведения счетов в различных конфликтах [Новый премьер Ирака намерен защитить страну от вмешательств извне // РИА Новости, 01.02.2020]; **Обещаю**, что никто больше не будет всех без разбору относить к экстремистам [Радий Хабиров: «Ребят, которых задержали на шиханах, мы постараемся выпустить» // Vesti.ru, 16.08.2020]; **Клянусь**, что сделаю я все, чтоб Донбасс великим возродить [Дети присягнули на верность главе ДНР // Lenta.ru, 08.09.2019]; **Гарантирую**, что он не уйдет в аренду [Бэйл выдвинул условие «Реалу» // Lenta.ru, 23.07.2019].

Предикатно-актантная рамка комиссивного перформативного предложения может варьироваться за счёт включения в её структуру интенсификаторов и qualificативов, направленных на увеличение иллокутивной силы высказывания: Совершенно точно обещаю, что буду это делать, и делать честно и открыто... [На встрече Путина с главами субъектов РФ губернаторы полтора часа говорили президенту «спасибо», многие по пять-шесть раз // NEWSru.com, 24.09.2020]; Городские власти, я это обещаю твердо, будут внимательно следить за тем, чтобы трусливым

ночным вандалам ничего больше не удалось разрушить в нашем любимом Харькове [Раздел «Общество». В Харькове попытались снести памятник маршалу Жукову // *gazeta.ru*, 06.05.2018]; Точно совершенно обещаю, что такое поручение правительству дам, Минсельхозу [Большой разговор на форуме ОНФ: президент ответил на важные вопросы // *Vesti.ru*, 25.04.2016]; Как режиссер сериала, я гарантирую вам, что ни один кадр не был изменен или перемонтирован» [Книжные издатели готовятся к вечной блокировке «Яндекс. Видео» и YouTube // *Ведомости*, 2019.12.22]; Как действующий глава государства, я гарантирую, что выборы будут проведены честно, открыто, справедливо [В Казахстане назначили досрочные выборы президента // *Парламентская газета*, 2019.04.09].

Проведенный анализ особенностей функционирования комиссивных перформативных глаголов в современных газетных текстах НКРЯ свидетельствует о разнообразии возможностей их использования в различных коммуникативных контекстах, что демонстрирует системную и функциональную значимость анализируемых единиц и представляет значительный интерес для языковедческого описания с точки зрения характеристики лексико-семантических, грамматических и прагматических параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // *Избранные труды*. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – С. 199–218.
2. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
3. Которова, Е. Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастного анализа (на материале русского и немецкого языков) [Электронный ресурс] / Е. Г. Которова // *Вестник РУДН. Серия : Лингвистика*. – 2017. – № 2. – С. 405–422. – Сайт – электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obeschanie-kak-model-rechevogopovedeniya-metodika-kontrastivnogo-analiza-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 07.05.2023).
4. Крылова, И. А. Лексико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.А. Крылова; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1996. – 21 с. – Сайт – электронный. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/semantiko-stilisticheskaja-harakteristika-lsg-glagolov-rechi.html> (дата обращения: 22.10.2023).

5. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу – Сайт – электронный. – URL:: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.10.2023).
6. Соловцова, Е. В. Семантическое поле русских перформативных глаголов современного газетного дискурса / Е. В. Соловцова // Новейшая филология: проблемы и перспективы исследований : Сб. научных статей / Под ред. О. В. Золтнер. – Омск, Изд-во ОмГУ, 2019. – С. 344–348.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Перформативные глаголы комиссивной интенции: семантические и синтаксические параметры (на материале русскоязычных газетных текстов)

В статье исследуются лексикосемантические группы комиссивных перформативных глаголов, зафиксированных в современных газетных текстах Национального корпуса русского языка. Определен компонентный состав лексикосемантического поля глаголов комиссивной интенции, выявлены особенности их функционирования в газетных текстах. Проанализирована структура предикатно-актантной рамки комиссивного перформативного предложения.

Ключевые слова: перформативный глагол, пропозиция, комиссивная интенция, лексикосемантическое поле, предикатно-актантная рамка.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Performative Verbs of Commissive Intention: semantic and Syntactic Parameters (based on the Russian-language Newspaper texts)

The article deals with the study of lexica semantic groups of commissive performative verbs recorded in modern Russian newspapers and presented in the Russian National Corpus. The components of the lexical and semantic field of commissive intention verbs and the peculiarities of their functioning in the newspaper texts are distinguished. The structure of the predicate-actant frame of commissive performative sentence is identified.

Key words: performative verb, proposition, commissive intention, lexica semantic field, predicate-actant frame.

УДК 81'255.4

**ТЕРМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ МОДЫ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЖУРНАЛОВ МОД)**

Происходящие сегодня процессы интеграции и глобализации в области деловых отношений на фоне развития международного сотрудничества сопровождаются ростом коммуникации в различных профессиональных сферах, одной из которых является индустрия моды. Тем не менее, тема моды по-прежнему остается достаточно новой для отечественной лингвистики. В отличие от зарубежных исследователей, которые проявили интерес к потенциалу моды в 60-е годы XX века, отечественные ученые начали изучать эту тему только в период полной перестройки политической и социально-экономической системы страны на рубеже XX-XXI веков [3, с. 63].

Сфера моды является одним из ярких и динамичных аспектов современного общества, обладающим своей уникальной терминологией. Терминология, используемая в публикациях о моде, является не только средством коммуникации, но и отражением культурных, социальных и экономических тенденций.

Немецкие журналы мод безусловно отражают эту богатую лингвистическую среду, которая становится объектом интереса для лингвистов и исследователей.

Терминология сферы моды в немецких журналах становится инструментом для визуализации модных тенденций и создания определенного стиля. Она не только передает информацию о различных деталях одежды, аксессуаров и стилей, но и создает ассоциации и настроение, необходимые для понимания модной индустрии. Таким образом, лингвистический анализ терминологии моды может раскрывать не только само содержание, но и эмоциональную и эстетическую составляющую.

Говоря о культурных и социальных оттенках терминологии моды, важно отметить, что последняя не ограничивается лишь описанием предметов одежды. Она также отражает культурные и социальные оттенки, идеалы красоты и стиля, принятые в определенном обществе. Исследование терминологии моды в немецких журналах позволяет погрузиться в мир трендов, вкусов и ценностей, которые формируются и меняются в процессе времени.

Помимо культурных и социальных аспектов, терминология моды также подвержена постоянным изменениям и эволюции. Новые материалы, технологии и дизайнерские подходы привносят новые термины и понятия в лексикон моды. Лингвистический анализ немецких журналов мод может помочь выявить эти новые тенденции и понять, как они отражают современные модные веяния.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения немецкой терминологии моды, особенностей ее употребления и перевода на русский язык с лингвистической точки зрения.

Целью исследования стал анализ немецкой терминологии в сфере индустрии моды на материале немецкоязычных каталогов одежды и интернет-изданий модных журналов, каталогов, таких как *Otto*, *Elle*, *Brigitte*, *Zalando*, *Vogue Deutschland*, *Glamour Germany*, *H&M Katalog*.

Продуктивными для сортировки стали следующие методы исследования:

- описательный метод;
- метод комплексного анализа научно-публицистической литературы по проблеме;
- метод классификации проанализированного материала;
- метод сплошной выборки для отбора примеров терминов из указанных источников;
- метод переводческой критики с учетом трансформационной парадигмы перевода.

В течение длительного периода времени под «терминологией» понималась совокупность терминов, отражающая определенную сферу деятельности. Впрочем, «терминологию» принято воспринимать также как отдельную науку, которая занимается исследованием самих терминологических единиц. Также стоит уделить внимание особым чертам «терминологии»:

- форма термина – термин выступает в форме слова или словосочетания;
- принадлежность к определенной подязыковой среде, специально созданной для решения специфических языковых задач определенной предметной области;
- свойство термина выражать специальные понятия [1, с. 43].

Следует отметить, что немецкие термины, используемые в сфере моды, обладают своими уникальными особенностями, которые отражают как культурные и языковые особенности Германии, так и специфику модного сообщества этой страны. Вот несколько особенностей немецкой терминологии моды:

1. Немецкий язык славится своей точностью и строгостью в выражении. Эти качества отражаются и в терминологии моды, где слова используются четко и ясно, чтобы передать точное описание предметов одежды, тканей и стилей. Вот несколько примеров немецких терминов, которые являются точными и ясными в своем описании:

- *Lederjacke* (кожаная куртка) – слово «*Leder*» означает кожу, а «*Jacke*» – куртку;
- *Seidenkleid* (шелковое платье) – «*Seide*» – шелк, «*Kleid*» – платье;
- *Wollpullover* (шерстяной свитер) – «*Wolle*» – шерсть, «*Pullover*» – свитер;
- *Jeanshose* (джинсовые брюки) – «*Jeans*» – джинсы, «*Hose*» – брюки;
- *Baumwollhemd* (хлопковая рубашка) – «*Baumwolle*» – хлопок, «*Hemd*» – рубашка;
- *Damenmantel* (дамский пальто) – «*Damen*» – дамский, «*Mantel*» – пальто.

2. Немецкий язык богат составными словами, где несколько корней объединяются для создания нового термина. В модной терминологии это отражается, например, в словах, обозначающих различные типы одежды или стилей, которые могут быть созданы путем объединения нескольких слов. Например:

- *Trachtenmode* (традиционная одежда) – состоит из слова «*Trachten*» (традиционный) и «*Mode*» (мода);
- *Straßenmode* (уличная мода) – образовано от слова «*Straßen*» (улица) и «*Mode*» (мода);
- *Strickpullover* (вязаный свитер) – сочетание слов «*Strick*» (вязание) и «*Pullover*» (свитер);
- *Sommerkleidung* (летняя одежда) – соединение слов «*Sommer*» (лето) и «*Kleidung*» (одежда);
- *Businessanzug* (деловой костюм) – состоит из слова «*Business*» (деловой) и «*Anzug*» (костюм);
- *Freizeitkleidung* (повседневная одежда) – объединение слов «*Freizeit*» (досуг) и «*Kleidung*» (одежда).

3. Благодаря прогрессу в области технологий и материалов, немецкая терминология моды включает в себя множество инновационных и технических терминов, связанных с новыми материалами, процессами производства и технологическими достижениями. Вот некоторые примеры:

- *Gore-Tex-Jacke* (куртка из материала Gore-Tex) – Gore-Tex – технологичный материал, обладающий водонепроницаемостью и дышащими свойствами;

- *Nachhaltige Mode* (устойчивая мода) – термин, описывающий моду, созданную с учетом экологических и социальных аспектов;

- *3D-gedruckter Schmuck* (3D-напечатанные украшения) – произведенные с использованием технологии трехмерной печати;

- *Recycelte Textilien* (переработанные текстильные материалы) – материалы, произведенные из переработанных волокон;

- *Smart Clothing* (умная одежда) – одежда, встроенная с технологическими устройствами, например, сенсорами для отслеживания активности или температуры.

4. Немецкая лингвистическая терминология моды также отражает культурные особенности Германии. Некоторые слова могут быть пропитаны историческими или культурными оттенками, отражающими традиции и ценности этой страны. Например:

- *Trachtenmode* (традиционная одежда) – отражает немецкую традицию ношения национальной одежды, связанной с различными региональными обычаями;

- *Dirndlkleid* (юбка-леди) – представляет собой типичное баварское платье, которое часто ассоциируется с культурой Южной Германии;

- *Pfeifferhose* (бриджи-пайффер) – название брюк, которые были названы в честь танцующих нарядно в XVIII веке пайфферов, символизирующих культурные традиции;

- *Biedermeierkleid* (платье в стиле Бидермайер) – отсылает к характерному стилю и ценностям эпохи Бидермайер, популярной в Германии в первой половине XIX века;

- *Rüschenbluse* (блуза с оборками) – отражает классический элемент декора, который может ассоциироваться с традиционным немецким стилем.

5. С учетом растущего интереса к устойчивой моде и экологической продукции, немецкая терминология моды также включает в себя термины, связанные с экологически чистыми материалами, устойчивыми методами производства и ответственным потреблением. Приведём несколько примеров таких терминов:

- *Fairtrade-Kleidung* (одежда справедливой торговли) – отражает использование устойчивых методов производства и справедливых условий для рабочих;

- *Biobaumwolle* (органический хлопок) – обозначает хлопок, выращенный без использования пестицидов и химических удобрений;

- *Nachhaltiges Design* (устойчивый дизайн) – включает в себя использование экологически чистых материалов и долговечных конструкций;
- *Upcycling-Kleidung* (одежда из переработанных материалов) – подразумевает производство одежды путем переработки и повторного использования материалов;
- *Veganer Lederersatz* (веганская замена кожи) – материалы, имитирующие кожу, но произведенные без использования животных продуктов.

Учитывая сегодня значительное воздействие английского языка на немецкий язык, наблюдается активное появление заимствованных терминов в немецком языке или параллельное использование их эквивалентов, в том числе и сфере моды.

Заимствованными называются термины, которые полностью или отдельными аспектами (только форма, только содержание, только структура) заимствованы из других языков. Они подразделяются на следующие группы терминов:

- материально-заимствованные термины – термины, форма которых заимствована из других языков;
- термины-кальки – термины с заимствованной словообразовательной или синтаксической структурой, возникшие в результате перевода по морфемам иноязычных слов, например: полуостров по немецкой модели *Halbinsel*, небоскреб по английской модели *sky-scaper* и т.д. [2, с. 60-61].

Для передачи выше названных терминов моды с немецкого языка на русский часто используются следующие способы перевода: транслитерация (передача графической формы слова); калькирование (элементы какого-нибудь словосочетания переводятся буквально); дословный перевод (порядок слов на языке оригинала сохраняется и слова переводятся только в широком значении, не принимая во внимание контекст); замена частей речи; перестановка слов, входящих в словосочетание; развёртывание (расщеплении одной единицы на составляющие, каждая из которых несет часть исходной информации); конкретизация (некоторые слова в составе словосочетания, обладающие более широкими логическими значениями, заменяются словами с более узкими значениями); генерализация (замена единицы исходного языка с менее широким значением единицей языка перевода, обладающей более широким значением).

Приведём некоторые примеры перевода заимствованных из английского языка терминов в сфере моды:

Tranchcoat – *тренч*. Способ перевода – транслитерация. Данная модель представляет собой двуборный плащ, который стал символом делового стиля в 21 веке.

Poncho – пончо. Способ перевода – транслитерация. Свободная накидка без рукавов является неплохой альтернативой курткам, кардиганам, плащам и коротким пальто.

Windbreaker – ветровка. Способ перевода – калькирование. Данный предмет одежды относится к виду куртки, которая не дает холоду или теплу проникнуть под ткань.

Three-piece suit (Dreileiter) – костюм тройка. Способ перевода – описательный. Незаменимым атрибутом данного вида костюма является жилет, который добавляет статуса мужчине.

Mom jeans – джинсы мом. Способ перевода – дословный. Характерной чертой данного вида является свободный крой и высокая посадка с акцентом на бедра.

Aviator Bomber Jacket (Bomberjacke) – бомбер. Способ перевода – калькирование. Модель была вдохновлена летчиками и их униформой.

Leggings – легинсы. Способ перевода – транслитерация. Разновидность штанов обтягивающего фасона.

Blazer – блейзер. Способ перевода – транслитерация. Блейзер представляет собой однобортный или двубортный пиджак из темной ткани гладкой текстуры.

Bike shorts (Fahrradshorten) – велосипедки. Способ перевода – калькирование. Короткие шорты, обычно до колена, направлены на комфорт, для занятия спортом или же езды на велосипеде.

Mules – мюли. Способ перевода – транскрипция. Туфли на низком ходу, отличительной чертой которых является скрытая шнуровка, рисунок и боковые детали.

Derby – дерби. Способ перевода – транслитерация. Классическая обувь как мужского, так и женского гардероба. Дерби представляют собой узкие туфли с особым способом пошива.

Sneaker – кроссовки. Способ перевода – калькирование. Изначально кроссовки были рассчитаны на занятия спортом, однако со временем они смело вошли в повседневное пользование.

Таким образом, терминология сферы моды в немецких журналах, представляет собой уникальный объект для лингвистического исследования. Ее анализ позволяет не только понять специфику модной индустрии, но и раскрыть важные культурные, социальные и лингвистические аспекты, которые могут быть ключом к пониманию мира моды в целом. Немецкая терминология сферы моды является разнообразной, точной и отражает как современные тенденции, так и культурные аспекты Германии. Изучение особенностей немецких модных терминов представляет интерес для тех, кто стремится понять модную индустрию этой страны и ее лингвистические особенности.

С точки зрения перевода, термины моды главным образом интерпретируются с помощью калькирования из-за отсутствия эквивалентной лексики в русском языке. Благодаря этому лексический запас русского языка пополняется новыми терминами и понятиями, что, безусловно, расширяет языковые границы нашей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушко, М. М. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования [Текст] / М. М. Глушко. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 178 с.
2. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневич. – Москва : Академия, 2008. – 302 с.
3. Черменская, С. М. Зарубежные глянцево-журнальные информационные пространства России: трансформация коммуникативных моделей в условиях глобализации : дисс. на соискание учёного степеней канд. филол. наук : спец. 10.01.10 «Журналистика» / С. М. Черменская. – Москва, 2006. – 173 с.
4. BRIGITTE // Немецкий женский журнал. – Сайт – электронный. – URL : <https://www.brigitte.de/> (дата обращения: 20.12.2023).
5. ELLE // Еженедельный женский журнал о моде, красоте, досуге и здоровье. – Сайт – электронный. – URL : <https://www.elle.de/> (дата обращения: 20.12.2023).
6. OTTO // Каталог модной одежды. – Сайт – электронный. – URL : <https://www.otto.de/damen/> (дата обращения: 20.12.2023).

АННОТАЦИЯ

Солопова Л.Е. Терминология сферы моды как объект лингвистического интереса (на материале немецких журналов мод)

Статья посвящена уникальным особенностям терминов сферы моды, которые отражают как культурные и языковые особенности Германии, так и специфику модного сообщества этой страны. Авторы рассматривают распространённые способы перевода заимствованных из английского языка терминов в сфере моды.

Ключевые слова: терминология сферы моды, лингвистический анализ, заимствованные термины, способы перевода.

SUMMARY

Solopova L.E. The Terminology of the Fashion Industry as an Object of Linguistic Interest (based on German Fashion Magazines)

The article is dedicated to the unique characteristics of fashion industry terms that reflect both the cultural and linguistic specifics of Germany, as well as the peculiarities of the fashion community in this country. The authors examine common methods of translating borrowed terms from the English language within the fashion industry.

Key words: fashion industry terminology, linguistic analysis, borrowed terms, translation methods.

*М. В. Яковенко
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'373.2

**ВНУТРИВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ
С УЧАСТИЕМ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ**

Собственные имена, являясь индивидуальными обозначениями отдельных предметов, могут иметь дополнительные коннотации, если именуемые объекты достаточно хорошо известны в определенной лингвокультуре или социуме. «Коннотоним – это всегда собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и другие онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [1, с. 186]. Эти коннотации делают возможным переносное употребление собственных имен, где они выступают как синонимы общеупотребительных слов, выражая общеязыковые лексические значения. При этом они не утрачивают свойств проприальных лексем, то есть продолжают служить индивидуализации и идентификации объектов.

Благодаря наличию развившихся в собственном имени понятийных коннотаций, оно приобретает возможность участвовать в номинации новых объектов. При этом в одних случаях наблюдается сохранение в названии нового объекта соответствующей коннотации, в других – ее утрата. Переход собственного имени с одного объекта на другой осуществляется благодаря наличию у данного собственного имени референтной коннотации, которая кладется в основу при наименовании нового объекта. Происходит использование онима не в его «чистом виде», а переосмысленного собственного имени, которое подверглось неполной деонимизации. Таким образом, наблюдается абсолютная трансономизация, в которой

коннотоним выступает как промежуточное звено между исходным и вторичным собственными именами. Присвоение того или иного собственного имени новому объекту происходит вследствие наличия какого-либо сходства между объектами, то есть с помощью метафорического переноса.

При исследовании абсолютной внутривидовой трансонимизации с участием коннотативных онимов нами были использованы материалы «Словаря коннотативных собственных имен» Е.С. Отина.

Внутривидовая трансонимизация с участием коннотативных онимов наблюдается в классе топонимов и в классе антропонимов. Среди вторичных имен, образованных с помощью внутривидовой трансонимизации с промежуточным коннотативным онимом, были выявлены следующие собственные имена: *Амур, Аркадия, Бастилия, Сорбонна, Калифорния, Карфаген, Камчатка, Париж, Сахара, Сахалин, Сибирь, Соловки, Черемушки, Шанхай, Швейцария, Эльдorado, Бродвей; Голиаф, Демосфен, Прометей, Нарцисс, Мессалина, Геркулес; Видок, Пушкин, Дон Кихот, дядя Степа, Маугли-Тарзан, Шариков, Штирлиц, Фриц*. Рассмотрим, какие референтные коннотации, развившиеся в первичных онимах, привели к возникновению омонимов – вторичных собственных имен (оним 1 → коннотативный оним → оним 2). Остановимся более детально на каждом из данных трансонимных переходов и проследим те смысловые оттенки топонимических и антропонимических метафор, которые со временем реализовались в наименовании новых объектов.

Первичный хороним *Аркадия* является названием области, находящейся в центральной части полуострова Пелопоннес, на юге Греции, которая в античной литературе, в пасторальных XVI–XVIII вв. изображалась как идиллическая сказочная страна, жители которой отличались простыми, патриархальными нравами, всегда были счастливы. Эти экстралингвистические моменты отразили развитие в данном ониме референтных коннотаций «страна счастья, беззаботная счастливая жизнь». «*Ах, Варенька Варенька, мы живем не в Аркадии!*» (Загоскин М.Н. Три жениха); «*Человек, сверх того, еще и гражданин, имеет какое-нибудь знание, занятие – писатель, что ли, помещик, солдат, чиновник, заводчик... А у тебя все это заслоняет любовь да дружба... что за Аркадия!*» (Гончаров И.А. Обыкновенная история). Благодаря им коннотативный топоним был повторно использован в микропонимии. «*Аркадией*» назывались сад в Петербурге в 90-е годы XIX в. «*Сад “Аркадия”*», находившийся в Новой Деревне, считался одним из приличных увеселительных мест» (Радунский И.С. Записки старого клоуна); сад в Астрахани в 90-е годы XIX в.

«Был в Астрахани увеселительный сад “Аркадия”» (Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни); приморский курортный район и пляж в Одессе «Я пошел к морю, к Аркадии» (Паустовский К. Повесть о жизни). Название «Аркадия» носил театр и в рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника», кабаре в Шанхае, 20-30 годы XX в. [2, с. 78]. Здесь наблюдается следующий трансонимный переход: Топ.1 (хороним) → УКТ 1 → Топ.2 (ойкодомоним).

Высокая среднегодовая температура пустыни *Сахары*, безжизненность и однообразие ее пустынного ландшафта – эти общеизвестные реалии обусловили возникновение нескольких референтных коннотаций у данного собственного имени: 1) жара. «Всегда вот так: тепло на улице – Сахара у нас, на улице крепчает мороз – раскопчегаривай в помощь пару железную печку» (Чернышев А. На другом берегу). «Справа я видел водную мессу, слева ласкала мой взгляд молодая, весенняя листва дубового леса, а между тем щеки переживали Сахару» (Чехов А.П. Драма на охоте). 2) засуха. «Сахара на «Амуре» – название заметки в газ. «Труд» (2000 г., 18 июля), в которой рассказывается о длительной засухе в Амурской области. Благодаря данным созначениям стала возможной вторичная топонимизация коннотонима *Сахара*: такое название получил «хутор в бывшей Харьковской волости, Харьковской губернии» (СВСХГ, 53); *Воронежская Сахара* – участок надлуговой террасы реки Воронеж в Гремяченском районе Воронежской области (РВГ, 123)» [2, с. 392]. Здесь происходит следующий трансонимный процесс: Топ.1 (хороним) → УКТ 1 → Топ.2 (ойконим).

Референтные коннотации «жара, зной» развились и в топониме *Африка*. «Так жарко... жарко... жарко. Да, это Африка» (Лавренев Б. Обыкновенное дело). Вероятно, данный факт и лег в основу названия “Африка – хутора в бывшей Александровской волости, Старобельского уезда, Харьковской губернии» [2, с. 87].

Топонимы *Калифорния* и *Эльдорадо*, являясь названиями земель, где находятся сказочные богатства, развили коннотативные значения 1) «земли, богатые полезными ископаемыми, особенно золотом»; 2) “место, где люди живут в достатке, благодатный край». «*Степь, прилегающая к Баронску, покрыта тяжелым золотом пшеницы, какое есть только в Канаде. Она завалена коронами подсолнухов и масляными глыбами чернозема. Из Петербурга, вылизанного гранитным огнем, мы перенеслись в русскую, и этим еще более необыкновенную, Калифорнию*» (Бабель И. Иван да Марья). «*Но все и всех затмила Сибирь, она оказалась подлинным Эльдорадо! Начиная с 1827 года, за 10-15 лет были выявлены богатейшие районы золотых россыпей возле Ачинска, Канска, Минусинска,*

Енисейска) (Локерман А. Загадка русского золота). *«Когда я с ним цепко поборанился, то он сослался на небольшие средства бедного селения Альвара, соблазняя меня тем, что в Маранде я встречу Эльдorado для своих людей, я смолчал»* (Грибоедов А.С., из письма С.И. Мазаровичу от 6 сент. 1819 г.). *«Еще в 20-х годах мещерская сторона была притягательным Эльдorado для краеведов»* («Комс. правда», 1979 г., 14 окт.)» [2, с. 246, 502-503]. Эти добавочные значения топонимов предопределили возникновение названий других географических объектов. Так, название *Калифорния* носила «деревня на юге Нижегородской губернии (XIX век) [2, с. 246]. «Поселок в Красноярском крае, недалеко от Северо-Енисейска» называется *Эльдorado*. «Название возникло, очевидно, в начале XX в. в связи с обнаружением в этом месте богатых месторождений золота» [2, с. 504]. Здесь прослеживается следующий переход: Топ.1 (хороним) → УКТ2, УКТ1 → Топ.2 (ойконим). Второе коннотативное значение топонима *Эльдorado* – «место, где ведут счастливую, безмятежную жизнь, земной рай», вероятно, послужило основанием для названия сада в Москве, середина XIX века (Молева Н. Улица боярыни Морозовой. – «Лит. Россия», 1986 г., № 51). *«Как он в Афинах, я в Москве – В Сокольниках и в Эльдorado – Хотел на мягкой мураве Пасти мне вверенное стадо...»* (Курочкин В.С. Платоническое ку-ку-ре-ку)» [2, с. 504]. Кроме того, название «*Калифорния*» носила гостиница в Москве (ойкодомоним). *«Мы гостиницы держали... Вот, если бывали в Москве, «Эрмитаж», «Калифорния», «Белый лебедь» – это все наше было* (Куприн А.И. Хорошее общество)» [2, с. 246]. *Эльдorado* было распространенным названием ресторанов и трактиров в России второй половины XIX – начале XX вв. *«Купец. А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину роу съездить засветло; а оттуда по дороге в Ельдoradoу»* (Островский А.Н. Старый друг лучше новых двух); *«Я не буду описывать дальнейших триумфов Сашеньки. В «Баварии», в «Ливадии», на Крестовском, в «Эльдorado», в «Шато-де-Флер» – везде он был дорогим и желанным гостем...»* (Салтыков-Щедрин М.Е. Круглый год); *«И вот сижу я однажды в «Эльдorado», в стороне пью пиво, а между прочим, и материал для предбудущего номера газеты собираю – смотрю, присаживается она ко мне»* (Салтыков-Щедрин М.Е. Современная история); *«Из вновь открытого на бульварчике «Эльдorado» разносилась над вечерними крышами угорелая музыка»* (Малышкин А. Люди из захолустья)» [2, с. 504–505]. В данных примерах наблюдается переход Топ.1 (хороним) → УКТ 1 → Топ.2 (ойкодомоним).

Во второй половине XIX столетия *Сибирь* (часть азиатской территории России) как отдаленная окраина России часто использовались в качестве места ссылки и каторжных работ. «У нас, как известно, каторжные работы сопряжены с поселением в Сибири навсегда» (Чехов А.П. Остров Сахалин). Коннотативное значение «далекое место» в этом географическом имени вторично, оно развилось из созначения «место далекой ссылки, каторги», с которым собственное имя *Сибирь* часто встречается в произведениях русских писателей XIX–XX вв. (у А.И. Герцена, А.М. Островского, М.С. Лескова, А.П. Чехова, М. Горького и др.). «Да ты не бойся, мы за тобой будем следить, до Сибири не допустим» (Островский А.Н. Пучина); «А потом – суд, да тюрьма, да Сибирь...» (Горький М. На дне). В XX в. данный коннотоним часто встречается в газетных статьях при описании любого другого места ссылки, изгнания в России (нередко в сочетании с уточняющими определениями). «Вот отчего перед лирическим героем этих новелл возникает рано ушедший отец, читавший сыну Тютчева по-русски, или страницы дневника декабриста Лачинова, сосланного в “горячую Сибирь”, на Кавказ» («Лит.газета», 1976 г., 28 апр.); «... Каракалпакия была местом ссылки, Среднеазиатская Сибирь!» («Лит.обозрение», 1983 г., № 2). Такое метафорическое значение топонима *Сибирь* отразилось и в целом ряде вторичных названий: часть Качалинской станицы на Дону; неофициальное название деревни Николаевки в бывш. Криворожской волости, Бахмутского уезда, Екатеринославской губ.; небольшая деревня *Сибирь* в бывш. Бельском уезде; далеко уходящая в море часть косы в устье реки Хаджи-Дере, между Днестром и Дунаем; речка в Киево-Святошинском районе, Киевской области; поселок в б. Верхне-Хавском районе Центральной Черноземной области [2, с. 395–397].

Топонимы *Камчатка*, *Сахалин*, *Соловки* в различное время и в разном социальном окружении развили метонимическое значение “очень отдаленное место», благодаря которому образовались многочисленные вторичные топонимы.

Представление у русских людей, проживающих в европейской части России, ее центре, о *Камчатке* как о «крае света» существовало уже в XVIII в. В большей части литературных произведений середины и второй половины XVIII в. *Камчатка* предстает не только как географическое понятие, но и как название места далекой ссылки. Сравните в комедии А.П. Сумарокова «Опекун» (1765 г.): «Так сказано мне было под рукою, что ежели я хотя намекну о том когда, так места я себе и в Камчатке не сыщу». Такое восприятие Камчатки отразилось

и в произведениях русской литературы второй половины XIX в. Ср.: *«Ночной разбойник, дуэлянт, в Камчатку сослан был...»* (Грибоедов А.Н. Горе от ума): *«Как же тебя в Камчатку не сослали?»* (Островский А.Н. Свои люди – сочтемся). В это время в топониме Камчатка уже развивается метафорическое значение “отдаленный глухой уголок”. Ср. в пьесе А.Н. Островского *«Бешенные деньги»*, в реплике Глумова: *«Приехал откуда-то из Камчатки и прямо жениться на лучшей нашей невесте»*. В микротопонимии населенных пунктов, особенно на территории европейской части России, в XIX-XX вв. появилось немало *Камчаток* благодаря распространению номинации отдельных объектов с помощью рассмотренной топонимической метафоры. *Камчаткой* называются: “часть деревни в Байкаловском районе Свердловской области России (Печерских, 25); часть города Дружковки, Константиновского района, Донецкой области; земельный участок возле села Соловей, Ясиноватского района, Донецкой области; часть косы в устье речки Хаджидере, между Днестром и Дунаем. В 30-е годы в аргументе лвовских школьников коннотация Камчатка употреблялась как урбаноним – название семинарии сестер Василинок во Львове. Название *Камчатка* носила кочегарка на Зверинской улице в Санкт-Петербурге, где в конце 80-х годов собирались и работали кочегарами питерские рокеры, в их числе и лидер группы «Кино» Виктор Цой. *«Пропуск на Камчатку мне выписали в газете «На дне» – есть в Питере такое интеллигентное издание. И дали приметы: “Дым Камчатки учуешь за квартал, а напротив ее окошек всегда горит костер»*. – *Но почему Камчатка? – Не сговариваясь, все сразу стали так называть»* («Комс. правда», 1997 г. 5 февр.)» [2, с. 250].

Те же причины, а именно: отдаленность от центральных районов России обусловили возникновение референтной коннотации “всякий отдаленный географический объект” в топониме *Сахалин*. Благодаря этому метафорическому значению название *Сахалин* широко использовалось при вторичной номинации новых географических объектов. “*Сахалин* – неофициальное название частей населенных пунктов (когда-то отдаленных окраин), реже – самих поселений, а также других географических объектов в России: поселок *Сахалин* в Гафурском районе, Башкирия; возвышенность *Сахалин* в Салаватском районе (у деревни Ильтаево), поляна *Сахалин* в Януальском районе, у деревни Месягутово, Башкирия. В Донецкой области такое название получили части сел Ивановки (Славянский район), Клиновое (Артемовский район), Красноподолья и Первомайского (Добропольский район), Свиридовки (Красноармейский район),

городов Святогорска и Димитрова. Так именуются неудобные земли возле села Новожеланное Красноармейского района этой же области. Ср. также ручей *Сахалин* – л.п. Роси, п.п. Днепра (гидроним записан в городе Узин, Белоцерковского района, Киевской обл.). Один из островов в Черном море, в устье Георгиевского гирла, за его отдаленность от берега, получил неофициальное название «румынского *Сахалина*» («Известия», 1973 г., 17 авг.)» [2, с. 391]. В данных примерах наблюдается переход Топ.1 (имя полуострова, инсулоним) → УКТ 2 → Топ.2 (ойконим, ойкодомоним).

В группу коннотативных топонимов со значением «ссылка (чаще всего – дальняя)», «всякое отдаленное место проживания» уже в XIX в. вошло народное название группы островов в Белом море и Соловецкого мужского монастыря на Соловецком острове, или Соловце, главном в архипелаге – «*Соловки. Взять бы этого Канта да за такие доказательства года на три в Соловки*» (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита); «*Где друг, оставивший нам дачу И укативший в Соловки?*» (Искандер Ф. Юность). Эта референтная коннотация обусловила неофициальную номинацию многих новых объектов, чаще всего дальних окраин городов и сел. *Соловки* – неофициальное название части Ленинского района города Донецка (внутригородской хороним) и находящегося здесь рынка (агороним); неофициальное название части села Федоровки (внутрисельский хороним), Великоновоселовского района, Донецкой области; неофициальное название одного из учебных корпусов Горловского гос. Педагогического института иностранных языков в Донецкой области [2, с. 408].

Во второй половине XIX столетия *Амур* и Приамурье были одним из отдаленнейших районов землевладельческой колонизации России. Как отдаленные окраины России они часто использовались и в качестве места ссылки. На это указывает А.И. Герцен в статье «Нас упрекают»: «*Прикажет ли, наконец, государь отобрать именья у крамольной аристократии, а ее выслать – ну хотя бы куда-нибудь на Амур к Муравьеву – мы столько же от души скажем: “Быть по сему”*» [Герцен А.И. Нас упрекают]. Сравните также упоминание Амура как места ссылки в тексте «Горе от ума» А.С. Грибоедова, переделанном в 1881 году М. Яроном: «*В Тобольск сошлю, в Иркутск... Нет, дальше, на Амур*» [Дмитриев В «Горе от ума» на свой лад. – Лит. Россия, 1977, 28 февраля]. В диалектной речи произошла даже дальнейшая апеллативация этого коннотативного топонима (Топ.1 → УКТ2 или УКТ3 → апеллатив), что привело к появлению в слове *амур* значения «далекое место ссылки или нового поселения; всякое отдаленное место». Сравните: «*На амур угонили его: Ну, ушел в амур!*

Этак зайдет в самые амурь» [2, с. 64]. Этот метафорический перенос был характерен для речи жителей Европейской части России. Позднее коннотативный топоним *Амур* был использован для неофициального именования некоторых отдаленных селений или их дальних окраин. Благодаря вторичной номинации с участием коннотативного топонима *Амур* «всякое отдаленное место» (Топ.1 → УКТ 2 → Топ.2) появились следующие ойконимы и микротопонимы: *Амур* – село в Усть-Консинском районе Горно-Алтайской автономной области («Известия», 1990 г., 3 янв.); окраина села Михайловка, Павловского района, Воронежской области (Эксп., 1985 г.); окраина (в прошлом – выселки) села Нетайлово, Ясиноватского района, Донецкой области, (Эксп., 1968 г.); неофициальное название шахты и поселка при ней в г. Макеевке, Донецкой области (Эксп. 1992 г.); населенный пункт в Устьяновском районе, Архангельской области (Печерских, с. 26); неофициальное название одного из левобережных районов Днепропетровска, Запорожья [2, с. 65].

Топоним *Париж*, благодаря развившейся в нем референтной коннотации «какой-либо населенный пункт или какая-то его часть, где имеются признаки культуры, цивилизации, благоустроенности, много увеселительных заведений», был использован при вторичной номинации объекта. «*Париж* – название территории, с которой началось строительство микрорайона «Солнечный» в городе Горловка, Донецкой области (улица им. Волкова и Богуна) (Эксп., запись 1984, 1985 гг); шутливое название поселка Пожеревицы Дедовического района Псковской области. «*Вчера ездил в Париж. Скучно там, народу совсем нет* (запись 2005 г.)» [2, с. 348].

В ойконимии и урбанонимии советского периода (60-70 годы XX века) широко отразился коннотативный топоним *Черемушки*. В XVII-XIX в. это название носило село к югу от Москвы. В настоящее время так называется один из районов Москвы (официально – *Черемушкинский район*, в народной речи – *Черемушки*), застроенный в 50-60 гг. XX в. типовыми жилыми домами-пятиэтажками первого поколения индустриальной застройки, отличающимися архитектурной невыразительностью и однообразием. В 60-70 гг. XX в. такие районы новостроек возникли во многих городах России. Топоним *Черемушки* приобрел коннотацию «новостройка, район индустриального строительства жилых домов по типовому проекту». «*Все маленькие наши города по-своему родственны: есть, конечно, там река, озеро или речка, есть холм или примечательный овраг, есть хоромы деревянные избушки в три-четыре окошка с деревянными же кружевами, есть почтенная старина и на свой*

лад “Черемушки”» («Известия», 1984 г., 28 июля); *Начало 1960-х годов – это время, когда сотни новых кварталов, одинаковых “Черемушек”, разбрелись по городским окраинам* («Наука и жизнь», 1988г., № 11) [2, с. 486]. Благодаря устойчивости и широкости известности данной коннотации название *Черемушки* многократно подвергалось вторичной топонимизации. В 1970-1990-е гг. это название носили уже многие микрорайоны, части селений, застроенные типовыми жилыми зданиями, городов Иванова, Донецка, Мариуполя, Макеевки, Одессы, Снежного, Еревана. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина находим следующие примеры вторичной топонимизации, возникшей благодаря развившимся коннотациям топонима Черемушки: «*Черемушки* – поселок в Красноярском крае, на Енисее, его жители – строители и энергетики Саяно-Шушенской ГЭС» («Комс. правда», 1983 г., 16 окт.); микрорайоны в городах Иванове (Россия), Донецке, Мариуполе, Снежном, Макеевке (Донецкая обл.; в последнем городе это название имели три новых двухэтажных дома среди старых одноэтажных), Одессе. Это название в 70-80-е годы прошлого века имели также многие части рабочих поселков и сел Донецкой области: районного центра Великой Новоселовки, поселка Пантелеймоновки, села Новоукраинки, Марьинского района («Социалистический Донбасс», 1984 г., 27 янв.). Название *Черемушки* получали также отдельные улицы, турбазы и другие объекты: улицы с новопостроенными домами в одном из поселков на юге Курильской гряды («Известия», 1987 г., 7 февр.); в усадьбе колхоза «Широкий шлях» в Константиновском районе Донецкой области («Вечерний Донецк», 1982 г., 9 июля); турбаза работников Донецкого энергозавода («Вечерний Донецк», 1979 г., 1 сент.)» [2, с. 487]. В данном случае наблюдается трансоимный переход Топ.1 (ойконим) → УКТ2 → Топ.2 (урбаноним).

В топонимии широко отобразился коннотативный топоним *Шанхай*. Название города в Китае, который в XIX-XX вв. имел узкие улочки, застроенные мазанками и бамбуковыми фанзами, в русском языке приобрело референтную коннотацию «нагромождения халуп, заселенных бедняками», а позже «запущенный район города (как правило, его окраина), состоящий из неблагоустроенных улиц с хаотично разбросанными жилищами». Сравните: «*Так образовался обширный район лепящихся друг к другу мазанок – этот район называли “Шанхаем”*» (Фадеев А. Молодая гвардия); «*Однажды Толик бродил, бормоча стихи в честь Лорелеи, по труппному району города, так называемому “шанхаю”*» (Аксенов В. Ожег). «*Застройка в этом месте, расположенном в нескольких сотнях*

шагов от центральной улицы республиканской столицы, довольно плотная: дома, времянки, сарайчики. – Вся сложность для нас заключалась в тесноте этого “шанхая”», – скажет позже министр внутренних дел Карачаево-Черкесии генерал-майор В.Каныгин. – *Кругом что ни шаг, то жилье*» («Комс. правда», 1995 г., 29 дек.). Развившиеся коннотации «стихийно возникший, хаотично застроенный пригород; неблагоустроенная окраина города; трущобы» способствовали вторичной номинации топонимов и микротопонимов. *Шанхай* – неофициальное название частей городов (городской хороним) Оренбурга («Правда», 1987 г., 4 февр.); Липецка (запись 1971 г.); поселка в Устьянском районе Архангельской области (Печерских, 26); привокзального района города Сухуми («Комс. правда», 1999 г., 18 февр.); окраина города Опочки Псковской области, район улицы Механизаторов, где дома расположены близко друг к другу; старые районы Красногородска, Псковской обл., неофициальное название поселка шахты № 15 в городе Антрацит, Луганской обл., а также двух микрорайонов Донецка (в его Ленинском и Пролетарском районах); часть поселка Новогородка (две его улицы – Мичунина и Гагарина), Донецкая обл. (две его улицы – Мичурина и Гагарина), города Константиновки, Донецкая обл.; так же именуется в народной речи и один из «концов» села Ульяновки, Красноармейского района (запись 1969 г.). *Шанхаем* шутили называли в конце прошлого века и город Волноваха, Донецкой обл. (запись 1995 г.) [2, с. 491-492].

Государство *Швейцария* ассоциируется с живописной гористой местностью. Это излюбленное место отдыха. Благодаря этим характеристикам данный топоним развил коннотативное созначение «местность с красивыми пейзажами (чаще гористая, холмистая), с климатом, благоприятным для отдыха и лечения» и используется в разговорной речи для обозначения любой живописной местности. «15-го числа назначена большая поездка в Гдовскую Швейцарию, 17-го – большой обед у предводителя, потом в виду сельский бал у баронессы» (Дружинин А.В. Дневник, 1853 г.); «Жил я в последнее время в Донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь...» (Чехов А.П., из письма Н.А. Лейкину от 5 мая 1887 г.); *Подмосковная природа столь прекрасна, что не менее десяти районов борются за звание “Подмосковная Швейцария”*» («Известия», 1991 г., 11 мая); «Там все понятно. А здесь жуть. Мне мои сперва рассказывали, что, наоборот, рай. Швейцария типа деревенская» (Идиатуллин Ш. Эра Водолея). Данная коннотация предопределила появление вторичного топонима. «Швейцария – загородное место в

Казани, где в XIX в. находились дачи ее жителей. *Швейцарии две – Немецкая и Русская... Вечером город был иллюминирован, а в Швейцарии, на даче губернатора, состоялся танцевальный вечер»* (Мельников-Печерский П.И. В лесах, кн. 2; примечание автора к тексту романа)» [2, с. 495].

Топоним *Голгофа* (холм в окрестностях Иерусалима; место казней в древней Иудее, где, по христианскому преданию был распят Иисус Христос) со временем приобрел сопутствующее значение «место страданий, мучений, казней». «*Подручные д'Обюссона по «эскадронам смерти» превратили этот поселок в настоящую Голгофу, свозя туда тела своих жертв»* («Известия», 1984 г., 7 февраля); «*Они (узники лагеря), как правило, не опускались, поддерживали друг друга, с достоинством восходили на карагандинскую голгофу»* (Ратавнин Ф. Архипелаг Карлаг). Вероятно, данная коннотация и была использована при метафорическом переносе географического собственного имени. *Голгофа* – название «холма на острове Анзерском (Анзере, Анзерске) в Белом море, входящем в состав Соловецкого архипелага. На вершине холма в начале XX в. была каменная церковь и скит «для монахов и лиц духовного звания, посылаемых сюда «на покой» из Соловецкого монастыря». Б. Ширяев, один из узников Соловецкого лагеря в 20-е годы, в своей книге «Неугасимая лампада» описывал это место так: «Место панихиды? Конечно, «Голгофа» – полянка за святым озером, в лесной глуши, у каменного креста на крови». Это был древний каменный крест, «триста лет простоявший на могиле мучеников за русскую древнюю веру... их имен не знает никто». Название *Голгофа* также получила «гора в Устьянском районе Архангельской губернии в России» [2, с. 158].

Названия зданий, получившие широкую известность во всем мире, со временем приобретают коннотативные созначения, которые могут быть использованы при образовании вторичных онимов.

Название тюрьмы (до XV в. – крепость) в Париже *Бастилия*, твердыни феодально-абсолютистского строя (в 1789 г. была взята восставшим народом) развило коннотации: 1) «тюрьма вообще; всякое место заточения и угнетения человека». «*Человек, вступивший за ограду Тауэра – английской Бастилии, бывшего дворца норманских завоевателей, редко сохранял жизнь»* (Серебрякова Г.И. Предшествование); 2) «неприступная крепость, твердыня». «*Но сердце Эмили Подобно Бастилии»* (Лермонтов М.Ю. <КЭ.К. Мусиной-Пушкиной>, 1839 г.). Вероятно, второе созначение послужило толчком для трансонимизации. *Бастилией* называют «1. главное (высотное) здание МГУ в Москве;

2. учебный корпус Московского энергетического института на Красноказарменной улице» [2, с. 93]. Метафорический перенос названия *Бастилия* также может быть связан с такой характеристикой как неприглядность здания. *Бастилией* называют «жилой дом и продовольственный магазин на Просторной улице в Москве (90-е гг. XX в)» [2, с. 93]. Так называли одно из зданий Горловского педагогического института иностранных языков.

Сорбонна, распространенное второе название Парижского университета, основанного в 1215 г., со временем приобрело коннотацию «любое высшее учебное заведение» (обычно с ироничным оттенком). «*Уже начались экзамены в вашей Сорбонне?*» (запись 1987 г.); «*В нашей Сорбонне стипендию два месяца не выдают*» (запись 1995 г.). Данное коннотативное созначение использовалось при трансонимизации. *Сорбонной* называются «в просторечии жителей Санкт-Петербурга а) Санкт-Петербургский государственный университет; б) специальная средняя школа милиции в поселке Стрельна, Петродворцового района» [2, с. 410]; один из корпусов Горловского педагогического института иностранных языков.

Улица *Бродвей (Broadway)* получила широкую известность во всем мире. Описание данной улицы находим в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова. «*Прогулка по Бродвею закончилась посещением тридцатипятицентового бурлеска...*» (Ильф И., Петров Е. Колумб причаливает к берегу); «*На Бродвее сосредоточены театры, кинематографы и дансинги города*» (Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка). Благодаря концентрации культурных и коммерческих заведений, название данной улицы со временем обросло коннотациями: 1. «городская улица, где сосредоточены магазины и разные коммерческие развлекательные заведения с яркой рекламой» «... *Гонолулу. Где-то в гавани отшвартовался и тяжело вздохнул стальными легкими теплоход; на столичном бродвее – авеню Калакуа – дважды застенчиво звякнул колокольчик велорикши*» («Известия», 1978 г., 17 янв.); 2. «главная улица; любая улица, где вечерами собирается публика; место прогулок и развлечений» «*Подумаешь, принцесса! Такие, как она, косяками ходят по "Бродвее"*» (Попов В. И это называется будни...); «*Наглухо заколочены особняки даже на центральном "Бродвее" Юрмалы, по которому когда-то фланировали нарядные толпы*» («Комс. правда», 1988 г., 4 июня). Данные коннотации были использованы при трансонимизации. *Бродвей* называют «1) улицу Советскую в г. Пикалёво, Бокситогорского р-на Ленинградской области; 2) рижский проспект в Пскове; центральную аллею в Детском парке в Пскове; улицу Партизанскую в Новосокольниках; улицу

Пролетарскую в Опочке (записи 2004-2005 гг.); 3) ул. Йывана Кырли в г. Йошкар-Ола (Россия); 4) неофиц. название главных улиц в населенных пунктах Донбасса: г. Краматорска, г. Кадиевки, г. Северодонецка, а также места гуляния в селе Павлополь, Новоазовского р-на Донецкой области; *Бродвей-Центр* – Невский проспект в Санкт-Петербурге от улицы Восстания до улицы Гоголя « [2, с. 100-103].

Благодаря развившимся в них коннотативным значениям личные имена, фамилии, литературные антропонимы и мифоантропонимы могут выступать в качестве прозвищ.

Коннотация «богатырь, силач» мифоантропонима *Геркулес* (в античной мифологии – сын Зевса и смертной женщины Алкмены) послужила появлению «прозвища сильного, атлетически сложенного мужчины (запись 2002 г., Москва)» [2, с. 152]. Коннотация «гордый, сильный, независимый человек, отдавший себя служению людям» мифоантропонима *Прометей* (в греческой мифологии – могучий титан, похитивший для людей огонь у богов с Олимпа) легла в основу «прозвища сильного и отважного человека (БСРП, 456)» [2, с. 369]. Мифоантропоним *Нарцисс* (в древнегреческой мифологии – имя прекрасного юноши, влюбившегося в собственное отражение в воде источника) благодаря коннотации «самовлюбленный, любующийся собой человек (чаще – мужчина)» стал «одним из прозвищ российского политика Г.А. Явлинского БСРП, 390)» [2, с. 325]. Коннотация «могучий великан, сильный человек высокого роста» мифоантропонима *Голиаф* (в библейской мифологии – великан, побежденный Давидом) послужила основанием для появления прозвища рослого человека *Голиаф*. «*Играли здесь знаменитости того времени: Пискун, Соломон, Шулькевич, Голиаф, Малинин и, не последний среди них, Кондратьев. (...) К нам подсел великан, игрок Голиаф, которого я давно знал*» (Гиляровский В. Жизнерадостные люди) [2, с. 159].

Переход личных имен и фамилий в прозвища, как и переход мифоантропонимов в прозвища, происходит также на основе метафорического переноса. Так, имя афинского оратора *Демосфена*, прославившегося своими речами против македонского царя Филиппа II, приобрело коннотацию «оратор; любитель произносить речи; человек, склонный к витийству, краснобайству». «*Скажи лучше, что делать, а не бранись, Демосфен полтавский* (Тургенев И.С. Дворянское гнездо); *Ах, какой слог, какая сила и... какой благородный пафос! Златоуст! Демосфен!*» (Шишков В. Емельян Пугачев). Данная коннотация легла в основу «ироничного прозвища В.С. Черномырдина – *Демосфен* (БСРП, 190)» [2, с. 165]. Развившаяся коннотация

«ветренная, чувственная женщина; жрица любви» в личном имени *Мессалина* (жена римского императора Клавдия, прославившаяся распутством) послужила появлению «прозвища *Мессалина* у журналистки Дарьи Асламовой (БСРП, 363)» [2, с. 307]. Имя *Федосья* (разговорная форма личного женского имени Феодосия) приобрело коннотацию «простая, необразованная женщина». Данная коннотация дала толчок прозвищу. «*Федосья* – прозвище недалекой (имеющей другое паспортное имя) женщины (запись 1998 г.; г. Макеевка, Донецкой обл.)» [2, с. 447]. Мужское имя немецкого происхождения *Фриц* ассоциировалось у русского народа с любым немцем, с солдатом гитлеровской армии, фашистом. Данные коннотации способствовали созданию прозвища *Фриц* – «1. учитель немецкого языка. Фриц – то двоечником был в универе, моя сестра с ним училась (запись 2001 г.); 2. в студенческом жаргоне – курсант военного училища (запись 2003 г.); 3. в школьном аргоне – прозвище жестокого, безжалостного (особенно в обращении с животными) мальчика (запись 2004 г.)» [2, с. 465].

Антропоним *Видок* (сокращенное имя Франсуа-Эжен Видока (1775-1857), сыщика и шефа парижской сыскной полиции) развил коннотацию «доносчик, осведомитель; полицейский агент по сыску, слежке; тот, кто выслеживает, шпионит». Данная коннотация натолкнула на появление прозвища. «*Видок* – прозвище известного журналиста и писателя Ф.В. Булгарина (1789-1859), писавшего доносы на литераторов в III Отделение и усердно выполнявшего поручения Бекендорфа (внутривидовая трансонимизация: антропоним → коннотативный антропоним → прозвище). *Видоком* назван Булгарин в статье А.С. Пушкина «О записках Видока» (1830 г.), а также в двух эпиграммах на него и в стихотворении «Моя родословная». «*Не то беда, Авдей Флюгарин, Что на Парнасе ты цыган, Что в свете ты Видок Фиглярин: Беда, что скучен твой роман*». Под именем *Видока* представлен Ф. В. Булгарин и в стихотворении М.Н. Лонгинова (1823-1875) «Свадьба поэта»: «*Почетной стражи целый строй / Явился за Видоком*» [2, с. 138].

Фамилия гениального русского писателя *Пушкина* в силу своей известности постепенно приобрела целый ряд сопутствующих коннотативных оттенков: 1. «неопределенно, неизвестно кто; кто-то другой; универсальный человек Никто». Это связано с ментальностью данной фамилии – одного из центров культурного поля русских, ощущением всеприсутствия денотата этого собственного имени в их жизни. «*Как вредить, так они первые, а как отвечать, так Пушкин?*» (Максимов В.

Прощание из неоткуда); 2. «выдающийся поэт». *«Их первенец Александр, модно стриженный, как арестант, стал поэтом. Вчера написала «ЛГ»: Новый Пушкин! Дождались мы наконец. Правда, сложен. Но трудно попасть на концерт»* (Вознесенский А. Мария Яновна). 3. «поэт, писатель» (ирон., неодобр.). *«Но все осложнилось... Вдруг опять меня вызвал начальник... – А? Пушкинхуюшкин! – приветствовал он меня. (Он узнал, что я писатель). Сочинитель кислых щей и профессор ваксы... Ты хитер, а есть тебя хитрее...»* (Кочин А. Королевы); 4. «кудрявый человек» (шутливое). Используется в современном молодежном жаргоне. *«А это пушкин со второго курса, у него химия или свои кудри?»* (запись 1997 г.). Одно из данных созначений этой фамилии было использовано при создании прозвищ. *Пушкин* – «прозвище, дважды зафиксировано в антропонимиконе русскоязычных приазовских греков Донецкой области (записано в конце 90-х гг. XX в.). В одном случае носителем такого прозвища оказался мужчина с курчавыми волосами, в другом – местный балагур, любитель присочинить, приврать» [2, с. 374-375].

Фамилия выдающегося русского химика *Менделеева* со временем получила референтную коннотацию «искусный изготовитель разных смесей, «химик». Например, *«Менделеев от наркомафии»* – название статьи в «Комсомольской правде» (2001 г., 23 янв.), где рассказывается об одном «талантливом химике», наладившем производство синтетических наркотиков. Благодаря данной коннотации эта фамилия использовалась в качестве прозвищ. *«Менделеев* – прозвище учителя химии (Псков. Запись 2004 г.); *Менделей* – Оренб. Шутливое прозвище человека, любящего смешивать порошки» [2, с. 305].

Развитие коннотативных созначений в литературных антропонимах часто становится базой для создания прозвищ. Так, коннотация «очень высокий человек» литературного антропонима *дядя Степа* (персонаж стихотворений С. Михалкова «Дядя Степа» и «Дядя Степа-милиционер») легла в основу прозвища. *«Дядя Степа* – прозвище человека высокого роста (Донецк, 1999 г.)» [2, с. 177]. Литературный антропоним *Маугли* (персонаж «Книги джунглей» и «Второй книги джунглей» (1894, 1895 гг.) английского писателя Р. Кипплинга), благодаря развившейся в нем коннотации «человек, своей внешностью и «диким» поведением напоминающий Маугли» был использован как часть прозвища. *«Маугли-Тарзан* – прозвище мальчика с длинными волосами (Псков. Запись 2003 г.)». [2, с. 301]. Имя *Тарзан* главного персонажа романа Эдгара Барроу «Тарзан, царь обезьян» (1912 г.) ассоциируется с понятием «хорошо сложенный

мужчина». Кроме того, в нем сформировалось сопутствующее коннотативное значение «одичавший человек». Одно из данных сознания было использовано при трансонимном переходе данного литературного антропонима в прозвища. «*Тарзан* – прозвище человека, который «не может связать двух слов» (запись 2000 г., Мариуполь); *Тарзан* – «артистическое имя» известного в начале 2000-х гг. в Москве стриптизера Сергея Глушко, выступавшего в ночных клубах. «*И вот однажды она подбила меня снять стриптизера Тарзана, который сейчас типа муж Наташи Королевой*» («Экспресс-газета», 2005 г., № 1)» [2, с. 415-416]. Коннотация «неприятный, нехороший человек» литературного антропонима *Бармалей*, персонажа сказок К.И. Чуковского «Бармалей» и «Айболит», легла в основу прозвища. «*Бармалей* – прозвище мужчины с устрашающей внешностью» [2, с. 91]. Литературный антропоним *Фигаро* (имя персонажа оперы Д. Россини «Севильский цирюльник», парикмахера и слуги графа Альмививы), ассоциируясь с внеязыковыми реалиями «находчивость, умение выходить из любого затруднительного положения», было использовано в качестве «прозвища энергичного, темпераментного человека» [2, с. 455]. Фамилия *Шариков* персонажа повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» из-за коннотативных значений «1. вышедший из социальных низов невежественный, агрессивно настроенный человек, не способный к созидательной деятельности, умеющий только отнимать и делить между себе подобными; 2. примитивно мыслящий коммунист, с узким кругозором; 3. невежда, нахал, примитивный человек» была использована как прозвище. «*Шариков* – прозвище российского политика В.И. Анпилова, лидера движения «Трудовая Россия» (БСРП, 612)» [2, с. 494]. Фамилия *Штирлиц* героя популярного телесериала «Семнадцать мгновений весны» благодаря коннотации «разведчик, шпион, агент» стала прозвищем. «*Штирлиц* – прозвище человека, который все докладывает кому-то, доносит на кого-то (БСРП, 623)» [2, с. 497].

Таким образом, имена собственные могут участвовать в абсолютной трансонимизации благодаря развившимся в них метафорическим значениям – добавочным референтным (понятийным) коннотациям, которые возникают вследствие воздействия внеязыковых факторов (таких, как связь с историческим событием, характеризующие признаки литературного персонажа и др.). Эти коннотации способствуют тому, что собственное имя может выступать как эквивалент общеупотребительных слов, при этом не утрачивая своих

проприальных свойств. В семантике таких имен еще не порвана связь с денотатами, сохраняется «топонимический или антропонимический фон» восприятия имени. Коннотативный оним выступает как промежуточное звено в абсолютной трансонимизации. Общая схема этого процесса: СИ 1 → КСИ → СИ 2, где СИ 1 – первичное собственное имя, КСИ – коннотативный оним, СИ 2 – лексема, испытывавшая вторичную номинацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.
2. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 358 с.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М.В. Внутривидовая трансонимизация с участием коннотативных онимов

Статья посвящена образованию имен собственных с помощью трансонимизации, а именно той ее разновидности, когда коннотативный оним выступает промежуточным звеном в процессе внутривидового перехода онимов.

Ключевые слова: трансонимизация, коннотативный оним (коннотоним).

SUMMARY

Yakovenko M.V. Intraspecific Transonymisation with Connotonyms

The article is devoted to the formation of the proper names by means of transonymisation, particularly the cases where the connotonyms are the intermediate in the process of interspecific onym transition.

Key words: transonymisation, connotative onym (connotonym).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьева Анжелика Муллануровна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Баранова Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Воеводина Ангелина Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» (г. Донецк, РФ),

Вострецова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, проректор по научной работе и инновационной деятельности, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Демченко Наталья Сергеевна – старший преподаватель, ФГКОУ ВО «Донецкий институт ГПС МЧС России» (г. Донецк, РФ);

Дзис Анна Витальевна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, докторант, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

- Долгая Елена Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, декан филологического факультета, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Жуков Юрий Юрьевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, декан гуманитарного факультета, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Лешкова Наталия Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Малахова Любава Владимировна** – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания, аспирант, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Малахов Руслан Сергеевич** – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Меживая Виолетта Сергеевна** – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Донецк, РФ);

Минина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Моргачева Алина Сергеевна – магистрант 2-го года обучения филологического факультета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Петрачкова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного учреждения образования «Гомельский государственный медицинский университет» (г. Гомель, Республика Беларусь);

Повторуха Наталья Васильевна – преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Понкратенкова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Решетарова Анна Максимовна – преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (Горловка, РФ);

Решетарова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Святобаченко Ирина Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);

Соловцова Елена Валериевна – старший преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО

- «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Солопова Людмила Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Соснина Людмила Васильевна** – доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой английского языка ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет» (г. Донецк, РФ);
- Степанова Ирина Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, РФ);
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Яковенко Марина Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ);
- Ясинецкая Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, РФ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avksentyeva Anzhelika Mullanurovna – Senior Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);

- Baranova Olga Ivanovna** – Senior Lecturer of the English Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Dmitrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, PhD student of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Dolgaya Elena Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Dzis Ann Vitalievna** – Postgraduate Student and Assistant of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Ivakhnenko Marina Nikolaevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation, Dean of the Faculty of Humanities of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Kalinkin Valery Mikhailovich** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Leshkova Natalya Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Malakhova Lyubava Vladimirovna** – Assistant of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Postgraduate Student of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Malakhov Ruslan Sergeevich** – Postgraduate Student of the Department of the Russian Language and

- General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Mezhivaya Violetta Sergeevna** – Postgraduate Student of the Department of the Russian language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Minina Elena Vladimirovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Morgacheva Alina Sergeevna** – 2nd-year Master's student of the Philological Faculty of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Petrachkova Inna Mikhailovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language of Educational Institution «Gomel State Medical University» (Gomel, Republic of Belarus);
- Ponkratenkova Anastasia Vladimirovna** – Postgraduate Student of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Povtorukha Natalia Vasilievna** – Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Reshetarova Anna Maksimovna** – Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Reshetarova Irina Vladimirovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation, of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Stepanova Irina Valerievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language of FSBEI HE «Chelyabinsk State University» (Chelyabinsk, RF);
- Solopova Lyudmila Evgenievna** – Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice

- of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Solovtsova Elena Valerievna** – Senior Lecturer of the English Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Shtakina Lyudmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the English Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Svyatobachenko Irina Stanislavovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and General Linguistics Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Voyevodina Angelina Vasilievna** – Candidate of Philology, Head of the Department of Humanities of FSBEI HE «Donbass State University of Justice» (Donetsk, RF);
- Vostretsova Viktoria Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Yakovenko Marina Victorovna** – Lecturer of the English Philology Department of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Yasinetskaya Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF);
- Zhikhareva Nataliia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department, Dean of the Philological Faculty of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University» (Gorlovka, RF).

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Герасименко

ЯЗЫК ЭПИСТОЛЯРИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ ТИПОВ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ	3
---	---

В. М. Калинин

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА И DIFFERENTIA SPECIFICA ПОЭТОНИМОЛОГИИ. ЧАСТЬ I	11
---	----

Л. В. Соснина, Н. С. Демченко

ЭТНОФОЛИЗМЫ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРУМАХ.....	21
---	----

А. В. Воеводина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	29
---	----

В. А. Вострецова

ОТЛИЧИЯ В СОЗДАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ.....	37
--	----

Ю. Л. Дмитриева, Л. В. Малахова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗ ДОМА В ПОВЕСТИ «ЯР» С.А. ЕСЕНИНА	45
--	----

Е. А. Долгая

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.В.СТАНКЕВИЧА	53
--	----

Н. А. Жихарева, А. С. Моргачева

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КИНОТЕСКТ».....	60
---	----

Ю. Ю. Жуков

ТЕКСТ МАСС-МЕДИА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТИЛИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	70
---	----

М. Н. Ивахненко

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ,
ФУНКЦИИ, АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ.....75

Н. В. Лешкова

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАДИСКУРСА
В ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ83

И. В. Решетарова

ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ТУРИСТСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ90

И. С. Святобаченко

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
НАГРУЗКА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ
В СОСТАВНОМ ИМЕННОМ СКАЗУЕМОМ96

И. В. Степанова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
В СКАЗКЕ У. ТЕККЕРЕЯ «КОЛЬЦО И РОЗА».....104

Е. В. Минина

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНАМИ
СОБСТВЕННЫМИ113

И. М. Петрачкова

РОЛЬ АПЕЛЛЯТИВНО-ОНИМНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДРАМАТУРГИИ
А.Н. АРБУЗОВА119

В. В. Фефелова

TERMES SPECIFIQUES DES JEUNES DANS LES DISCOURS
ECRITS DES BLOGUEURS.....126

L. A. Shtakina

RHYTHM AS OPTIMALITY FACTOR
IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING.....133

Н. А. Ясинецкая

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ	142
<i>А. М. Авксентьева</i>	
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	150
<i>О. И. Баранова</i>	
ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕССОВ УПОДОБЛЕНИЯ ЗВУКОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	158
<i>А. В. Дзис</i>	
МОТИВЫ НАИМЕНОВАНИЯ И ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ АДРЕСНЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРЛОВКИ	164
<i>Р. С. Малахов</i>	
ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	170
<i>В. С. Меживая</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	174
<i>Н. В. Повторуха</i>	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)	184
<i>А. В. Понкратенкова</i>	
ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ	192
<i>А. М. Решетарова</i>	
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СТЕНДАП-КОМИКА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	199

Е. В. Соловцова

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ КОМИССИВНОЙ ИНТЕНЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ).....	207
--	-----

Л. Е. Солопова

ТЕРМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ МОДЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЖУРНАЛОВ МОД)	219
---	-----

М. В. Яковенко

ВНУТРИВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ С УЧАСТИЕМ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ.....	226
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	243
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	246

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск семнадцатый (сорок третий)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор Н. А. Сытник
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректор Н. А. Жихарева

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 27.06.2024.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 14,35. Уч.-изд. л. – 16,05.
Усл.-изд. л. – 14,88.
Тираж 300 экз. Зак. № 33.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25